

Российская Академия Наук
Институт философии

ЧЕЛОВЕК ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Междисциплинарные исследования

Выпуск 3

Москва
2009

УДК 300.312
ББК 156.56
Ч–39

Ответственный редактор:

доктор филос. наук *М.С. Киселева*

Рецензенты

кандидат филос. наук *Е.Д. Клементьев*
доктор филос. наук *П.Д. Тищенко*

Ч–39

Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. Вып. 3 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. М.С. Киселева. – М. : ИФРАН, 2009. – 226 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0148-0.

Третий выпуск сборника посвящен анализу проблем инноваций человеческой деятельности в самом широком историко-культурном, социологическом, антропологическом и коммуникационном аспектах. Основная методологическая проблема, встающая перед авторами, – реконструировать способы идентификации новаций самой культурой, а также понять ответные реакции человека на всех уровнях его самоорганизации. Новое звучание в связи с этим обретает вопрос о соотношении традиций и новаций, актуальный для самоидентификации человека современной культуры.

Предисловие

Обращение к инновационным процессам в современной культуре – актуальная тема. Кто-то исследует инновации, видя в них выход из современного кризисного состояния общества; кто-то считает инновационное развитие основанием новых цивилизационных изменений с их обязательными, и положительными и отрицательными, социальными последствиями; кому-то кажется, что современные инновации способны проложить путь в ближайшем будущем к преобразованию самой природы человека и открыть чуть ли не эликсир молодости, а там рукой подать до бессмертия в той или иной форме (клон, замена отработанных органов и т.п.). Дело лишь за немногим – оптимизировать процесс, сделать человека технологически продуктивным.

XX век страшным опытом войн с их массовым уничтожением миллионов людей посредством высокотехнологического оружия и колоссальных затрат на его разработки все же преподал человечеству урок того, что является самоценным на этой земле. Урок пройден. Усвоен ли он? Это покажут приоритеты разворачивающихся инновационных процессов.

В сборнике проблема инновационного развития ограничивается двумя аспектами.

Во-первых, речь идет об инновациях с их гуманитарной составляющей, которой посвящен первый раздел сборника «Человек в современном инновационном процессе». Здесь собраны статьи, рассматривающие как предысторию исследования инновационных процессов, так и современное их состояние. Осмыслению начальных этапов инновационных процессов в творчестве академика И.Т.Фролова, которые в 80-е гг. прошлого века определялись термином «хай-тек», посвящена статья Г.Л.Белкиной и С.Н.Корсакова. В статье подчеркивается основная идея, принадлежащая создателю академического Института человека, – высокие технологии важны не сами по себе, а лишь в «высоком соприкосновении» с возможностями совершенствования гуманистических отношений и с развитием принципов гуманизма в человеческом обществе. Т.Артемова и М.Микешин, анализируя современную англоязычную литературу, показывают основные точки роста в мире инноваций, которые сопряжены с человеком, его интересами, потреб-

ностями и актуальными возможностями. В статье И.Ашмарина эта же тема продолжает обсуждаться в полемическом и социально-критическом аспекте. Несколько иначе, с позиций деятельностного подхода, исследует проблему Г.Степанова, полагая, что инновационные процессы требуют и базируются на успешной совместной деятельности людей. В совместной статье двух последних авторов анализируются результаты социологического обследования, проведенного в современной студенческой среде, которые показывают вырабатываемую за годы учебы у активно ориентированных студентов готовность к участию в инновационном развитии общества. Совсем иной, гуманитарно-медицинский аспект современных инновационных технологий и стратегий исследуется в статье И.Андрева, И.Шабановой «Микробиологические аспекты восстановительной медицины».

Во-вторых, в сборнике проблеме инноваций придан широкий историко-культурный и социальный смысл, который дает ретроспективу инновационной деятельности, являющейся основой социокультурного механизма взаимосвязи и взаимозависимости традиций и новаций. Разработка этих тем посвящена вторая часть сборника «Традиционность и новаторство в прошлом и настоящем: многообразие возможностей». Эта часть открывается статьей В. Келле, который анализирует целостную картину исторического процесса от его начальных этапов до современных состояний, акцентируя внимание на методологических проблемах исторического многообразия в аспекте традиционного/новационного. Ю.Гранин обращается к исследованию традиций и новаций в современных национальных государствах в контексте неолиберальной глобализации. Методологические проблемы интересуют также Ю.Резника, который рассматривает человека в границах системности в связи с традиционной, но всегда актуальной проблемой трансперсональности. Личность в отношении к власти описывается А.Разумовым в историко-культурном контексте с акцентом на отечественные социальные реалии, где всякая новация тянет за собой глубокую традицию. Исследование Т.Чумаковой посвящено истории развития российской университетской науки второй половины XIX в., в котором показано, что научные открытия связаны с потребностями университетского самоуправления, созданием практических институций (лабораторий) в учебном процессе и становлением этоса

ученого-исследователя. Сборник включает статья, автор которой, О.Шульман, обращается к несколько неожиданному материалу – уставам монашеских общин Августина Блаженного и Бенедикта Нурсийского. В этом историко-культурном анализе интересующая нас проблема традиции и новации имеет свое звучание. В монашеской общине Августина как сообществе друзей можно предполагать мотивы эпикурейского Сада, объединяющего друзей и единомышленников, бенедиктинский же монастырь, культивирующий школу внимания, скорее ориентирует на схоластические новации будущего европейского Средневековья.

Сборник не предполагает, разумеется, исчерпывания темы, а лишь претендует на ее развитие в указанных аспектах. Полагаем, что дальнейшие исследования авторов позволят со временем вернуться к данной теме, тем более что инновационный процесс сегодня лишь набирает силу и актуальность его исследования, безусловно, возрастает.

Марина Киселева

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ ИННОВАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

Галина Белкина, Сергей Корсаков

«Хай-тек» как высокое соприкосновение

Выражение «хай-тек», обозначающее высокие технологии, первоначально было связано с применением новейших материалов в архитектуре и дизайне. Вскоре контекст его применения расширился, и сегодня оно отождествляется прежде всего со сферой компьютеров, электроники, робототехники. В русский язык это выражение прочно вошло в 1990-е гг., т.е. именно тогда, когда общение с персональным компьютером стало повседневностью для наших соотечественников. В XXI в. применение технологий хай-тек стало предметом осмысления не только специалистов-электронщиков, но уже социологов и философов.

На выражение «хай-тек» одним из первых среди отечественных учёных обратил внимание академик И.Т.Фролов. Правда, он не довольствовался простой калькой с английского языка. Как истинный философ, он увидел в этом термине «хай-тек» целый узел проблем, связанных с взаимодействием человека с новой технологией. Академик Фролов был наделён прекрасным художественным вкусом, позволявшим ему сочетать понятийное и образное мышление. Он предложил передать выражение «хай-тек» через образ «высокого соприкосновения». «Высокого соприкосновения» познания, нравственности и политики, современной науки и техники с человеком.

Академик Фролов со всей остротой поставил проблему соответствия современной техники степени социально-нравственного развития человека, их «высокого соприкоснове-

ния», «нового синтеза» науки и гуманизма. Он писал, что «чем выше уровень технологии производства и всей человеческой деятельности, тем выше должна быть и ступень развития общества, самого человека в их взаимодействии с природой, новая цивилизация и новая гуманистическая культура, исходящая из того, что человек – самоцель общественного развития»¹. Экономическая система может обеспечивать успешный прогресс техники и производства, но он не будет устойчивым, если его предназначение не направлено ко благу человека и если те, кто обслуживают технику и производство, сами не находятся на соответствующем уровне социокультурного развития. Новая техника требует нового мышления, нового общества, экологического и гуманного – вот мысль Фролова, отчётливо выраженная в его работах по этике науки и глобальным проблемам современности. Человек не может действовать с узких позиций частного интереса в то время, как техника, посредством которой он действует, приобрела универсальный, глобальный характер. Он должен нравственно вырасти, чтобы соответствовать себе самому, как преобразователю природы, в противном случае он погубит и технику, и природу, и себя самого.

В 1980-е гг. учёный настойчиво размышлял о перспективах человека в век научно-технической революции. Только что двумя изданиями вышла его книга «Перспективы человека», в которой он исследовал, как НТР не только изменяет среду обитания человека, но и воздействует на его собственную природу. В работах тех лет по этике науки и глобальным проблемам современности Фролов писал о том, что прогресс науки и техники не будет устойчивым, если те, кто обслуживают технику и производство, сами не будут находиться на соответствующем уровне социокультурного развития. Новая техника требует нового мышления и нового уровня развития человека – вот мысль И.Т.Фролова, отчётливо выраженная в его работах. В созданном в первой половине 1980-х гг. цикле работ, посвящённом НТП, философ показал, что современный этап научно-технического прогресса сопрягается с проблемой человека и актуализирует общеметодологические и социально-этические принципы его познания, поскольку возникает необходимость социальной и биологической адаптации человека к среде не только естественной, но и уже преобразованной последствиями научно-

технической революции. Все эти размышления и сфокусировались в термине «высокое соприкосновение». Получилось это следующим образом.

В апреле 1984 г. И.Т.Фролов вместе с академиком Н.Н.Моисеевым участвовал в международном симпозиуме «Коэволюция и век роботов», организованном Международным Институтом жизни в Париже.

Фролов с большим вниманием слушал выступления учёных из разных стран на парижском симпозиуме. Его, конечно же, интересовали доклады о перспективах, которые открывает применение высоких технологий: создание живых организмов искусственным путём, успехи в области изучения «искусственного интеллекта», приоритетное развитие биотехнологии в США и Японии, превращение знания в источник создания стоимости. Но особое внимание он уделил тем докладам, где затрагивались социальные издержки нового рывка в развитии производительных сил: рост безработицы, трудности социализации у детей эпохи телевидения и компьютеров, усиление технологической зависимости развивающихся стран от США, ревниво оберегающих свои патентные права. Близки ему были высказанные в ряде докладов идеи о необходимости не просто коэволюции, а коадаптации живого и новой техники и о том, что рыночную конкуренцию должна заменять глобальная кооперация.

В своём докладе на симпозиуме он постарался дать свой ответ на поставленные вопросы. Суть его позиции сводилась к тому, что технология не существует сама по себе и недостаточно просто наложить новую технологию на старый образ жизни, нужны радикальные изменения в самом обществе, необходима оценка новой технологии и пределов её применимости с человеческой точки зрения.

На полях записной книжки, которой он пользовался в Париже, Фролов пометил для себя «задание» – подготовить статью по этим темам: «В “Вопросах философии” в № 9 или 10: Тема для статьи: “Микроэлектроника, информатика, биотехнология и общество: социальные и гуманистические проблемы будущего человеческой цивилизации”. Опубликовать до ноябрьского всесоюзного совещания по НТП». Имелась в виду предстоявшая в ноябре 1984 г. Всесоюзная конференция «Социальные и методологиче-

ские проблемы научно-технического прогресса». Из проекта названия статьи видно, что академик предполагал не только высказаться по поводу современных биоэтических дискуссий, но и отреагировать на недавно опубликованный доклад Римского клуба «Микроэлектроника и общество».

Собственно, услышанные на симпозиуме цифры затрат, делаемых в Японии на развитие новой техники, и были для Ивана Тимофеевича «внутренней» причиной той поездки в Японию в 1984 г.

Пребывание в Японии, которая сумела совершить гигантский скачок в результате освоения высоких технологий, произвело большое впечатление на И.Т.Фролова. Вернувшись из Японии, он написал статью «Высокое соприкосновение» для газеты «Правда». А для журнала «Вопросы философии» он подготовил статью на ту же тему совместно с Н.Н.Моисеевым². Статья называлась «Высокое соприкосновение: (Общество, человек и природа в век микроэлектроники, информатики и биотехнологии)». В статье хорошо была показана амбивалентность социального измерения высоких технологий, то, что их применение может как усугублять социальное отчуждение, так и содействовать его снятию. Тупик безработицы или общий рост интеллектуализации труда – вот альтернатива, которую ставят перед обществом высокие технологии.

В статье были проанализированы пороки капиталистической формы новой стадии НТР: рост массовой безработицы, увеличение доли неквалифицированного труда в высокотехнологичном производстве, технологическая зависимость развивающихся стран, усиление бюрократизации, опасность контроля за поведением и мышлением. Был сделан вывод о том, что новой технологии будет адекватной новая цивилизация, в которой наука как общественная сила не будет искажаться её применением в частных интересах. В новом обществе человек «не будет “вытесняться” новой технологией из производства как “ненужный” для него элемент, пополняя армию безработных, а получит всё большую возможность творчески включаться в него и в подлинном смысле слова подчинять его своим материальным и духовным потребностям, развивать свои способности, в том числе и непосредственно за пределами производства, которое переходит к машинам»³. Такая творческая деятельность целостного, гармонически развитого человека позволит ему полноценно осуществлять «высокое соприкосновение» как с

новейшей технологией, так и с природной средой, а не прозябать где-то рядом с новой техносферой. Данную перспективу авторы обозначили как гармонизацию в глобальных масштабах.

С позиций сегодняшнего дня сделанный в статье вывод весьма актуален. Возьмём, к примеру, проблемы применения биотехнологий. Научный разум сможет в будущем создать клон человека, но как определить, гуманен ли этот акт, из чего при этом исходить? Для оценки этого факта могут быть выработаны самые разные этические системы. Тем не менее в обществе, где сохраняется разделение на социальные группы с противоположными интересами, любые необратимые манипуляции с генетикой человека ставят под угрозу индивидуальность человека, его уникальность и целостность, и могут привести к катастрофе. Подобное допустимо лишь в обществе, достигшем состояния социальной однородности и гармонии.

И.Т.Фролов рассматривал проблему «высокие технологии – человек» в широком культурном контексте. Важно не только уделять внимание человеку как фактору ускоренного развития техники, важно то, насколько сопряжено это ускорение с развитием культурного качества социального субъекта. Несоответствие того и другого может иметь весьма драматические последствия для человеческой цивилизации.

Философ точно и остро сформулировал проблему: он говорил, что сейчас существуют своеобразные «ножницы» между нравственными гуманистическими качествами общества и тем могуществом, которое достигнуто человечеством благодаря науке, в том числе и в области биологии. Состояние нашего морального сознания совершенно не соответствует тому, что происходит⁴. Фролов утверждал, что в конечном счёте именно «высокое соприкосновение» науки и соответствующих социокультурных условий является залогом позитивного развития современной цивилизации.

Предостережения этого крупного отечественного философа выглядят сегодня чрезвычайно актуально, и не только в связи с нездоровым ажиотажем в мире вокруг той же проблемы клонирования. Кстати, Фролов предвидел это. В статье о «высоком соприкосновении» он писал, что вопросы эти «стали предметом не только многих научных, но, к сожалению, и полунаучных, околонуучных, а иногда и антинауучных обсуждений во всём мире»⁵.

В статье Н.Н.Моисеева и И.Т.Фролова в «Вопросах философии» был поставлен и вопрос о нарастающем отставании СССР от США и Японии в области высоких технологий, о том, что в век микроэлектроники, информатики, робототехники и биотехнологии социализм может быть успешным, лишь если революционизирует производство, комплексно соединив с ним науку. Фролов создавал, что «застойный» социализм не может адаптироваться к современной НТР. Это стало для него важнейшим мотивом поддержки политики перестройки во второй половине 1980-х гг.

Большой отклик выдвинутая Фроловым идея «высокого соприкосновения» получила в Болгарии; его статья была переведена, рекламировалась. Во второй половине 1980-х гг. академик возглавлял Общество советско-болгарской дружбы и консультировал болгарских руководителей по вопросам НТП. Болгария стала координатором политики в области новой технологии в рамках Совета экономической взаимопомощи.

И.Т.Фролов был глубоко убеждён, что для изменения экономической ситуации, сложившейся в нашей стране к середине 1980-х гг., необходимо совершить коренной поворот в ускорении НТП, доказывал значение всего этого не только для судеб страны, но и для перспектив социалистической системы. Он считал, что ускорение НТП надо было начинать ещё в середине 1960-х гг., и если бы мы сумели перестроить на основе новых технологий всё производство, повысили бы производительность и качество труда прежде чем вводить рыночные отношения – не произошло бы катастрофы 1991 г. Однако уровень мышления тех, кто тогда принимал решения, не соответствовал уровню развития современной технологии.

Фролов много делал для интенсификации исследований социально-философских аспектов НТП. В первой половине 1980-х гг. он возглавлял отдел философских вопросов естествознания в журнале «Вопросы философии» и всячески способствовал публикации на страницах журнала статей по проблематике НТП. В 1984 г. он участвовал в подготовке Постановления об участии молодежи в развитии вычислительной техники и изучении основ её использования. В ноябре 1984 г. на Всесоюзной конференции «Социальные и методологические проблемы научно-технического прогресса» учёный выступил с докладом о «высоком соприкосновении». В мае 1986 г. на Всесоюзной конференции учёных по про-

блемам мира и предотвращения ядерной войны Фролов говорил, что смысл «высокого соприкосновения» в изменении ценностных ориентаций людей, в соединении разума и гуманности, которое даёт мудрость.

И.Т.Фролов всячески стремился пропагандировать идею «высокого соприкосновения». Он поставил её на обсуждение участников «круглого стола» журнала «Знание – сила» в рубрике «Институт человека» (1986. № 2). Руководитель «круглого стола» обратил внимание на опасность «кризиса идентичности» современного человека, которая возникает, если технический прогресс не сопровождается гуманистическим регулированием. Современные технологии, в частности системы связи, создают принципиально новую, в том числе бытовую реальность. Но вместе с тем человек не всегда способен по объективным, так сказать, поколенческим причинам успевать за совершающимися изменениями. Результатом становятся коллизии и драмы человеческих жизней. Дело не в технофобии, утверждал Фролов, а в том, чтобы обеспечить «высокое соприкосновение» новой техники с гуманистическими ценностями. Гуманитарные проблемы, связанные с вхождением в мир высокой технологии, подчёркивал академик, не могут решиться автоматически. Нужны соответствующие организационные усилия.

Своеобразие позиции Ивана Тимофеевича – именно в сопряжении социально-философского анализа НТП с проблемой человека. Он проводил мысль о необходимости усиления структурно-организационного взаимодействия и интеграции наук через развитие междисциплинарных исследований и ставил перед государственными органами вопрос о принятии и финансовом обеспечении комплексных программ научных исследований, об организации центров интеграции комплексных исследований. Среди таких центров он видел и Институт человека.

В период перестройки выдвинутые И.Т.Фроловым идеи стали находить большой отклик. Но в полной мере их реализовать не удалось. Массами «овладела» тогда идея «человеческого фактора», о которой Фролов писал ещё в первой половине 1970-х гг. Фролов же считал, что эта идея должна быть дополнена теперь идеей «высокого соприкосновения». Он настойчиво утверждал, что всякий утилитарный подход к природе и к человеку неправилен, недостаточен и – в конечном счёте – неэффективен. Он высмеивал «эконо-

мизм» государственных и хозяйственных руководителей, которые считают, сколько будет стоить новое строительство или модернизация производства, но которым в голову не приходит подсчитать отдачу от вложений в сферы, непосредственно обслуживающие человека и способствующие его развитию.

В книге «О человеке и гуманизме» (1989) философ в качестве антитезы «высокого соприкосновения» сформулировал идею «человеческого разрыва», присущего современной технологической цивилизации. Наука и техника открывают всё новые и новые возможности для человека, но сам он изучен недостаточно, и степень изученности всё более отстаёт от требований «биологического» этапа НТР. Человек открывает в своей природе невиданные резервы с помощью психотерапии и фармакологии, но сможет ли он направить их на путь гармонии с социальными, психическими и нравственными силами? Преодолеть этот «человеческий разрыв» призван, говоря словами Фролова, «новый синтез» науки и гуманизма, предполагающий недопустимость рассмотрения любых научно-технических проектов в изоляции от социальных условий их осуществления и необходимость увеличения затрат на человека, его образование, развитие, что должно способствовать и экономическому подъёму общества.

Фролов настаивал на ускоренном развитии информатики и микроэлектроники в нашей стране, но обращал внимание на целый комплекс возникающих здесь проблем. Личность, с детства приученная к электронной машине как к части быта, не может не формироваться несколько иначе, чем в доэлектронную эру. Какой она станет: субъектом творческой деятельности или пассивным потребителем многообразных зрелищ и развлечений, предоставляемых совершенной теле- и видеотехникой? Не приведёт ли новая техника к дисгармонии личности? «Наконец, будет ли новая технология находиться в руках гуманных, культурных людей, или человек с неразвитыми социальным сознанием и чувством исторической ответственности обратит её против природной среды и собственного существования?»⁶.

Поэтому во взаимосвязи с социальными альтернативами НТП академик Фролов остро ставил вопрос об этических альтернативах НТП, подчеркивал, что «человеческое измерение» научно-технического прогресса не является чем-то само собой разумею-

щемся, но должно каждый раз заново внедряться в сознание новых поколений учёных. Он и впоследствии прямо говорил о необходимости «постоянного *внесения* гуманистической проблематики в основания науки»⁷. В этом нет ни грана философского высокомерия, но есть много горькой мудрости. Гуманизм не развивается автоматически, его нужно воспитывать, чтобы не получить инженеров Гариных. Опасность антигуманного использования науки пока что не исчезает, а усиливается.

В известном смысле идеи «человеческого разрыва» и «высокого соприкосновения» можно рассматривать в качестве философских оснований гуманитарной экспертизы. В своём докладе на XVIII Всемирном философском конгрессе в Брайтоне И.Т.Фролов напрямую связал идею «высокого соприкосновения» с социальной практикой. Идею «высокого соприкосновения» человека с авангардной технологией, центральную для современной этики науки, он назвал важнейшим инструментом формирования в обществе антитехнократического сознания. Он подчеркивал, что никакие крупные инженерные проекты не могут быть приняты без предварительной научной и этической экспертизы.

И.Т.Фролов в своём докладе в Брайтоне обрисовал и дальнейшие перспективы работы в направлении гуманитарной экспертизы, как они ему тогда виделись: «Но мы стараемся сделать больше, стремимся видеть развитие научно-технического прогресса во всей его альтернативности. То есть мы стремимся убедить наши правительственные и хозяйственные органы в необходимости делать определённые финансовые затраты на развитие не только – и не просто – той или иной технологии, но и на исследование всех возможных негативных последствий, которые здесь возникают, и на их предупреждение. Это относится и к экологическому измерению, экологическим параметрам научно-технического и вообще промышленного развития. Должен сказать, что в нашей стране роль философов в осознании необходимости таких экологических измерений была достаточно велика. Говоря коротко, всему, в том числе научно-техническому прогрессу, мы хотим дать то, что называем “человеческим измерением”»⁸. Фролов в те годы пытался даже инициировать создание Научного экспертного совета при Президенте СССР из выдающихся учёных, чтобы ни одно крупное государственное и хозяйственное решение не принималось без на-

учного анализа. Сделать он это не успел. Вскоре, в 1990-е гг., политические процессы пошли совершенно иными путями, и в масштабе страны задачи «человеческого измерения» принимаемых решений часто не ставятся вообще. Да и кто теперь будет спрашивать мнение философов о чём бы то ни было?

И.Т.Фролов неоднократно подчёркивал опасность несоответствия человека современной технике, призывал «постараться сделать так, чтобы осознание грозности этой проблемы возникло не пост-фактум, то есть не после того, как какое-то несчастье произойдёт для человечества»⁹. Эти его идеи становятся теперь всё более актуальными. Особую актуальность предостережения мыслителя приобретают для современной России, в которой ещё сохраняются высокие технологические достижения советского времени, а общий уровень культуры населения стремительно снижается. В нашем обществе ситуация деструкции системы ценностей и преобладания ранее осуждавшихся низших поведенческих ориентаций теперь сама воспроизводится в новых поколениях в качестве нормальной, превращая их, говоря словами Х.Ортеги-и-Гассета, в цивилизованных дикарей, пользующихся плодами цивилизации, но безразличных к ценностям и идеалам, которые и вызывают цивилизацию к жизни. В результате могут появиться «ножницы» несоответствия развития техники и качества социокультурного субъекта. Вследствие утраты трудовой этики в новых поколениях возникнут проблемы с обслуживанием современной техники, которая, кроме того, будет постепенно изнашиваться, приводя к авариям и катастрофам высокотехнологичных объектов. Собственно, мы уже это неоднократно наблюдали в последние годы. В своём «философском завещании» академик Фролов писал: «“Высокое соприкосновение” новой технологии с обществом, человеком и природой становится сегодня уже не просто жизненной необходимостью, но и непременным условием как эффективного применения этой технологии, так и самого существования общества, человека и природы. Всё это ставит новые проблемы перед современной цивилизацией, побуждая изменить в ней существующие приоритеты»¹⁰. Главным приоритетом, по его мнению, должен стать приоритет человека.

Идеи И.Т.Фролова о «высоком соприкосновении» нашли определённый отклик в отечественной социально-философской мысли последних десятилетий. Э.А.Араб-Оглы так писал об этом выра-

жении: «Казалось бы, всего лишь два слова; однако это не просто слова, а научное понятие, воплощающее в себе важнейшую сторону нового этапа научно-технической революции»¹¹.

Более развёрнуто идею «высокого соприкосновения» проанализировал В.Ж.Келле¹². Он показал, что «высокое соприкосновение» по Фролову раскрывается через три «соприкосновения»: социальное, человеческое и природное.

Социальное соприкосновение связывается им, прежде всего, с тем или иным решением проблемы использования свободного времени, т.е. рабочего времени, высвободившегося в результате применения высоких технологий.

Человеческое соприкосновение – это те изменения в человеке и его природе, которые совершаются под воздействием современных технологий. Прежде всего, речь идёт здесь о возникновении у человека новых потребностей, о которых он и не подозревал несколько лет назад (например, в сотовой связи), и о том, как эти потребности меняют весь строй жизненных ориентаций человека. Освоение высоких технологий через персональный доступ к ним может также оборачиваться искусственной самоизоляцией человека, полностью погружённого в виртуальную реальность. Причины этих негативных явлений, как подчёркивает Келле, те же, что и отмеченные Фроловым двадцать лет назад: в отставании общественной морали и социальных структур от развития техники.

Природное соприкосновение связано с переходом человечества к состоянию ноосферы. Главная проблема здесь – найти те пределы, за которые разум не позволит заходить человеческой активности, нацеленной на изменение природы.

Общий вывод, сделанный Келле, с которым мы согласны, состоит в том, что высокие технологии открывают для человечества реальную возможность жизни на подлинно гуманистических началах и одновременно создают небывалые угрозы самому выживанию человечества. В этой диалектике – сердцевина постановки проблемы И.Т.Фроловым.

Свой анализ идеи «высокого соприкосновения» Келле завершает констатацией актуальности идеи «высокого соприкосновения»: «Более двух десятилетий, прошедшие со времени публикации статьи И.Т.Фролова и Н.Н.Моисеева, – огромный период для быстро развивающихся современных технологий, и они, конечно,

за эти годы ушли далеко вперед. Сейчас и “социальное соприкосновение” выглядит по-другому. Но основные тенденции в области “высокого соприкосновения” человека и новых технологий, намеченные в статье, остаются актуальными и в наше время. Россия XXI века, провозгласив инновационный путь развития, фактически приступила к решению тех же проблем, которые оказались непосильными для советской экономики»¹³.

Пример с выдвинутым Фроловым образом «высокого соприкосновения» прекрасно демонстрирует возможности философии в анализе научной и социальной реальности. Философия не просто следует за научным и социальным прогрессом, «обобщая» его результаты. Она вскрывает в сегодняшнем состоянии науки и общества те тенденции, которые ещё только разовьются в будущем, причём выявляет их в диалектически противоречивом сопряжении. Остаётся пожалеть, что на освоение массовым сознанием идеи «высокого соприкосновения» история отпустила мало времени, и это выражение было заслонено мощно внедрившейся в русский язык калькой с усечённого англоязычного выражения. Этот факт отражает ту самую технократизацию мышления, о которой неоднократно говорил и писал Фролов.

Идея «высокого соприкосновения» не была у Ивана Тимофеевича чем-то застывшим. Вкладываемый в эту метафору смысл уточнялся в соответствии с требованиями времени. Последняя авторская редакция образа «высокого соприкосновения» относится к середине 1990-х гг. В ней соединились печаль и оптимизм, присущие тогдашнему настроению философа. Сказанными им тогда словами уместно закончить нашу статью. «Когда-то, – говорил Фролов, – я употреблял термин “высокое соприкосновение”, имея в виду то, что высокие технологии должны вести к возвышению человека. Получается же, что они нередко ведут к его деградации. К сожалению, это затронуло и нашу страну. А возврат к интеграции всё-таки неизбежен. Сама природа нынешней информационной цивилизации это диктует. Только прежде нам самим следует вернуться к надёжной точке опоры, а не шарахаться из крайности в крайность. Цивилизованный мир всё в большей степени находит точку опоры в двух постулатах. Человек – мера всех вещей, высшая общественная ценность. И – терпимость друг к другу разных личностей, мировоззрений, вероисповеданий»¹⁴.

Примечания

- ¹ *Фролов И.Т., Юдин Б.Г.* Этика науки. М., 1986. С. 364; *Фролов И.Т.* Загадка жизни и тайна человека: поиски и заблуждения // *Вопр. философии.* 1999. № 8. С. 58.
- ² См.: *Вопр. философии.* 1984. № 9.
- ³ Там же. С. 38.
- ⁴ См.: *Новое время.* 1982. № 35. С. 18; *Академик Иван Тимофеевич Фролов.* Очерки. Воспоминания. Избр. статьи. М., 2001. С. 46.
- ⁵ *Вопр. философии.* 1984. № 9. С. 29.
- ⁶ *Советская культура.* 19.02.1986.
- ⁷ *Фролов И.Т.* О человеке и гуманизме. М., 1989. С. 138.
- ⁸ См.: *Фролов И.Т.* Перестройка: философский смысл и человеческое предназначение: Лекция, прочит. в Брайтоне перед участниками XVIII Всемирн. филос. конгр. (1988 г.) // *Вопр. философии.* 1989. № 2. С. 21–22.
- ⁹ *Академик Иван Тимофеевич Фролов.* Очерки. Воспоминания. Избр. статьи. М., 2001. С. 515.
- ¹⁰ *Фролов И.Т.* Загадка жизни и тайна человека: поиски и заблуждения. С. 58.
- ¹¹ *Академик Иван Тимофеевич Фролов:* Очерки. Воспоминания. Избр. статьи. М., 2001. С. 194.
- ¹² См.: *Келле В.Ж.* Социально-нравственное направление в творчестве И.Т.Фролова // *Иван Тимофеевич Фролов / Отв. ред. В.А.Лекторский.* М., 2009.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Известия.* 31.08.1993.

Татьяна Артемьева, Михаил Микешин

Гуманитарный мир инноваций*

В 2008 г. одна из ведущих компаний в сфере бизнес-информации CNBC **провела в эфире и на своем сайте дискуссию** об инновациях в бизнесе в виде серии из пяти часовых программ. Дискуссией руководила обозреватель CNBC и Wall Street Journal **Мария Бартиромо (Maria Bartiromo)**. **В обсуждении** приняли участие известные журналисты ведущих американских бизнес-изданий и агентств, высокопоставленные чиновники различных государств, профессор бизнес-школы Гарварда, руководители известных фирм и корпораций – General Electric, Procter & Gamble, Kodak, LG Electronics, Xerox, Harley-Davidson, Starbucks, Timberland, IKEA, Google, FedEx, Morgan Stanley, Hewlett Packard и др. и даже один лауреат Нобелевской премии¹.

Мы воспользуемся материалами этого представительного форума «воротил бизнеса», ученых и политиков, чтобы попытаться понять, как они представляют себе инновации в бизнесе, кому и зачем нужны инновации и каковы основные проблемы и аспекты инновационных процессов. Мы перескажем практически все основные моменты разговора, не опустив ничего существенного и позволив себе лишь условно скомпоновать высказанные идеи по разделам.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-03-00601а.

* * *

Инновации – эликсир жизни для любого бизнеса. Будь это новаторское изобретение или процесс постепенных изменений, инновация всегда связана с производством новых идей, которые спасают компанию от стагнации, придавая ее продуктам и сервисам конкурентоспособность. В сегодняшней полной вызовов и рисков экономике как никогда важно заниматься инновациями. Однако одно дело признавать ценность инноваций и совсем другое – производить их. Существенные изменения необходимо означают переворачивание установленных деловых практик с ног на голову, они требуют быть открытым для экспериментирования и допускать возможность провала. Они требуют творчески мыслящих людей, бесстрашных лидеров и корпоративной культуры.

Данная дискуссия «Инновационный бизнес» подвергла деконструкции (deconstruction) проблемы и вызовы, встречавшиеся бизнесу на пути к инновациям.

«Инновация или смерть»

Инновации – модное слово, с которым часто играет начальство и масс-медиа, однако сегодня это также один из важнейших пунктов повестки дня любого бизнеса. Инновации – важнейший двигатель в стратегиях бизнеса. В нынешние трудные времена с высокой конкуренцией в экономике успех любой компании будет с необходимостью определяться тем, насколько инновационной она будет в ближайшие пять-десять лет. Сегодня речь идет уже не о том, что инновации нужны, но о том, что они уже должны осуществляться. Инновационные стратегии, позволяющие компаниям выжить, могут быть и агрессивными, и оборонительными. Инновации могут быть очень трудны, и только те компании победят в ближайшее десятилетие, которые поймут и произведут их правильно. В современной глобальной ситуации на рынке и при такой конкуренции, если вы не двигаетесь вперед, развивая инновации, вы не стоите на месте – вы откатываетесь назад. Инновации – это теперь не одна из возможностей, это одна из необходимых составляющих успеха для любого бизнеса. К ним приходится стремиться любой ценой.

Многие компании, особенно в период кризиса, впадают в то, что называется «активной инерцией». Они продолжают что-то делать, куда-то двигаться, но на самом деле они никуда не идут. Рынок больше не воспринимает подобных движений. Существует только один выбор: измениться или перестать существовать. И нет лучшего стимула для компании, чем близкая угроза ее смерти. Существует страх провала. Все боятся проиграть, и большинство людей делается от этого очень консервативными. Если мы боимся потерпеть поражение, то не позволяем людям ошибаться. Для инноваций важен положительный эффект подобного страха, ведь они требуют экспериментирования, никогда не получается все сразу правильно. Как же можно хвалить за поражения и даже, что еще более важно, учиться на них? Кризис – прекрасный учитель, особенно когда ты в серьезном положении. Преодоление страха и нахождение в себе сил и смелости проводить инновации в трудные времена и определяют успешную компанию. Это и означает учиться на поражениях. Инновации – мощный способ преобразовать как компанию, так и рынок, на котором она работает. Если же вы не возглавляете подобную революцию, то вы безнадежно отстаете и в конце концов гибните.

Противоположностью инновации может быть только одно – ее имитация.

Определение инновации

Необходимо различать изобретение и настоящую инновацию. И то, и другое подразумевает появление новых продуктов, но инновация – это гораздо больше. Определим инновацию как новый продукт или сервис, который создает новые впечатления, расширяет опыт клиента и увеличивает продажи и доходы компании. Лучший способ измерения инновации состоит в определении количества новых идей, превратившихся в продукты. Сколько положительных изменений реально происходит в точках влияния на клиентов? Настоящие инновации требуют применения идей в деле для достижения результатов. Требуется «подрывное» (**disruptive**) мышление, которое разрушает привычный ход вещей: «Ну, почему бы не соединить вот это с этим...» – инновация в том, что вы не говорите

«нет». Вы не ставите ограничений своему разуму, не «редактируете» его. Вы смотрите и думаете: «А это идея!» – и идете с этим вперед. Так происходит инновация – вы движетесь вперед. Часто, чтобы придумать новую идею, нужно забыть старую. Инновация – это лаборатория, серия экспериментов. Надо быть готовым к тому, что экспериментирование может привести и к провалу.

Инновации могут быть и малыми

Людам свойственно преувеличивать важность идеи больших перемен, «большого взрыва», мы часто хотим все изменить сразу и резко. Однако в жизни очень важны также и небольшие изменения, нахождение баланса между большими и малыми переменами и умение одновременно работать с теми и с другими. Инновация – не всегда гигантская «эврика!», она может идти маленькими шагами, как и прогресс. Это повседневный цикл: «увидеть, поверить, подумать, сделать» – то, что люди делают каждый день, бросая вызов системе. Поэтому следует объяснять им, что вы приветствуете инновации, в том числе и осуществляемые малыми шагами, приветствуете, когда необычные вещи делаются при помощи в общем-то обычных малых дел. Простые вещи, которые лишь немного отличаются от обычных, могут создать необычный эффект для всего сообщества (community). Для мотивации людей важно, чтобы они это понимали.

Инновация – социальный процесс

Если вы хотите «взломать код» инновации, вы не должны игнорировать «человеческий фактор». Инновация – это процесс и, как всякий другой социальный процесс, он таков, каковы вовлеченные в него люди. Человеческий капитал – это «секретный» ингредиент, делающий инновации реальными. То есть речь идет об управлении человеком (managing a human being), а управлять им становится все труднее. Человеческая составляющая одновременно и очень мощная, и очень деликатная.

Каждая компания привыкает к тому, что она делает и как она это понимает. Все остальное она считает плохим. Эту привычку очень трудно преодолеть. Трудно сломать бюрократию, которая

сформировалась в то время, когда мир еще не был столь глобальным и резко меняющимся. Самое трудное – сломать эти внутренние и внешние барьеры. Чтобы увидеть, а потом сделать, вам иногда нужно бросить вызов вашим фундаментальным убеждениям и привычкам. Самое забавное, что 90 % людей не хотят ничего менять, поэтому если вы относитесь к 10 % «избранных», у вас всегда есть реальный шанс активно повлиять на рынок. Все великие идеи или великие бизнес-предприятия сначала выглядели как совершенно сумасшедшие. Однако больше всего рискует тот, кто старается избежать всякого риска. Нерешительность – это непростительная ошибка. Почему, например, Силиконовая долина стала центром инноваций не только в национальном, но и в мировом масштабе, и надолго им останется? Секрет в созданной там культуре обращения с рисками. Эту культуру отличает не поведение людей в случае успеха, но их поведение в случае провала. Нельзя наказывать за попытку использовать возможность, за принятие решения. Настоящая проблема – это те люди, которые не используют свои шансы, не стремятся к новому. Важнее всего – найти «правильных» людей, которые помогут создать новый убедительный взгляд. Вам нужны люди в вашей фирме, у которых инновации в крови и в мыслях. И они должны понимать, что инновации могут быть и в большом, и в малом, в процессе и в маленьких шагах. Вы должны поощрять и отмечать таких людей.

Большинство людей считает, что все это очень сложно, что все должно быть сложно и трудно. Нужно тратить огромное количество времени, чтобы изучать происходящее, влиять на него, писать о нем и обсуждать его. Однако во многих фирмах на вещи смотрят проще. Их философия бизнеса сводится к следующему: делайте свое дело; к инновациям и росту приведут простота, прозрачная отчетность и сотрудничество.

Инновационный климат и культура организации

Очевидно, что для инноваций самое главное – создание инновационного климата в компании, климата безопасности, в котором люди чувствуют себя увлеченными и не боятся высказывать новые идеи. Как ни странно, такое встречается не слишком

часто. Дело в так называемой «психологической безопасности». Инновации связаны с необходимостью думать и высказываться вопреки ортодоксальным мнениям, предлагать иные формы работы и сотрудничества. Приходится постоянно переопределять правила игры, чтобы добиться эффективных перемен. Приходится опираться на людей неформальных, нестандартных, не на тех, кто всегда говорит «да», а на тех, кто говорит «нет», на людей иной культуры и воспитания, чтобы увидеть другие, отличные от привычных возможности. Менеджерам необходимо разбираться в человеческом поведении, они должны понять, как побудить людей проявлять инициативу и выдвигать новые идеи, как мотивировать и поощрять сотрудников.

Любой компании необходимо установить свою культуру. Затем вы должны продвигать, поощрять и т.д. людей в соответствии с тем, как они себя ведут в этой культуре. Ведь существует два типа наград – «внешние» (видимое признание, премии) и «внутренние», происходящие от чувства удовлетворенности, завершенности дела. Конечно, в культуре компании важны первые, но нельзя забывать и вторые, связанные с радостью от участия в творческом процессе. В первую очередь, люди должны иметь глубокое чувство цели, затем они должны быть уверены в себе, чтобы не бояться рисковать, идти дальше, пробовать разные возможности.

Очень важно создать в компании семейную атмосферу. Не стоит загонять сотрудников в ячейки, надо создать абсолютно новую офисную парадигму (**office paradigm**). **Эта офисная эволюция является фактически наследием бума доткомов, улучшенными последователями «Гугла» (Google) (с их бесплатными завтраками, скутерами и т.д.) и доведенным до блеска фирмой Zappos², что вылилось в рост ее продаж от нуля до миллиарда долларов менее чем за десять лет. Следует поддерживать разнообразные взаимодействия вне офиса – все, чем увлекаются сотрудники, а особенно побуждать их делиться своими увлечениями друг с другом, стараться, чтобы они вместе проводили не только служебное, но и свободное время. Это выглядит как детский сад, но это очень хорошо. Действительно ли такая атмосфера благоприятствует инновациям? Делает ли это сотрудников более продуктивными? Чтобы узнать, что они на самом деле хотят, необходимо понимать и постоянно контролировать, что внутри компании на самом деле происходит.**

Люди лучше работают, если они чувствуют себя счастливыми членами сообщества. Однако если нет даже двух людей, которые понимали бы счастье одинаково, то как его можно измерить, особенно на рабочем месте? Психолог Даниэль Гилберт³ считает, что лучше всего определять степень счастья человека по его светским и дружеским отношениям, по количеству времени, которое он проводит с семьей и друзьями. Проблема в том, что те, кто принимает решения, от которых зависит обстановка на рабочих местах, не имеют об этом ни малейшего понятия. Видимо, пора переделать корпоративный измеритель счастья. Есть разница между мотивацией и воодушевлением. Воодушевление – это гораздо больше, чем стремление к деньгам и признанию.

Конечно, не следует забывать, что при всех моральных поощрениях – признательности, табличках, кубках, благодарностях и т.д. – деньги имеют значение. Надо обязательно поощрять сотрудников материально. Точно так же, думая об инновациях, следует обязательно спрашивать себя, какие доходы они принесут, как с их помощью мы будем делать деньги. Надо быть уверенным в том, что сотрудники не забывают, что вместе делают одно дело – развивают свой бизнес.

Климат и культура организации имеют критическое значение. Культура, в которой поощряется экспериментирование, где с пониманием относятся к неудачам, где допускается разнообразие, а различные точки зрения принимаются во внимание и обдумываются, – как развивать и пестовать такую культуру? На вопрос «Как Гуглу удастся поддерживать свою культуру в коллективе из 70000 работников?» один из его руководителей ответил: «Удастся, потому что ее определяют и поддерживают сами сотрудники».

Смотреть не только вперед, но и назад

Стремясь к инновациям, пытаясь обнаружить новые идеи, необходимо также посмотреть назад – на то, что уже достигнуто, и задаться вопросом, как можно продолжить извлекать пользу из него. Это называется «взглянуть на основы»⁴. Например, компания «Ксерокс» (Хехо)⁵ находилась в трудном положении несколько лет назад. Сотрудникам и руководству пришлось подумать, како-

ва ее миссия, что она предлагает клиентам. И компания решила, что ее основа – именно постоянные инновации. Она оценила, что хочет оставить из своего прошлого, каких принципов собирается придерживаться в дни трудностей, сформулировав это в виде нескольких принципов: первый – инновации, второй – «клиент в центре внимания», третий – «работать как единая команда» и четвертый – «активно решать проблемы». На этих основаниях компании удалось успешно переопределить себя.

Многие считают, что очень трудно найти революционера в привычном окружении. Чтобы достичь радикально нового мышления или хотя бы иного способа думать о своем бизнесе, надо выйти за пределы фирмы. А если найдется кто-нибудь внутри, то его надо будет немедленно изолировать от остальных, чтобы он не «заразился» их устаревшим мышлением, чтобы мог думать свободно. Как начать думать «революционно»? Что-то, несомненно, должно измениться, но есть некоторое вещи, которые необходимо сохранить, на которые необходимо опереться, потому что именно они сделали вашу компанию такой, какая она есть.

Лидер и его «оркестр»

Инновациями люди занимаются на работе каждый день, однако в этом им необходим лидер. От лидера в бизнесе обычно требуются осторожность, нежелание рисковать и умение управлять известным. К инновационному же лидеру требования прямо противоположны: ему нужны интуиция, воображение, смелость и умение вести сквозь неизвестное. Лидер должен быть человеком открытым, готовым принимать новые идеи, разнообразие взглядов и неизбежные неудачи. Лидер воплощает успех, вдохновение, дух предпринимательства, уверенность, увлеченность, твердый характер, дух приключений, умение рисковать, дух творчества. Поэтому лидер должен верить в себя, в то, что он может практически все. Он знает свой бизнес вдоль и поперек и всегда добивается наилучшего результата. Лидер умеет убеждать и умеет расставаться с людьми, не желающими запрыгивать в уходящий инновационный поезд.

Инновация происходит, когда вы увлекаете людей, проникаете к ним под кожу, в кровь – так, чтобы они чувствовали: когда они думают «я должен найти лучший способ сделать это», компания ценит и поддерживает их. В каждом из нас сидит создатель инноваций, и хороший менеджер знает, как его выявить. Вы освобождаете людей, даете им возможность сделать себя свободными. Работа лидера заключается в том, чтобы быть в контакте со всеми членами команды и давать им знать, что они могут свободно размышлять и улучшать свою работу. Люди же должны чувствовать, что их лидер существует специально для них.

Лидера можно сравнить с дирижером оркестра – у него есть свои басы, свои скрипки. Его работа в том, чтобы заставить оркестр очень хорошо сыграть и доставить удовольствие аудитории, а не пытаться играть на каждом инструменте из оркестра. Лидер говорит: «Вот через что мы проходим, вот как мы преодолеем эти трудности, вот какова наша цель. А когда мы победим, вот как здорово это будет для всех».

Компании и их лидеры, знаменитые своими инновациями, понимают, что поддерживать смелые идеи надо всегда, а не только в то время, когда экономика процветает. Сильные лидеры инвестируют в людей, «богатых» идеями. Для инновации нужна смелость, особенно в трудные для экономики времена. Когда идти вперед трудно, вперед идет инновационный лидер. Творческие люди всегда остаются творческими – и в периоды процветания, и в периоды спада.

Доверие

Доверяйте друг другу. Самая большая награда, которую человек может от вас получить, – это ваше доверие к нему. Забудьте на время о премиях и скажите ему: «Я верю, что вы можете это сделать». Скажите просто: «Я поддерживаю вас. Я не знаю, что конкретно вы собираетесь сделать, но я доверяю вашей интуиции. Мне нравятся ваши намерения и ценности». Человек может настолько проникнуться уверенностью, что успешно завершит дело не столько ради себя, сколько ради оказанного ему доверия. Доверяйте им, когда они ошибаются, поддерживайте их и не стойте у них на пути. Лучший способ вовлечь людей в инновации – сказать им: «Будьте

собой. Получайте удовольствие. Не бойтесь делать то, что вам хочется. Мы наняли вас, потому что вы – это вы. Мы не хотим, чтобы вы вели себя на работе как робот. Мы хотим, чтобы во время работы вы были собой». И люди будут склонны к инновациям, поскольку они не запуганы, не боятся. В уникальной корпоративной культуре компании «Гугл» существует знаменитое «правило 20 %»: сотрудники могут посвящать один рабочий день в неделю тому, что они считают наиболее важным, над чем им более всего хочется работать. Многие сторонние наблюдатели считают, что «Гугл» при этом теряет до 20 % своей производительности, но в компании говорят, что это не так, поскольку они доверяют своим сотрудникам, которые проявляют инициативу и независимость, экспериментируя с новыми идеями. Сотрудники чувствуют себя более счастливыми и трудятся более продуктивно.

Образование – самая мощная сила на Земле, это единственный путь к улучшению жизни человека. Инновационные компании ценят образование и опыт сотрудников, однако в первую очередь они ищут людей с правильным отношением к делу. Когда речь идет о взаимодействии с другими людьми, на первое место выходит не диплом о замечательном образовании, а положительный, альтруистический настрой, потому что именно такой настрой создает сплоченные группы. Уже в такой группе можно давать людям свободу, как в командах «Гугла». Тогда можно уничтожить все многостраничные инструкции и оставить только основные правила, которые, на самом деле, сводятся к одному: «Можете свободно нарушать эти правила, если вы нарушаете их в интересах клиента».

Разнообразие и новые связи

Разнообразие – великий источник инноваций, потому что инновации связаны с возникновением принципиально новых связей. Если ваша команда состоит из людей, выросших в одной и той же культуре и думающих примерно одинаково, то такая команда не станет источником большого количества новых связей. Чтобы усилить умение строить связи, надо идти в большой мир и находить там новые точки зрения, новые идеи и технологии. Здесь можно предложить такую аналогию: сколько цветов предпочтет художник

для своей палитры – только пять или бесконечно много? Чтобы случились инновации, нужно «перекрестное опыление» идей самых разных людей из самых разных сфер. Инновации случаются в разломах, на границах. Более того, иногда надо специально вводить разнообразие в компании. Конечно, с группами разных людей сложнее, но они могут дать гораздо более творческий результат. Чтобы развить инновационный потенциал компании, надо найти способ организовать уважительное общение друг с другом сотрудников разного возраста и различных культур, вовсе не избегая столкновений и взаимного притирания. Роль менеджера здесь состоит в том, чтобы облегчать коммуникацию, вовсе не сводя ее к полному согласию, но стараясь сделать наиболее эффективной. Люди должны не переходить на личности, но обсуждать проблемы и идеи. Иногда для этого даже приходится вводить единый язык общения, как, например, южнокорейская компания LG Electronics⁶ ввела на своих предприятиях английский.

Необходима обостренная реакция на все, что происходит вокруг, в данном конкретном месте. Особенно это трудно должно быть для большой международной компании. Как организовать инновации в столь разнообразном окружении и при столь различных требованиях? Здесь ответом на вызов может быть отказ от модели «центрального штаба», «командования и контроля». Иначе вы не можете развиваться глобально. Приходится идти на каждый локальный рынок и выстраивать там специфическую политику. И в каждом месте важно, каких людей вы нанимаете, как структурируете там свой бизнес и как заставляете его работать. Необходимо каждый раз находить баланс между структурой и гибкостью в данном конкретном контексте. Однако когда инвестируешь в людей – они инвестируют в твой бизнес.

Новое поколение

На рабочие места сегодня пришло очередное новое поколение – «поколение Y» (Generation Y). Но возраст – всего лишь число. Фактор страха, существующий между «поколением Y» и предыдущим «поколением X» (Generation X), не должен иметь значения ни в интеллектуальной, ни в социальной, ни в техниче-

ской областях. Значение имеет лишь результат. Встречайте «поколение Y». Его возрастные рамки можно обсуждать, но влияние на рабочую силу тех, кому еще нет тридцати, не подлежит сомнению. Боссы из «поколения X» часто называют их «поколением “почему я должен это делать?”». «Игреки» сообразительны, но требуют мотивации, с претензиями, но талантливы. Они могут вас расстроить, но могут и принести большую радость, если вы найдете к ним правильный подход. Они хотят соединить работу с личной жизнью – такого стиля жизни не было у их родителей. Они хотят найти работу, удовлетворяющую их личным и профессиональным нуждам. Они хотят получать удовольствие там, где проводят большую часть своей жизни. И они хотят, чтобы работа позволяла им чувствовать себя особенными. Возможно, это не разрыв поколений, а разрыв идей. И возможно, преодоление этого разрыва и есть ключ к инновациям. Существует устойчивый миф, заключающийся в том, что разницу в культурах различных поколений и возрастов хороший менеджер может уничтожить правильным подбором кадров и что разрыв поколений пропадает, если компания умеет доводить до всех значимость своих основных моральных ценностей. В реальности совершенно одинаковых людей не существует. «Поколение Y» – это настолько же ментальность, насколько и возраст. Конечно, нет никакой пропасти между поколениями, но совершенно очевидны сдвиги в идеологии и убеждениях. Никогда нельзя пренебрегать нюансами.

С думой о потребителе: продажа стилей жизни

При определении инновации радикальное мышление составляет только часть мозаики. А как учитывать потребителя? Фокус состоит в том, чтобы узнать, какую часть жизненного опыта потребителя надо расширить и улучшить, сообразить, что нужно потребителю, раньше его самого, каким-то образом «залезть ему в душу». Понять потребителя означает создать эмоциональную и стилевую связь с ним, чтобы предложить то, в чем он нуждается и чего хочет.

То, во что верят люди, в частности, люди в компании, влияет на их поведение. Так, в компании «Старбакс» (Starbucks)⁷ постоянно поддерживают веру (belief) в себя, в рынок, в своих кли-

ентов и, таким образом, создают питательную среду для смелых инноваций. Старбакс – это столь же стиль жизни, сколь и продукт. Идею продажи стиля жизни можно применить ко все компаниям. Прекрасный пример дает компания «Харлей-Дэвидсон» (Harley-Davidson)⁸. В «Харлее» спросили себя: «Почему люди покупают мотоциклы?» Они покупают их в качестве хобби. Зачем людям хобби? Чтобы встречаться с другими людьми. В течение более чем 100 лет Харлей-Дэвидсон выпускает мотоциклы, железо. Но фактически эта компания продает чувства – свободы, независимости, подлинности, правды. Итак, возможно придавать выпускаемому продукту особую ценность: когда вы владеете им, вы принадлежите к сообществу (community) – группе, члены которой думают, что разделяют ценности Харлея. То есть там, на фабрике, они делают мотоциклы, а везде в мире они создают то, для чего, собственно, и существует Харлей. Интересно наблюдать за этой фирмой, потому что она одновременно использует два неявных человеческих стремления. Эти стремления в какой-то степени противоречат друг другу, но компании удается соединить их. Это стремление к индивидуальности и необходимость быть членом сообщества. Владельцы «Харлеев» – гипериндивидуалистические фанаты сообщества. Они все хотят иметь свой собственный мотоцикл, они хотят обладать индивидуальными опытом и переживаниями – и все же быть частью коллектива.

Нужна специально подобранная команда, чтобы понять, чего хотят клиенты, «подсоединиться» к ним в некоем «исследовательском соучастии». Маркетологи должны создавать ощущения, заставить людей почувствовать нечто. Люди хотят потреблять по-новому, экспериментируя. Иногда можно доверять клиентам, получая от них обратную связь, но иногда нужно идти впереди, потому что у клиентов бывает то, что называют «функциональной фиксацией». Они привыкают использовать продукт определенным способом и не могут думать об этом иначе. Иногда они не могут даже ясно выразиться. Важно понять, как совершить творческий скачок от констатации того, что потребитель говорит, к тому, в чем он действительно нуждается.

Однако все больше появляется ситуаций, когда эффективен другой подход. Например, социальная сеть «Фейсбук» (Facebook)⁹, у которой нет никакой возможности определить, какие сервисы, осо-

бенности и ценности будет правильно предложить всем своим пользователям¹⁰, вместо того, чтобы разрабатывать все самой, решила открыться для участия всемирного пользовательского сообщества. В этом случае люди, использующие продукт, фактически определяют и создают тот связанный с ним опыт, который хотят получить. Может быть, будущее в том, чтобы передать инновации в руки потребителей? Кажется, это ситуация, в которой выигрывают обе стороны. Значит, чтобы найти в себе способности к инновациям, надо прислушиваться к потребителям. Надо выйти к ним, посмотреть на них их собственными глазами, т.е. с совсем иной точки зрения.

Сегодня мы на пороге инновационной революции в том смысле, что раньше компании ориентировались на элиты в башнях из слоновой кости, а теперь они пытаются использовать скрытый инновационный потенциал своих клиентов по всему миру – шесть миллиардов умов. В XXI в. рынок обладает сознанием – когда потребители и сотрудники чувствуют, что компания старается работать как можно лучше для них, они, в свою очередь, будут стараться для нее. К клиентам стоит относиться не как к противникам, а как к союзникам.

«Революция ответственности» и «позеленение»

В ближайшие десятилетия все корпорации станут участниками процесса, называемого «революцией ответственности». Для того, чтобы быть по-настоящему инновационными, они должны будут интегрировать социальную ответственность в корпоративную культуру. Делать добро становится хорошим бизнесом. «Корпоративная социальная ответственность» – КСО (Corporate Social Responsibility – CSR) сегодня совершенно необходима, она влияет на потребителей, сотрудников и окружающую среду. Она вносит вклад в доверие к имиджу компании и в величину ее прибыли. Настоящие и надежные компании сегодня – это те, которые наконец поняли, что можно одновременно делать хороший бизнес и быть хорошими, что можно совмещать интересы бизнеса с интересами общества.

Существуют три стандартных пути такого совмещения: первый – филантропия, т.е. делать добрые вещи, просто чтобы быть хорошим; второй – получение прибыли за счет оказания услуг

людям, которые ранее не были охвачены; третий – реклама своей заботы об окружающей среде, что обычно вырождается в PR-акции, в попытки заработать на модной тенденции, не делая ничего по существу.

Новое социальное движение зародилось в тот момент, когда лопнул пузырь доткомов в Интернете и возник огромный скандал. Тогда, примерно в 2001–2002 гг., большое количество людей озаботились вопросами: «Разве заниматься бизнесом – это все еще прилично?», «Возможен ли негрязный бизнес?», «Если я бизнесмен – я очень плохой человек?». Именно в среде таких людей и началось это движение. Новые бизнес-модели пытались достичь тонкого баланса между необходимостью получать прибыль и сохранением социальной совести. Это требование и было названо КСО.

Скажем, публичные компании несут три рода ответственности: перед акционерами, перед клиентами и ответственность за сохранение окружающей среды. Однако на самом деле здесь не нужно выбирать одно из трех, скорее, все три ответственности складываются – служить своим акционером можно, только служа своим клиентам и заботясь о среде. Это можно и нужно делать одновременно. Как этого достичь? Надо быть открытыми, сотрудничать и общаться и с акционерами, и с потребителями, и с сотрудниками. КСО становится тогда частью культуры компании. Начинать надо с того простого факта, что ваши акционеры, клиенты и сотрудники – фактически одни и те же люди. И они все требуют от вас, чтобы вы работали с выгодой для них, создавали им ценности. Вот почему так важно общаться с людьми всех трех категорий и заранее объяснять им, почему они для вас важны.

Забота об окружающей среде неожиданно оказалась устойчивым источником инноваций. При этом расходы компаний не растут, а уменьшаются. Происходят важные изменения – многие компании стали относиться к «позеленению» серьезно. Сегодня побеждает следующий подход: для меня хорошо только то, что хорошо для остального мира. Его поддерживает более половины потребителей, что позволяет разумным «зеленым» фирмам оказываться на шаг впереди пожеланий своих клиентов. Такие фирмы, опираясь на КСО, делают для людей то, что те не могут сделать для себя сами. Такие компании процветают, потому что зарабатывают на самой мощной тенденции, захватившей потребителей, – на забо-

те о среде. КСО требует денег. Требуется многое для того, чтобы решения, дружественные к окружающей среде, принесли эффект. Но такие затраты необходимы с точки зрения большого времени. Революция, происходящая здесь, может принести больше изменений, чем появление Интернета.

Иновационная страна

А что происходит, если целой стране, всему народу приходится заниматься инновациями? Недостаток природных ресурсов – величайшее благо для страны, потому что ее лидерам приходится опираться на развитие талантов народа, т.е. на то, что и является основанием для инноваций. Необходимо инвестировать в образование и выращивать собственных, «домашних» творчески мыслящих людей. Это очень трудно. Бывает и иная ситуация. Например, в Дубае 80 % населения – приезжие. Они с необходимостью приносят с собой различные точки зрения, поэтому страна вынуждена создавать такую атмосферу, в которой легко было бы обмениваться идеями и опытом, принесенными извне. Перед руководством «инновационных» стран встает множество нелегких вопросов. Может ли правительство реально руководить инновациями в стране? Может ли страна обновить себя за короткое время? Может ли правительство проводить одновременное обновление и общества, и культуры? Главным образом, правительству надо заниматься устройством образования и обучения людей, создавать им условия для самостоятельного роста. Например, Сингапур посылает свою молодежь учиться в США и Великобританию. Когда эта молодежь возвращается – а это довольно большая группа – она нуждается в атмосфере инновационной свободы, она полна новых идей, для разработки и осуществления которых необходимо финансирование. Вот где работа для правительства, вот где оно может помочь обществу порвать с прошлым и запустить механизмы инновации. Получив поддержку, молодые специалисты получают условия для самостоятельного роста. Демократические, свободные формы правления гораздо более способствуют развитию инноваций, чем все другие системы. Например, когда посланные учиться за границу

лучшие и самые талантливые студенты Южной Кореи и Тайваня вернулись обратно, они во многом способствовали демократизации политических систем в этих странах. Что интересно, обе эти страны хорошо относятся к иммиграции, принимая людей со всего света и понимая, что нельзя рассчитывать только на внутренний рынок труда и только на свою образовательную систему. Необходимо опираться на широкое разнообразие культур, традиций и идей.

Яркие, творческие, склонные к инновациям люди, появляющиеся в таких государствах как Финляндия, склонны уезжать и жить в других странах. Тогда государству приходится прилагать усилия, чтобы включать таких людей в сетевые структуры, связанные с его экономикой. Список самых «инновационных» и конкурентоспособных обществ состоит в основном из небольших стран с населением до десяти миллионов человек (исключение составляют США и некоторые другие). Иногда Финляндию называют не страной, а «клубом». И действительно, атмосфера «клуба» очень хороша для инноваций, потому что все друг друга знают, легко строят сети отношений, необходимые для инноваций.

Пример Ирландии показывает, сколь благотворно сказываются инновации на экономике страны. В середине XX в. Ирландия, истощенная веками эмиграции и колониальной политики, находилась на грани экономического коллапса. Именно осуществление в течение тридцати лет тщательно спланированной инновационной стратегии поставило Ирландию на путь самого долгого устойчивого роста в ее экономической истории. Национальные программы включали ослабление налогов, бесплатное образование граждан, привлечение зарубежных инвестиций и помощь ирландскому бизнесу в мировой конкуренции. Однако останавливаться нельзя, поскольку большие успехи приносят новые серьезные проблемы. Сегодня продолжение бума ирландской экономики находится под вопросом, растут инфляция и цены на недвижимость, увеличивается угроза культурной однородности страны, поскольку в поисках лучшей жизни приезжает все больше иммигрантов из России, стран Европы и Азии. 75 % валового национального продукта дают компании, базирующиеся в США, и многие из них планируют свернуть свое производство в Ирландии в ближайшие годы.

Очень важно понять, что инновации должны происходить не только в частных фирмах, они необходимы и для государственного сектора.

* * *

Итак, теперь некоторые наблюдения, комментарии и выводы.

Все, что говорили об инновациях, не является продуктом теоретических размышлений (хотя их на сегодняшний день существует огромное количество), наоборот, это суть вещи абсолютно практические, повседневные. Тем не менее одним из результатов приведенной беседы является довольно наглядное описание модели «инновационного мира», или мира, в котором не только возможны и необходимы инновации, но который только и существует благодаря им.

Участники беседы продемонстрировали свою «философию нового»: откуда берется новое, что важно для его осуществления, кто в этом мире производит принципиально новое. При этом у них нет сомнений в том, что жить и развиваться в этом мире можно только стремясь постоянно производить новое.

Инновации определяются как совершенно необходимые – просто для выживания. Инновации – это претворение идей в жизнь. Для них необходимо определенное состояние сознания, необходимо сломать привычку и иногда пересмотреть свои фундаментальные ценности. Часто инновации осуществляются малыми шагами. Это процесс социальный, поэтому необходимо научиться управлять людьми. Для этого следует создать благоприятный для инноваций психологический климат в компании.

Мир, в котором действуют участники беседы, имеет, по их мнению, несколько важнейших элементов: компании, состоящей из руководства и сотрудников; рынка, состоящего из клиентов-потребителей и конкурирующих компаний; государства, вмешивающегося в ситуацию на рынке и имеющего свои специфические задачи. Каждая из составляющих в этой модели мира характеризуется огромной степенью разнообразия. Буквально нет двух людей, похожих друг на друга. Это разнообразие и является главным источником инноваций, источником, из которого только и может

появиться что-то принципиально новое. По сему компания (или страна), которая хочет выжить и развиваться за счет инноваций, должна научиться, во-первых, поощрять, поддерживать и увеличивать разнообразие, а во-вторых, жить и работать с растущим разнообразием, превращать его в эффективное сотрудничество, которое может основываться только на доверии. В сотрудничество следует превращать не только взаимодействия внутри компании, но и взаимодействия внешние – с акционерами, клиентами-потребителями, государством и даже конкурентами.

Таким образом, в подобной модели инновации отнюдь не сводятся к новым техническим решениям и достижениям. Инновации – это принципиально новые идеи, превращающиеся в продукты, которые создают новый опыт потребителю. Их появление и превращение становятся возможными только в средах специфических отношений в специфических человеческих сообществах. Люди могут стимулировать появление инноваций только одним способом: постоянно варьируя свои отношения для получения оптимальной для данного момента и места творческой среды.

Существует ли что-либо более гуманитарное?

Примечания

- ¹ Материалы дискуссии «The Business of Innovation» доступны на сайте <http://innovation.cnn.com> как в видеоформате, так и в расшифровках стенограмм.
- ² Zappos – крупнейшая компания, продающая через Интернет обувь, одежду, сумки, аксессуары и т.д. Zappos заявляет, что делает самый главный акцент на культуре компании и так называемых «основных ценностях» (core values). Компания ежегодно публикует «Книгу культуры», состоящую из рассказов сотрудников о том, что значит для них культура компании. На сайте компании вывешен список этих самых «основных ценностей»: (1) доставляйте своим сервисом восторг; (2) принимайте и продвигайте перемены; (3) создавайте радость и немного странности; (4) будьте предприимчивым, творческим и открытым; (5) старайтесь развиваться и учиться; (6) стройте открытые и честные отношения и связи; (7) создавайте позитивный командный и семейный дух; (8) делайте больше меньшими усилиями; (9) будьте увлеченными и решительными; (10) будьте скромными (<http://www.zappos.com/core-values.zhtml>).
- ³ *Gilbert D. Stumbling on Happiness. L., 2006.*
- ⁴ Недавно классическое использование подобного приема продемонстрировал Барак Обама в своей инаугурационной речи.

- ⁵ См., напр., http://www.businessweek.com/magazine/content/05_02/b3915638.htm, а также дискуссию на http://www.glassdoor.com/Reviews/Xerox-Company-Reviews-E747_P5.htm
- ⁶ <http://www.lge.com>
- ⁷ Starbucks – крупнейшая мировая сеть кофеен (<http://www.starbucks.com>).
- ⁸ См.: <http://www.harley-davidson.com>
- ⁹ Социальная сеть Facebook (<http://www.facebook.com>) была основана в 2004 г. В настоящее время существует более 30 ее локализованных версий, в том числе и русскоязычная, запущенная в конце июня 2008 г. (<http://ru-ru.facebook.com>).
- ¹⁰ В начале января 2009 г. количество пользователей социальной сети Facebook достигло 150 млн человек. Около половины из них пользуются Facebook ежедневно. В настоящее время этой социальной сетью пользуются жители всех континентов, включая Антарктиду. Это люди различных возрастов, от детей до пенсионеров, проживающие более чем в 170 странах (<http://lenta.ru/news/2009/01/08/facebook/>).

Гуманитаризация инновационного процесса: неизбежность или невозможность

Проблема, вынесенная в заголовок этой статьи, стала в научных кругах столь же злободневной, сколь сам феномен *инновации* стал привычным для упоминания лет 10 назад. Но сразу оговоримся, что гуманитаризация инновационного процесса это сегодня скорее задача, нежели проблема. Как проблема она уже рассмотрена (и продолжает рассматриваться) во многих работах – и в общефилософском контексте, и в связи с гуманитаризацией университетского образования, и во многих других проекциях¹ – как задача она *прорабатывается*. Проблемой стала востребованность гуманитарной культуры самими творцами инновационного процесса (для краткости будем в дальнейшем называть их инноваторами) – не ясно, что им нужно от социогуманитарных наук и нужно ли что-либо вообще (огрубля формулировки, – «в коня ли корм?»).

К таким грустным размышлениям приходишь после посещения бесчисленных сайтов, так или иначе посвященных инновационным проблемам. Похоже, что гуманитаризация инновационной деятельности занимает только самих гуманитариев. Инноваторы же заняты исключительно своими «внутренними» проблемами – маркетинг, менеджмент, качество, сервис и т.п. Но здесь сразу заметим, что гуманитарии в свою очередь не всегда в курсе этих «внутренних проблем». И это повод для других грустных размышлений – иногда отношение гуманитариев к инноваторам напоминает отношение миссионеров к туземцам, которые «в силу своей

отсталости не желают принять истинную веру» (правда, и инноваторы, как мы покажем здесь, иногда не многим отличаются от туземцев). В любом случае налицо – взаимное недопонимание. Попытаемся хотя бы слегка разобраться в этой оппозиции – «миссионеры–туземцы».

Начнем с общих мест, приведя пару цитат.

«Инновация – это деятельность, направленная на разработку, создание и распространение новых видов изделий, технологий, организационных форм. Побудительным механизмом развития инноваций в первую очередь является рыночная конкуренция. Производители и потребители в процессе использования устаревшей техники и технологии получают дифференциальный убыток, в результате чего вынуждены сокращать издержки производства на основе инноваций. Предпринимательские фирмы, первыми освоившие эффективные инновации, имеют возможность снижать издержки производства и соответственно стоимость реализуемых товаров (продукции, услуг). Следствием чего является укрепление своих позиций в конкурентной борьбе с фирмами, предлагающими аналогичные товары (продукцию, услуги). Таким образом, выживаемости фирм в конкурентной борьбе способствует инновационная деятельность».

«Инновация – это результат научной деятельности индивида или коллектива, реализованный на рынке в виде нового продукта. При этом под продуктом понимается либо овеществленный товар, либо технология (как научно-техническая, так и социально-гуманитарная), либо услуга».

Приведенные цитаты настолько типичны и привычны, что мы не будем даже ссылаться на источники – подобные или очень близкие определения можно встретить уже во многих работах. А главное, на сегодня это уже банальность, которая мало что дает для понимания «духа и буквы» инновационной деятельности, поскольку феномен инновации уже давно вышел за пределы узко технологической и экономической сфер. Здесь уместно будет рассмотреть конкретные примеры. Фактический материал мы взяли из сайтов украинских деловых журналов «Бизнес»² и «Эксперт»³. Это интервью, взятые у американских экспертов в области инновационного менеджмента, приглашенных для преподавания в Киево-Могилянской бизнес-школе⁴.

Вот, например, один из авторов «стратегии голубого океана» Чан Ким – сотрудник Boston Consulting Group, преподаватель международного менеджмента на кафедре Брюса Хендерсона INSEAD (Франция), одной из лучших в мире бизнес-школ; советник Европейского союза и почетный гость Мирового экономического форума в Давосе. Чан Ким вошел в глобальный рейтинг Thinkers 50 (пятьдесят всемирных мыслителей). Газета The Sunday Times назвала его «наиболее ярким мыслителем в менеджменте». «Стратегия голубого океана» стала результатом исследования более тридцати индустрий за последние сто лет. Анализируя данные, исследователи обнаружили некую закономерность стратегического мышления, которое предшествовало созданию нового рынка или индустрии, открыватель которой – первопроходец, изобретатель или создатель чего-то принципиально нового, а потому еще не имеющий конкурентов. Это и было названо *стратегией голубого океана*. Логика этой стратегии отличается от традиционных моделей, которые сосредотачивают внимание на борьбе с конкурентами в существующем рыночном пространстве, названном автором «алым океаном»⁵.

В истории делового мира можно найти такой пример: в конце XIX столетия автомобильная индустрия была развита незначительно. Машины собирались вручную и стоили дорого. Многие люди выступали против производства автомобилей. Основным видом транспорта были конные экипажи, у которых перед автомобилем было несколько преимуществ: они заметно легче преодолевали бездорожье и были доступны большинству. Вместо того чтобы завоевывать свою долю рынка у конкурентов, Генри Форд убрал границу между автомобилем и конным экипажем и таким образом создал *голубой океан*. Он создал «автомобиль для всех». Раньше все автопроизводители делали фешенебельные автомобили, которые подчеркивали статус их владельцев. А Форд создал автомобиль, который, как и конный экипаж, мог себе позволить почти каждый. Это было почти сто лет назад. Но вот современный пример: лет двадцать назад мы не могли представить себе Интернет, мобильные телефоны и т.п. А сейчас без них мы не представляем свою жизнь. В ближайшее десятилетие появятся другие товары, услуги, т.е. новые голубые океаны. По мнению Чан Кима, именно голубые океаны остаются двигателем прогресса. Компания, от-

крывшая голубой океан, может много лет работать на рынке без конкурентов и получать огромные прибыли. Однако, несмотря на привлекательность голубых океанов, лишь немногие компании могут в них попасть – старый способ мышления упорно заставляет бороться с огромным количеством конкурентов. Заслуга Чан Кима в том, что он описал, как сделать бизнес, у которого нет конкурентов, процветающим.

Далее в интервью он сказал следующее: «Мир развивается очень быстро. Благодаря новым технологиям повысилась продуктивность производства, это привело к небывалым объемам продуктов и услуг. В результате в некоторых отраслях предложение все чаще превышает спрос. Еще больше ситуацию усугубляет глобализация. Все это означает, что бизнес-среда, породившая в двадцатом веке основную часть стратегических и менеджерских подходов, постепенно исчезает. В алых океанах границы отрасли определены и согласованы, а правила игры в конкуренцию всем известны. Здесь компании стараются превзойти своих соперников, чтобы перетянуть на себя большую часть существующего спроса. По мере того как на рынке становится все теснее, возможностей роста и получения прибыли становится все меньше. Продукция превращается в океан, а безжалостные конкуренты режут друг другу глотки, заливая алый океан кровью. Голубые океаны, напротив, обозначают нетронутые участки рынка, требуют творческого подхода, дают возможность расти и приносить прибыль. Не нужно быть лучшим в мире, нужно быть непревзойденным хотя бы в чем-то одном. Некоторые голубые океаны создаются за пределами предложенных границ отрасли, но большинство из них все же возникают внутри алых океанов, раздвигая уже существующие отраслевые границы. В голубых океанах конкуренция никому не грозит. В алых океанах всегда самое важное – это умение плыть, обгоняя своих конкурентов. В голубых океанах спрос создается, а не отвоевывается».

В приведенном интервью на первый взгляд не содержится ничего нового – очередной заокеанский гуру привез ленивым славянам очередную аранжировку изрядно уже всем поднадоевшей «американской мечты». На самом деле отблески этой «миссии» здесь, действительно, проглядываются, но вот аранжировка все-таки современная и берет свои истоки в новой эпохе, в инно-

вационном подходе к бизнесу, а точнее к менеджменту. И здесь очень к месту будет процитировать одну из глав известной книги П.Дракера «Постэкономическое общество»: «Сегодня знание уже применяется к сфере самого знания, и это можно назвать революцией в сфере управления. Знание быстро превращается в определяющий фактор производства, отодвигая на задний план и капитал, и рабочую силу. Пожалуй, нынешнее общество еще преждевременно рассматривать как “общество знания”; сейчас мы можем говорить лишь о создании экономической системы на основе знания. Однако общество, в котором мы живем, определенно следует характеризовать как “посткапиталистическое”»⁶. Стратегия *голубого океана* – конечно, одна из многих, взятых на вооружение в современном деловом мире – заинтересовала нас, прежде всего, своей «посткапиталистической» тенденцией преодоления *алого океана* традиционного капитализма с его неизбежно жесткой конкуренцией. Причем основными признаками происходящего сдвига в основе этой стратегии считается переход от индустриального хозяйства к экономической системе, основанной на знаниях и информации. Чан Ким в цитируемом интервью даже утверждает, что голубые океаны – это не только технологические инновации; часто создание голубого океана это продукт стратегии и во многом продукт управленческих действий. И дальше: «Компании, застрявшие в алом океане, следовали традиционному подходу. Стремясь победить конкурентов, они старались занять удобную позицию для защиты или продумывали атакующие действия. А создатели голубых океанов не равнялись на конкурентов, они подчиняли свои действия иной стратегической логике – инновации ценности. Мы ее (логику. – И.А.) назвали так потому, что вместо того чтобы сосредоточивать все свои усилия на борьбе с конкурентами, вы делаете конкуренцию ненужной, создаете скачок в ценности для покупателей и компании и тем самым открываете новое, не охваченное конкуренцией пространство рынка. Инновация ценности предполагает, что одинаковый упор делается как на ценность, так и на инновацию. <...> Стратегию голубого океана нужно выстраивать в такой последовательности: полезность для покупателя – цена – издержки – внедрение. Пятьдесят процентов успеха зависит от хорошей идеи, остальное – от людей»⁷.

Отсюда видно, насколько далеко инновационный бизнес ушел от привычного для гуманитариев клише – типа «инновация это деятельность, направленная на разработку, создание и распространение новых видов изделий, технологий, организационных форм. Побудительным механизмом развития инноваций в первую очередь является рыночная конкуренция» (см. начало статьи). Конкуренция действительно является побудительным механизмом развития инноваций, но действие ее сегодня весьма и весьма опосредовано. Дикая конкуренция в духе романов Драйзера уступает место иному соперничеству – мозгами работать сегодня продуктивнее, чем локтями. Похоже, меняется структура понятия *конкуренция*. Вот традиционное толкование конкуренции: «Между производителями возникает соперничество – они стремятся увеличивать разделение труда и количество машин и использовать их в возможно более крупном масштабе. Более мощные и более дорогие средства производства дают им возможность продавать товары дешевле, но одновременно вынуждают продавать больше товаров, завоевывая для них больший рынок»⁸. Сегодня в конкуренции выигрывают не «более мощные и более дорогие средства производства», а более инновационные идеи. Складывается «суперсимволическая система создания общественного богатства» (по Э.Тоффлеру), основанная на использовании информационных технологий, т.е., прежде всего умственных способностей человека. А новизна разработок в таком бизнесе считается настолько само собой разумеющейся (по крайней мере, для технологически развитых стран), что ключевым – исходным – понятием для него является уже не *новизна*, а *знание*.

Приведем еще одну мысль из процитированной выше книги П.Дракера: «И на Западе, и на Востоке знание всегда соотносилось со сферой бытия, существования. И вдруг почти мгновенно знание начали рассматривать как сферу действия. Оно стало одним из видов ресурсов, одной из потребительских услуг. Во все времена знание было частным товаром. Теперь практически в одночасье оно превратилось в товар общественный. (...) Это изменение отражает подход к знанию как важнейшему из ресурсов. Земля, рабочая сила и капитал являются сегодня, главным образом, сдерживающими, ограничивающими факторами. Без них даже знание не сможет приносить плодов, а управление не будет эффективным. Но если

обеспечено эффективное управление, в смысле применения знания к знанию, другие ресурсы всегда можно изыскать. То обстоятельство, что знание стало *главным*, а не просто *одним из* видов ресурсов, и превратило наше общество в посткапиталистическое. Данное обстоятельство изменяет структуру общества, и при этом коренным образом. Оно создает новые движущие силы социально-го и экономического развития»⁹.

* * *

Итак – знание (!). Что оно дает инноваторам, и как оно преломляется в их сознании (?). Приведем еще несколько выдержек из интервью с американскими экспертами, приглашенными в упомянутую выше бизнес-школу.

Раджеш Тьяга – профессор кафедры экономики управления и принятия решений Kellogg School of Management (Northwestern University). С ним корреспондент журнала «Эксперт» беседует о проблеме качества в сфере услуг¹⁰. Р.Тьяга рассказывает, с какими трудностями сталкиваются руководители сервисных компаний: «Они пытаются управлять сферой услуг с помощью инструментов, предназначенных для производства. Поэтому их компании буксуют. Разница в том, что в производстве мы должны думать о клиенте, а в сервисе – о сотрудниках. Потому что сотрудник – это часть услуги, которую получает клиент. И чтобы продать услугу, работник должен быть счастливым. Наше исследование показывает, что при одинаковом уровне сервиса у счастливых сотрудников более удовлетворенные клиенты». Пока все это – интересные, но достаточно незатейливые утверждения, высказанные к тому же в излишне публицистичной для университетского профессора форме. Но беседа продолжается, и Р.Тьяга рассказывает, как ведущие компании мира создали качественный сервис: «Обратите внимание, они все документируют, начиная с того, *когда сотрудник должен улыбаться*. Например, у сингапурских авиакомпаний есть *стандарт, со сколькими пассажирами во время рейса стюард должен поздороваться*, скольких пассажиров рейса он должен знать по имени. Это все задокументировано. И называется управлением качеством (курсив мой. – И.А.)»¹¹.

Помимо того, что подсчет количества улыбок стюарда и нормирование его коммуникабельности – уже само по себе какое-то забавно-примитивное занятие, здесь налицо просто откровенная неосведомленность (автор выбирает наиболее мягкую формулировку). Уже более сорока лет в мире существует и развивается концепция образования, ориентированного на компетентности (СВЕ – competence-based education). Компетентность при этом трактуется как «основывающийся на знаниях, интеллектуально и личностно-обусловленный опыт социально-профессиональной жизнедеятельности человека»¹². В 1996 г. в материалах ЮНЕСКО очерчивался круг компетентностей, которые уже должны рассматриваться всеми как желаемый результат образования. В докладе международной комиссии по образованию для XXI века «Образование: сокрытое сокровище» бывший председатель Еврокомиссии (в 1985–95 гг.) Жак Делор сформулировал «четыре столпа», на которых основывается образование: научиться *познавать*, научиться *делать*, научиться *жить вместе*, научиться *жить* (курсив. – И.А.)»¹³ и этим фактически выделил базовые виды компетентности. В частности, одна из них гласит: «Научиться делать, с тем чтобы приобрести не только профессиональную квалификацию, но и в более широком смысле *компетентность*, которая дает возможность справляться с различными многочисленными ситуациями и работать в группе»¹⁴. Примитивно дежурная, хоть и вовремя исполненная улыбка стюарда отнюдь не является признаком «возможности справляться с различными многочисленными ситуациями». Главным здесь может быть только полученный с образованием один из видов компетентности – «умение устанавливать адекватные межличностные и конвенциональные отношения в различных ситуациях общения»¹⁵. И вот это умение в бизнес-среде (неважно даже, в инновационной или нет) найти, похоже, трудно – трудно именно из-за недостатка в ней гуманитарной *компетентности*. На это, конечно, можно возразить, сказав, что примера с «улыбками стюарда» явно недостаточно для такого серьезного вывода. Но анализ интервью с американскими экспертами еще не кончен.

На этот раз корреспондент киевского журнала «Бизнес» интервьюирует *доктора психологии Мэрилин Аткинсон*. Далее цитируем корреспондента: «М.Аткинсон получила международное признание в качестве тренера, консультанта, коуча. Она – один

из разработчиков коучинга. В 1985 году г-жа Аткинсон основала Эриксонский колледж (Канада, 12 филиалов в разных странах мира), где люди обучаются искусству консультирования, навыкам тренерства и коучинга. Она работает в качестве тренера и коуча с менеджерами крупнейших компаний мира, помогая этим людям становиться еще более успешными. В Канаде, США, Европе, Австралии и Сингапуре она обучила тысячи людей способам, позволяющим пробуждать творческие способности, таланты, энергию, которая “спит” в них и в окружающих»¹⁶. Коучинг в США очень распространен, по данным 2008 г. там было около 100 тыс. коучей. Поясим: *коучинг* – это инновация в сфере обучения, тренинг, предназначенный для раскрытия потенциала человека, развития его способностей и талантов в разных сферах жизни, в данном случае в области менеджмента. Посмотрим, кто развивает наши способности и таланты. Приведем следующий отрывок интервью:

«– Вы исследовали мастерство наиболее успешных менеджеров мира. Скажите, что делает их таковыми?»

– Это очень интересный вопрос о таланте. Наши исследования подтвердили – **талант существует**. Действительно, некоторые люди имеют творческие задатки от рождения. Проанализировав способности, с помощью которых эти люди достигают успеха, мы выяснили, что и другие могут овладеть такими навыками, притом очень быстро. Ведь **талант – это набор определенных навыков** (выделено мной. – *И.А.*)».

Не будем комментировать результат исследований г-жи Аткинсон, подтверждающий (!) существование таланта (человечество, стало быть, несколько тысячелетий, затаив дыхание, ждало подтверждения того, что такой феномен, как талант, и вправду существует – поздравим друг друга). Самый обескураживающий вывод: талант – это просто «набор определенных навыков», причем этими навыками может овладеть любой и очень быстро. Перед нами, конечно, образец махрового невежества. Необязательно быть психологом, чтобы знать, что структура и природа таланта и способностей, явно нелинейное соотношение в них приобретенных социокультурных и врожденных нейробиологических векторов – все это до сих пор не изученный до конца комплекс вопросов, хотя вот уже много десятилетий это предмет исследований ученых

и целых научных коллективов. Мы не будем останавливаться на этом вопросе, поскольку он выходит за рамки этой статьи, но предложим читателю ссылки на наши собственные работы, где имеется некоторая библиография касательно креативных способностей (в приложении к инновационной деятельности)¹⁷.

Приведем отрывок еще из одного интервью: «Марша Рейнолдс, президент компании Covisioning (США), прежде всего всемирно известна как коуч. Возглавляла Международную федерацию коучинга. Магистр гуманитарных и педагогических наук, занимается изучением новых подходов к использованию эмоций. В течение 20 лет сотрудничает с различными компаниями, федеральными агентствами и банками, обучая их, кроме прочего, тому, как достичь эмоциональной компетентности»¹⁸. Вот само интервью:

«– Какими качествами, на ваш взгляд, должен обладать успешный лидер?»

– Во-первых, лидер должен хорошо знать себя, т.е. он должен знать свои сильные и слабые стороны. Но, даже осознавая свою слабость, лидер должен быть уверенным в себе, а также иметь желание и готовность постоянно работать над своим собственным развитием. Во-вторых, у лидера должны быть хорошие навыки межличностного общения. Он должен быть не только коммуникабельным человеком, но и обладать сильно развитой интуицией. В-третьих, у лидера должно быть упорство. И он должен уметь хорошо справляться со стрессом. В-четвертых, у лидера обязательно должно быть чувство социальной ответственности. И последнее, самое интересное. Во время исследований выяснилось, что у самых лучших лидеров очень высокий уровень оптимизма и счастья. Обычно мы об этом не сильно задумываемся. Но исследования вновь и вновь доказывают, что эти качества очень важны для лидера.

– А почему так важно ощущение счастья?»

– Мы можем творить и быть по-настоящему продуктивными, только когда счастливы. Ученые обнаружили, что счастье “направляет” кровь к мозгу, для того чтобы подавить негативные чувства и успокоить тревожные мысли. В результате мускулы отдыхают, а энергия и хорошие чувства выходят на свободу. Мозг теперь свободен и может работать с предельной ясностью. И чем счастливее лидер, тем он здоровее. В трудных ситуациях оптимист будет ви-

дети намного больше способов решения проблемы, чем пессимист, у которого есть только один способ. Кроме того, оптимисты харизматичны и привлекают к себе других.

– *А каковы физиологические реакции на горе, грусть?..*

– Грусть и горе уменьшают скорость обмена веществ для того, чтобы у человека было время смириться с потерей, пока продолжается траур. Злость направляет кровь к рукам, чтобы подготовить человека к нанесению удара. Страх направляет кровь к группам больших мышц, в основном к ногам, для того, чтобы человек мог спастись бегством. Когда человек удивлен, его брови поднимаются, чтобы глаза видели больше. Поток крови зависит от того, какая эмоция – злость, страх или счастье – смешана с удивлением. Позитивное ожидание повышает уровень творческих процессов.

– *А стресс? Как с ним справляться?*

– Когда перед вами появляется трудность, которая действительно является вызовом, то очень эффективна техника, которую я называю “расслабиться – отсоединиться – сконцентрироваться – сфокусироваться”. Расслабиться – значит начать спокойно дышать. Отсоединение означает “отключение” всех “разговоров”, которые происходят в мозгу. Сконцентрироваться – “стать на землю” и обратить внимание на то, что происходит в теле. Сфокусировать внимание – значит понять, что ты хочешь ощущать в этот момент. И только достигнув такого состояния, вы можете задать себе вопрос: “А какова лучшая стратегия для меня?” И тогда к вам вернется способность видеть много разных путей. Очень важно отдыхать, хорошо питаться, заниматься спортом и получать удовольствия. Многие лидеры считают, что их жизнь – это работа. И тогда жизнь становится очень трудной, потому что нет резерва энергии».

Здесь нет откровенного невежества, но есть не менее опасные признаки: сочетание наукообразных банальностей (типа перечисления качеств успешного лидера или призыва хорошо питаться и заниматься спортом) с наукообразной чушью (вроде описания физиологических реакций на счастье, горе и грусть). И опасность именно в наукообразии изложения и доступности результата. Уже цитированная выше г-жа Аткинсон на эту тему также высказалась: «Коучинг существенно отличается от психологии. Это набор конкретных навыков, которые позволяют думать на перспективу, вдохновляться и творчески работать. В США многие отказываются от

услуг психотерапевта и все больше обращаются к коучам. Ведь когда человек приходит к психотерапевту, он – человек с проблемой. А за 30–45 минут работы с коучем он может организовать себя».

35–45 минут – и никакой психологии не надо (со временем можно будет, наверное, заодно и философию отменить – очень уж много времени на нее уходит).

Создается впечатление, что параллельно с традиционным научно-гуманитарным пространством возникает некое околонуучное «мутант-пространство», где за 35–40 минут можно сделать то, на что в традиционной науке уходят иногда и десятилетия. В этом мутант-пространстве все до предела ускорено и упрощено. Это привлекает «широкие массы», дает им иллюзию собственного обновления, участия в творческом процессе, а главное рекрутирует «обКОУЧенных» в инновационный бизнес, гуманитаризацию которого мы обсуждаем в этой статье. Такое ощущение, что этим широким массам гуманитарное образование (именно в нашем понимании) не нужно, оно их просто отвлекает от конкретных дел.

* * *

После этих строк повествование вполне можно было бы перевести в жанр «монолога миссионера», направленного против невежества «этих туземцев» (см. начало статьи) и повторять общие места о «необходимости развития гармоничной личности». Но основной интерес здесь представляет все-таки не гуманитарное невежество некоторых инноваторов (хотя оно с очевидностью обнаружено), а отношение и миссионеров, и туземцев к инновациям. Для начала процитируем «миссионеров». Мы приведем пять различных авторских формулировок задач гуманитаризации образования. Не конкретизируя ссылки в каждом отдельном случае, скажем только, что все формулировки приводятся без искажений и исходят из социогуманитарных кафедр государственных (в том числе технических) университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Рязани и Томска.

I. В такой стране, как Россия, где исторически сложилась модель традиционного общества, **ценностная гуманитарная парадигма инновационной образовательной стратегии** должна оста-

ваться предметом особенно бережного внимания со стороны всех субъектов образовательного процесса как на федеральном, так и на региональном уровне. По нашему мнению, образовательно-воспитательная стратегия российской высшей школы на этапе инновационных трансформаций должна сочетать в себе следующие ценностные ориентации и установки:

- целенаправленное формирование российской идентичности в сознании современного молодого поколения как создателя государства и хранителя его великого научного и культурного достояния, стремления к преумножению интеллектуального и духовного потенциала нации;

- воспитание гражданско-патриотических и духовно-нравственных качеств личности молодого специалиста;

- уважение к ценностям гражданского общества и адекватное восприятие реалий современного глобального мира и т.д.

II. Задачами гуманитаризации образования можно считать:

- обеспечение обучающихся необходимой системой знаний по гуманитарным и социально-экономическим дисциплинам из практики (опыта) жизни по данной профессии и достаточной для последующего непрерывного образования личности;

- создание межпредметных связей дисциплин гуманитарного цикла по предметно-содержательному, предметно-деятельному смыслу профессиональной компетентности выпускника.

III. Гуманитаризация образования означает:

- рассмотрение на занятиях по разным видам дисциплин проблем взаимоотношения человека и природы, места человека во Вселенной и на планете, смысла жизни и т.д.;

- подготовку обучающихся к осознанию этих проблем и участию в их решении. Смысл процессов гуманизации и гуманитаризации технического образования состоит в том, что в результате действия этих процессов происходит формирование и дальнейшее развитие гармоничной личности будущего профессионала.

IV. Правомерность гуманитаристики (гуманитарной компоненты в научно-техническом университетском образовании. – *И.А.*) подкрепляется, в общем и целом, тремя взаимосвязанными аргументами:

- во-первых, статус *высшего* учебного заведения заставляет заботиться о достаточно широком образовании, которое способствует не только профессиональной подготовке, но наращиванию духовного потенциала личности;

- во-вторых, подготовка кадров, ориентированных на исследования и разработки, предполагает достаточно гармоничное развитие будущего специалиста, формирование не только аналитических (строгое математически фундированное мышление), но и синтетических (продуктивное воображение) способностей. Речь идет, образно говоря, о взаимообогащающем «сопряжении» левого и правого полушарий – посредством параллельного овладения физико-математического и гуманитарного знаниями;

- в-третьих, профессиональная деятельность инженера осуществляется в определенном социальном (институциональном, рыночном, правовом, межличностном и т.д.) контексте, значимость которого в технологии этой деятельности неуклонно возрастает, благодаря – в первую очередь – происходящему в наши дни переходу к инновационной экономике.

V. Приблизить нас к блаженству познания, присутствующему как в собственно гуманитарной области, так и в естественнонаучной и технической областях, и есть по существу **сверхзадача гуманитаризации**, гуманитарного образования и образования вообще.

В этих пяти очень неплохих формулировках многовато различий – разные подходы и расстановки акцентов, целевые ориентации, да где-то и ценностные обоснования. Такую разноголосицу уже самое по себе воспринимать трудно. Но главное, что их объединяет, – отсутствие ощущения сегодняшнего дня. Все эти пять формулировок годятся и для индустриальной, и для постиндустриальной эпохи. В конечном итоге здесь по-прежнему высвечивается пусть до сих пор не решенная, но уже хорошо известная проблема «двух культур»¹⁹. В одной из предыдущих своих работ мы уже пытались прочесть эту проблему в контексте инновационного процесса²⁰, поэтому перейдем к следующему проблемному рубежу. (Но перед этим рубежом автор не может отказать себе в удовольствии привести еще одну – пожалуй, наиболее удачную – формулировку: «Очевидно, что необходимое сложение национальной инновационной инфраструктуры остро нуждается в формировании интеллектуальной элиты нового поколения, способной соединить

широкую гуманитарную эрудицию и высокую компетентность в освоении средств и инструментов продуктивной деятельности. Если попытаться свести стоящую перед нами сверхзадачу к двум словам, то эти два слова: *эрудированная дееспособность* (курсив мой. – И.А.)»²¹.)

Природа новой проблемы, обещанной в предыдущем абзаце, также имеет социокультурную природу (что неудивительно, поскольку инновационный процесс – это в большей степени социокультурный, нежели техно-экономический феномен), т.к. на проблему двух культур (по Ч.Сноу) накладывается проблема современной – префигуративной – культуры (по М.Мид). Известная американская исследовательница – антрополог, этнограф и социолог – Маргарет Мид выделила три типа культуры межпоколенных отношений: 1) постфигуративный тип культуры, где дети учатся, прежде всего, у своих предшественников, он преобладал в патриархальном, традиционном обществе, ориентированном во многом на опыт предыдущих поколений (постфигуративная культура главным образом характеризует примитивные общества и небольшие религиозные или идеологические анклав); 2) кофигуративный (или конфигуративный) тип культуры, где дети и взрослые учатся по преимуществу у сверстников (современников) и которая выступает как своего рода исторически промежуточный тип культуры; она свойственна для времени, характеризующегося ускоренным развитием общества и технических средств, что делает опыт предыдущих поколений недостаточным – люди в процессе познания, обучения ориентируются не только на старших, но и на современников, равных по возрасту и опыту; 3) префигуративный тип культуры, где взрослые учатся также и у детей, которая характеризует наш современный мир²². Концепция М.Мид имеет в своей основе зависимость межпоколенных отношений от темпов научно-технического и социального развития и подчеркивает, что горизонтальная трансляция культуры включает в себя не только информационный поток от родителей к детям, но и молодежную интерпретацию современной ситуации, влияющую на старшее поколение. Префигуративная культура, «где взрослые учатся также у своих детей», отражает то время, в котором мы живем, отмечает М.Мид. Это – культура постиндустриальной эпохи, когда ведущей становится технология производства знания.

Префигуративный тип культуры определяет новый тип социальной связи между поколениями, когда образ жизни старшего поколения не тяготеет над младшим²³. Темп обновления знаний при этом настолько высок, что молодежь оказывается более сведущей, чем старики, т.е. носители гуманитарного знания могут существенно отставать от инноваторов. И когда мы говорим о темпе обновления знания, мы имеем в виду как инновационное знание, так и гуманитарное. Уже только новый тип социальной связи между поколениями порождает новый пласт гуманитарного знания.

Вот, на наш взгляд, основная причина той оппозиции «миссионеры–туземцы», которую мы наметили в начале этой статьи. **Гуманитаризация должна быть направлена не только на инновационный процесс, но и на все общество в целом, поскольку инновационный процесс – не только потребитель «старого»²⁴, но и источник нового гуманитарного знания.** Каковы контуры этого обновления – тема последующих исследований.

Примечания

- ¹ См. напр.: *Гусейнов А.А.* Выражение кризиса и симптомы обновления // *Вопр. философии.* 1999. № 3. С. 7–12; *Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания (материалы «круглого стола») // Вопр. философии.* 2004. № 7; *Алфёров Ж.И., Садовничий В.А.* Образование для России XXI века // *Образование, которое мы можем потерять.* М., 2002. С. 18; *Юдин Б.Г.* Интеллектуальный потенциал личности и инновационное развитие страны // *Инновационное развитие России и человеческий потенциал молодежи.* М., 2008. С. 3.; *Келле В.Ж.* Формирование инновационной структуры и молодежь // *Инновационное развитие России...* С. 34; *Ашмарин И.И., Клементьев Е.Д.* Гуманитарная составляющая университетского научно-технического образования // *Высшее образование в России.* 2009. № 1. С. 3.
² <http://www.business.ua/i533/>
- ³ <http://www.expert.ua/articles/>
- ⁴ Автор решительно обозначает случайность выбора г. Киева. При других условиях поиска в Интернете на месте Киева мог бы оказаться, например, Минск, или Тбилиси, или Москва, или Урюпинск.
- ⁵ <http://www.expert.ua/articles/16/0/1761/>
- ⁶ *Дракер П.* От капитализма к обществу знания. Цит. по: <http://ifuture.narod.ru/001/drucker001.htm>
- ⁷ <http://www.expert.ua/articles/16/0/1761/>
- ⁸ *Социология: Энциклопедия / Сост. А.А.Грицанов и др.* Минск, 2003. Цит. по: <http://slovari.yandex.ru/dict/sociology/article/soc/soc-0506.htm>

- ⁹ *Дракер П.* От капитализма к обществу знания. Цит. по: <http://ifuture.narod.ru/001/drucker001.htm>
- ¹⁰ <http://www.expert.ua/articles/23/0/2012/>
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Зимняя И.А.* Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования. <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm>
- ¹³ *Делор Ж.* Образование: сокрытое сокровище. 1996.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Зимняя И.А.* Социальная работа как профессиональная деятельность // Социальная работа. Вып. № 2. М., 1992.
- ¹⁶ <http://www.business.ua/i533/a16920>
- ¹⁷ *Ашмарин И.И.* Человек в пространстве инноваций // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. X. Вып. 3–4. С. 209; *Ашмарин И.И., Новохатко И.М., Степанова Г.Б.* Человеческий потенциал студентов и их подготовленность к участию в инновационной деятельности // Инновационное развитие России и человеческий потенциал молодежи. М., 2008. С. 80.
- ¹⁸ www.business.ua/i553/a18928
- ¹⁹ *Сноу Ч.П.* Портреты и размышления // Две культуры и научная революция. М., 1985.
- ²⁰ *Ашмарин И.И.* Инновации в пространстве «двух культур» // Человек вчера и сегодня: междисциплинар. исслед. М., 2008. С. 153.
- ²¹ Высшее образование в России. Аналитический доклад. Коллектив авторов под руководством проф. В.Л.Глазычева. Цит. по: http://www.glazychev.ru/projects/obrdocl/2004_obrdocl.htm
- ²² *Мид М.* Культура и мир детства. М., 1988. Культурология. XX век: Энцикл. Т. 2. СПб., 1998.
- ²³ Заметим вскользь, что в приложении концепции М.Мид к анализу инновационного климата в обществе дифференциацию общества имеет смысл проводить не только по возрастным когортам (поколениям), но и по социальным группам (профессиональным, экономическим, конфессиональным и т.д.), имея в виду степень их вовлеченности в инновационный процесс.
- ²⁴ Кавычки употреблены, потому что язык не поворачивается назвать гуманитарное (а значит, фундаментальное) знание *старым*.

Разработка инновации как совместная деятельность

В современных условиях инновационная политика как отдельных предприятий, так и страны в целом является определяющим инструментом в конкурентной борьбе, тем самым создавая предпосылки для экономического роста. Причем наибольшего успеха добиваются те предприятия, где инновации создаются не от случая к случаю, а идет постоянный процесс совершенствования технологического базиса и выпускаемой продукции. В России, по данным статистического наблюдения¹ за инновационной деятельностью организаций в 2007 г., 3402 организации в течение последних трех лет имели завершённые инновации, из них 2941 (86,4 %) – технологические инновации. Их число по сравнению с 2006 г. возросло, соответственно, на 8,3 % и 6,2 %. Более половины организаций (52,9 %), имевших технологические инновации, разрабатывали их самостоятельно, треть – кооперировались с другими организациями, для 15,5 % организаций инновации разрабатывались только другими организациями. Примерно в таком же соотношении разрабатывались маркетинговые и организационные инновации.

Приведенные выше цифры показывают, что многие предприятия и организации осуществляют самостоятельную инновационную деятельность, функцией которой является изменение продукта, технологии, услуги и т.п. Причем изменения затрагивают не только технологию производства, продукт, но и структуру организации. Для разработки инноваций создаются специальные подразделения, разумные по размерам, которые обладают необходимой под-

вижностью и восприимчивостью к технологическому прогрессу. Подбираются группы разработчиков, привлекаются специалисты, организуется совместная деятельность. Попытаемся проанализировать, каким образом должна быть организована эта деятельность, чтобы инновационный процесс был непрерывен и эффективен.

Однако вначале обозначим основные представления об инновациях и инновационной деятельности, которые описываются в научной литературе². Под инновацией понимается новый порядок, новый метод, новая продукция или технология, новое явление. Инновация интерпретируется также как превращение потенциального научно-технического прогресса в реальный, воплощающийся в новых продуктах и технологиях. Под инновационной деятельностью в процессе разработки, освоения и реализации научно-технических нововведений подразумеваются виды деятельности, непосредственно связанные с получением, воспроизводством новых научных, научно-технических знаний и их реализацией в материальной сфере экономики. В большей мере инновационная деятельность связывается с доведением научных, технических идей, разработок до конкретной продукции и технологии, пользующейся спросом на рынке.

Инновационные продукты – это товары, работы, услуги, подвергавшиеся в течение последних трех лет разной степени технологическим изменениям. Наука проникает в производство, преобразует его технологический базис и сферу управления производственным процессом. Научные исследования и разработки являются не только источником новых идей, но могут осуществляться на различных этапах инновационного процесса, будучи средством решения проблем, возникновение которых потенциально возможно на любой его стадии.

Существует достаточно много исследований, в которых дается анализ инновационных процессов на макроэкономическом уровне. Наиболее простая модель инновационного процесса, по мнению венгерских ученых³, является результатом логического расчленения всего процесса на отдельные, функциональные или структурные части, этапы:

- фундаментальные исследования;
- исследования прикладного характера: машины и приборы, решение специальных проблем, оценка возможностей;

- опытно-конструкторские и экспериментальные разработки;
- процесс коммерциализации, т.е. выход с полученным нововведением на рынок для внедрения нововведения в производство, что и является основной целью инновационной деятельности.

В.Ж.Келле обосновывает необходимость создания национальной *инновационной системы (ИС)* для обеспечения инновационной деятельности в масштабах страны, которая создает условия для генерирования инноваций и полноценного комплексного подхода к решению проблем технологического развития⁴. Им предложены основные свойства инфраструктуры, которую можно разделить на *исследовательскую и социально-экономическую*. Первая является частью технологического процесса создания инноваций. *Социально-экономическая инфраструктура* обслуживает процесс создания инноваций, связывая ИС с обществом, его потребностями, делая возможным ее функционирование в условиях рыночной экономики, определенной организации общественной жизни и социокультурной среды с ее традициями, законами, нормами, факторами, побуждающими людей заниматься инновационной деятельностью. Создание инноваций является процессом преимущественно научно-технологическим, однако в него вовлечены специалисты в области естественных и технических наук, математики, инженеры и техники, конструкторы и менеджеры – организаторы коллективов разработчиков инновационного продукта. Таким образом, эффективность функционирования инновационной системы во многом определяется готовностью и подготовленностью общества к инновационной деятельности – социокультурными, культурно-образовательными характеристиками общества в целом и соответствующими индивидуальными (в т.ч. психологическими) характеристиками его членов, особенно создателей инновационной продукции.

Что касается инновационной деятельности на индивидуальном уровне, то она в психологических работах представляется как процесс решения творческих задач, в котором развивается творческий потенциал субъекта деятельности, в результате чего вырабатываются собственные интегративные схемы разных типов (синтез знаний, получаемых из разных источников, приведения их в систему в целях применения на практике, в процессе решения теоретических и практических задач, осуществления обратной связи)⁵. В большинстве исследований, посвященных этой пробле-

ме, реализуется общий деятельностный подход (А.Н.Леонтьев). Инновационная деятельность часто рассматривается через профессиональную деятельность и профессиональную компетентность (А.А.Деркач, Н.В.Кузьмина)⁶, выделяются, например, такие ее взаимосвязанные компоненты, как аналитико-прогностический компонент, проектировочный, конструктивный, гностический, организаторский, коммуникативный.

В исследовании роли «чувствительности к проблеме» в структуре инновационной деятельности последняя представлена как совокупность следующих компонентов: мотивационного, когнитивного, динамического, эмоционального, результативного, личностного, где:

- мотивационный определяется уровнем направленности личности на инновационную деятельность;
- когнитивный – осмысленностью и осознанием как цели деятельности, так и возникающих в процессе деятельности проблем;
- динамический – стремлением проявить активность, основу которой составляет творческий потенциал работников, либо, наоборот, пассивность, которая проявляется в нежелании предпринимать какие-либо действия при внедрении новшеств;
- эмоциональный характеризуется комплексом эмоций и чувств (как отрицательных, так и положительных в период внедрения новшеств);
- результативный представляет собой совокупность качественных признаков, которые определяют эффективность инновационной деятельности, вызывают удовлетворенность от совершенных действий и деятельности в целом;
- личностный характеризуется развитостью профессиональных качеств и их совершенствованием, проведением оценки себя как значимого участника трудового процесса при внедрении инноваций⁷.

Выше речь шла об индивидуальной инновационной деятельности, т.е. о деятельности человека, участвующего в разработке инновации. Однако если до начала XX в. инновации возникали, как правило, благодаря усилиям отдельных лиц, которые соединяли в себе черты изобретателя и предпринимателя-одиночки, то в настоящее время инновационный процесс может осуществляться лишь в рамках организаций. Его успешное протекание зависит от множества людей, которые обладают самыми разными профессио-

нальными знаниями и навыками (ученых, конструкторов, инженеров, финансистов, специалистов по сбыту и т.д.) и интегрированы в инновационный процесс на основе разделения труда. Таким образом, в психологическом смысле эта деятельность по разработке инновации является совместной.

Структура психологии деятельности предусматривает такие ее составляющие, как субъект деятельности, предмет, на который направлено действие, мотив и цель деятельности, способ и последовательность действий. Эти составляющие приобретают другой характер при социально-психологическом анализе. Б.Д.Парыгин пишет: «Вместо индивида как субъекта таковым становится многокачественный и могущий быть весьма дифференцированным интегральный субъект. Еще более расчлененным и разнокачественным становится и предмет деятельности... В связи с многокачественностью субъекта столь же многообразными становятся как мотивы, так и цели деятельности. То же происходит и с последовательностью действий»⁸.

Г.М.Андреева считает, что участие одновременно многих людей в этой деятельности означает, что каждый должен внести свой особый вклад в нее, что и позволяет интерпретировать *взаимодействие* этих людей как организацию их совместной деятельности. В ходе ее для участников чрезвычайно важно не только обмениваться информацией, но и организовать «обмен действиями», спланировать общую деятельность. В ходе совместной деятельности «по поводу» ее организуется коммуникация, и именно в этом процессе людям необходимо обмениваться и информацией, и самой деятельностью, т.е. вырабатывать формы и нормы совместных действий⁹.

А.Н.Леонтьев называл две основные черты совместной деятельности: а) разделение единого процесса деятельности между участниками; б) изменение деятельности каждого, т.к. результат деятельности каждого не приводит к удовлетворению его потребности, что на общепсихологическом языке означает, что «предмет» и «мотив» деятельности не совпадают¹⁰. Необходимым элементом совместной деятельности классиками социальной психологии признается кооперация, которая означает координацию единичных сил участников (упорядочивание, комбинирование, суммирование этих сил).

Специфика совместной интеллектуальной деятельности, по мнению А.Н.Воронина, «определяется более конкретной общей целью совместной деятельности (решение познавательной задачи или проблемы), наличием феномена «преодоления интеллектуальной несостоятельности», ситуативным характером распределения этапов деятельности (или ролей) между ее участниками и разворачивающимся по этому поводу взаимодействием, ситуативно обусловленным изменением уровня интеллекта и креативности участников совместной интеллектуальной деятельности»¹¹. Проявление интеллекта и креативности зависит от конкретных межличностных отношений, личностных особенностей и параметров социальной ситуации, в которой разворачивается совместная интеллектуальная деятельность. В цитируемой работе экспериментально доказано, что оптимальность проявления интеллекта и креативности обратно пропорциональна степени социального контроля. Позитивное отношение к сложившимся межличностным отношениям, их принятие и адекватное их восприятие делают более оптимальными условия проявления интеллекта и креативности.

Таким образом можно сделать вывод о значимости психологической совместимости в группе разработчиков инновации. Понятие психологической совместимости учитывает:

- взаимное принятие партнеров по общению и совместной деятельности;
- развитие межличностных эмоциональных и информационных связей;
- развитие взаимопонимания и взаимодействия;
- личную и общую подготовленность членов группы к совместной деятельности;
- сочетание (сходство или взаимодополнительность) ценностных ориентаций, социальных установок, интересов, мотивов и т.п.;
- взаимное дополнение членами группы физических, психических и психофизиологических возможностей друг друга, необходимое для успешной коллективной деятельности;
- согласованность представлений членов группы о том, что именно, с кем и в какой последовательности должен делать каждый для достижения общей цели;
- сведение к минимуму антипатий, качеств, которые раздражают других, заставляют избегать контактов.

Отсутствие психологической совместимости в профессиональной группе – это не просто различие ценностных установок, отсутствие дружеских связей, неуважение или неприязнь людей друг к другу. Это неспособность в критических ситуациях понять друг друга, различия во внимании, мышлении, мотивации и других свойствах личности, которые препятствуют совместной деятельности.

Вообще говоря, существует два основных подхода к повышению эффективности трудовой деятельности. Первый (это по сути теория Ф.Тейлора) предполагает, что людей нужно принуждать к труду; они избегают ответственности и перемен; им нельзя доверять – люди хотят, чтобы ими руководили. Акцент делается на тактике контроля, на процедурах и методах, дающих возможность предписывать людям, что им надлежит делать, определять, выполняют ли они это, и применять поощрения и наказания. Другой подход повышенное внимание уделяет природе взаимоотношений, созданию среды, благоприятствующей возникновению преданности, организационным целям, предоставляющим возможность максимального проявления инициативы, изобретательности и самостоятельности при достижении их. Выше было показано, что такой подход создает больше возможностей для проявления интеллекта и креативности в совместной деятельности, которые являются профессионально важными качествами для разработчиков инноваций. Такой подход может оказаться более эффективным и для реализации других качеств инновационного типа личности.

- В исследованиях, посвященных инновационной деятельности, анализируются качества личности, необходимые для успешной инновационной деятельности, приводятся их различные классификации. Специфика инновации как деятельности порождает определённый тип личности¹². В целях поиска характерных качественных черт инновационного типа личности многие авторы строят их типологию на аналитическом совмещении имеющихся в литературе представлений о «современной», «творческой», «самоактуализирующейся» личности и различных подходов к уяснению «инновационной» личности. Такой исследовательский подход представляется перспективным, т.к. модель современной личности отражает черты, востребованные прогностическими тенденциями развития обще-

ства, в то время как творчество является атрибутивным качеством современной личности и инновации одновременно, а инновационность находит выражение в особом сочетании специфических черт личности. Рассматривая инновацию как особым образом организованную деятельность, Г.И.Герасимов и Л.В.Илюхина приходят к выводу о том, что она востребует совершенно определённую совокупность характерологических черт личности, среди которых:

- «потребность в переменах, умение уйти от власти традиций, определяя точки развития и адекватные им социальные механизмы;
- наличие креативности как личностного качества и творческого (креативного) мышления;
- способность находить идеи и использовать возможности их оптимальной реализации;
- системный, прогностический подход к отбору и организации нововведений;
- способность ориентироваться в состоянии неопределённости и определять допустимую степень риска;
- готовность к преодолению постоянно возникающих препятствий;
- развитая способность к рефлексии, самоанализу»¹³.

Возникает вопрос, каким образом должна быть организована совместная деятельность по разработке инновации, чтобы в ней наиболее полно раскрывались перечисленные выше профессионально важные качества. Существуют различные формы организации совместной профессиональной (трудовой) деятельности. Это, например, рабочие группы, бригады, экипажи, команды. Эти формы существенно разнятся типом руководства, координации, мотивации персонала, обмена информацией, контроля, оценки результатов и т.п. На вопрос о том, каковы основные формы организации инновационного процесса, в работе, посвященной инновационному предпринимательству, приводится следующий ответ: «Бригадное новаторство и временные творческие коллективы представляют собой необходимый элемент организации инновационного процесса. Возросший темп нововведений привел к сокращению как времени проектирования, так и жизненного цикла продукции. Поэтому, чтобы создать новые изделия для удовлетворения будущих потребностей, разработчики должны развивать инновационную систему, которая превратит новаторство из случай-

ных озарений в повседневную практику. На успех может надеяться лишь новаторская и умелая бригада, каждый член которой знаком с основами смежных дисциплин»¹⁴.

В нашем контексте интерес представляет анализ командной формы организации трудовой деятельности и возможностей его реализации в группах разработчиков инноваций. Эффективность командной формы организации такого рода трудовой деятельности основывается, частности, на повышении инновационных возможностей исследовательской группы за счет способности быстро реагировать на изменения и перестраивать в связи с этим свои стратегические и тактические программы, атмосферы творческого поиска, обучения через деятельность, совместную работу и решение проблем, а также принятия на себя как индивидуальной, так и коллективной ответственности за перспективы развития и реализации той или иной инновационной разработки. Участники команды хорошо справляются в выполнении многофункциональных, пересекающих границы конкретного подразделения задач, требующих координации использования ресурсов из многих функциональных областей. Разделение труда принимает иные формы, чем в обычной организации. Свои профессиональные обязанности члены коллектива распределяют между собой сами в зависимости от складывающихся условий деятельности. В каждой проблемной ситуации выполнять рабочие операции поручается тому, кто способен сделать это наилучшим образом. Неумение одного совершать какие-либо работы или операции компенсируется знаниями и навыками другого.

Об управленческих командах и их создании специалисты в области высокоэффективного менеджмента, организационного развития и социальной психологии заговорили относительно недавно, чуть больше 30 лет назад. Первые исследования командной деятельности были опубликованы в начале 1960-х гг. Они были посвящены поискам способов повышения эффективности и продуктивности управленческого труда. Т.Ю.Базаров объясняет причины такого интереса к командной деятельности в том числе и тем, что почти все успешно развивающиеся и обладающие высокой конкурентоспособностью фирмы и корпорации как в нашей стране, так и за ее пределами строят свое развитие как на основе удовлетворения запросов потребителей настоящего времени, так и потребностей завтрашнего дня, создавая отделы новой техники,

проблемно-перспективные лаборатории и т.д. Ссылаясь на работы Татенбаума, Саласа и Берда, этот автор приводит следующее определение: «Команда – это небольшое количество человек (чаще всего 5–7, реже до 15–20), которые разделяют цели, ценности и общие подходы к реализации совместной деятельности; имеющих взаимодополняющие навыки; принимающих на себя ответственность за конечные результаты; способных изменять функционально-ролевую соотношенность (исполнять любые внутригрупповые роли); взаимоопределяющих принадлежность свою и партнеров к данной общности /группе/»¹⁵. С целью классификации рабочих команд А.М.Карякин предлагает использовать следующие критерии:

- членство: какие категории сотрудников организации входят в состав рабочей команды;
- цели и функции: какие цели и задачи ставятся перед рабочей командой; какие функции выполняет команда;
- жизненный цикл: какова продолжительность периода времени существования рабочей команды;
- управление: каким образом осуществляется руководство рабочей командой;
- взаимодействие: какие формы отношений используются в процессе функционирования рабочей команды;
- методы: какими способами и средствами пользуются команды для достижения поставленных целей.

В соответствии с этими критериями автор выделяет десять типов команд: интрафункциональные команды, оперативные команды, кроссфункциональные команды, предпринимательские команды, исполнительные команды менеджеров, координационные, самоуправляемые, самонаправляемые в производстве и сервисе, самонаправляемые в интеллектуальной сфере, виртуальные. Команда состоит из группы специалистов, принадлежащих к различным сферам организационной деятельности и работающих совместно над решением тех или иных проблем. Подразделения такого рода характеризуются повышенной подвижностью организационных структур – им свойственна, по утверждению А.И.Пригожина, «меняющаяся геометрия»¹⁶, зависящая от смены задач (переход сотрудников от проекта к проекту, приглашение внешних экспертов и исполнителей, создание временных отделов и т.п.). В командной структуре различные функциональные представители работают

совместно. Через групповое обсуждение идет взаимное познание функций других членов группы и развитие навыков совместной работы. С.А.Никонова считает, что к основным процессам, происходящим в командах, относятся взаимовлияние группы и личности в процессе общения, а также процессы идентификации, коммуникации, комфортности межличностных отношений, формирования норм и правил поведения, разрешения конфликтов, сплоченности, психологического климата и др.¹⁷.

Критическим фактором, определяющим эффективность работы команды, является распределение функций между ее членами, т.е. распределение ролей внутри команды. В научной литературе¹⁸ приводятся различные составы команд, при этом подчеркивается, что он определяется типом команды, ее миссией и конкретными целями деятельности. С.Резник¹⁹ предлагает следующее распределение ролей, которое довольно типично при формировании команды и в то же время наиболее соответствует для разработчиков инновации.

Председатель, руководитель – роль первая, главная. Этот человек играет вполне конкретную ролевую функциональную задачу.

Генератор идей. Его деятельность заключается в разработке новых идей, решений, подходов, новой организации. Он инициирует деятельность всей команды и может иметь даже дикие идеи. Но без такого человека невозможно добиться ничего нового, оригинального.

Информатор. Эта роль состоит в поиске и предоставлении группе всей необходимой информации. Этот человек ищет разъяснение выдвинутого предложения, находит дополнительную информацию, необходимые факты, применяет свой собственный опыт в решении проблем команды.

Эксперт. Он высказывает мнения или убеждения, касающиеся какого-либо предложения, обязательно с его оценкой.

Проработчик. Его роль – разъяснить, приводить примеры, развивать мысль, пытаться прогнозировать дальнейшую судьбу предложения, если оно будет принято.

Координатор. Человек, координирующий процесс применения решения командой. Он разъясняет взаимосвязи между идеями, суммирует предложения, интегрирует деятельность различных членов группы. Обычно эту роль, как отмечалось выше, берет на себя сам лидер команды.

Завершитель. Его задача – обобщать, суммировать все предложения, подводить итог, формулировать окончательное решение.

Наличие людей, играющих целевые роли, пишет С.Резник, необходимо для обеспечения достижения командой своих целей. Каждая из целевых ролей несет огромную функциональную нагрузку, поэтому нежелательно исполнение одним человеком нескольких ролей одновременно. Учитывая специфику деятельности подразделения или организации, целевые роли могут изменяться, их список может дополняться новыми и, наоборот, избавляться от ненужных.

В работе Т.П.Березовской приведены основные свойства успешно работающей команды:

- «партнеры разделяют серьезное отношение к общей цели;
- члены команды находятся во взаимодействии для достижения своей цели, выполняя свои конкретные задачи, передавая полученные результаты другому и принимая общие решения для достижения конечного результата;
- каждый член команды обладает чувством общности с командой – каждый сотрудник знает, что команда несет ответственность за конечный результат;
- команда должна быть небольшой, чтобы проявлять самокоординацию;
- у команды есть свой собственный кодекс поведения;
- члены команды обеспечивают друг другу высокий уровень взаимопомощи;
- у команды есть внутренняя структура»²⁰.

Т.Хохлова²¹ считает, что в процессе командного строительства обеспечивается наиболее эффективное использование человеческих ресурсов организации за счет следующих факторов:

- возникновение групповой компетенции на основе синергетического эффекта, когда физические, интеллектуальные, деловые и профессиональные усилия одного работника умножаются на усилия других и сплоченная команда оказывается в состоянии решать задачи, непосильные для обычной рабочей группы специалистов;
- появление конгруэнтности структур группы, т.е. совпадение формального организационного устройства с неформальной структурой межличностных отношений, сочетание роли формального и неформального лидера, что позволяет сократить число непродуктивных конфликтов;

- мобилизация внутренних ресурсов и раскрытие потенциала каждого работника, когда, по словам П.Дракера, обычные люди становятся способными совершать экстраординарные поступки;
- включение механизмов групповой самоорганизации, социального контроля и саморегуляции поведения, способствующих развитию приемов самоуправления;
- уникальная гибкость и адаптивность команд, обеспечивающие их высокую инновационную готовность, открытость передовым технологиям и достижениям.

Итак, попробуем сформулировать некоторые причины, по которым командная форма организации совместной деятельности по разработке инновации, на наш взгляд, является более эффективной, чем другие.

Во-первых, мобильная организационная структура команды позволяет эффективно работать в условиях «неопределенности», т.е. с открытыми задачами, при решении которых не известна вся совокупность действующих факторов и существует необходимость в выработке множества гипотез.

Во-вторых, для сплоченной команды характерен особый социально-психологический климат, который делает возможным наиболее полную реализацию профессионально важных качеств инновационной личности, в частности интеллекта и креативности. В инновационной команде статус ее члена в первую очередь определяется не старшинством в должностной или квалификационной иерархии, не уровнем образования, а ценностью выдвигаемых им идей, уровнем его креативности (т.е. уровнем его творческих способностей), оригинальностью и гибкостью мышления.

В-третьих, в команде создаются условия для формирования мотивации на получение информации из разных сфер профессиональной деятельности, имеющей отношение к проблеме, тем самым увеличивается разнообразие и повышается качество выдвигаемых инновационных гипотез.

В-четвертых, принятие общих целей помогает членам команды понять, как они и их работа вписываются в общую картину разработки инноваций, тем самым повышается внутренняя мотивация и эффективность деятельности.

Примечания

- 1 http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_04/IssWWW.exe/Stg/10/1-innovac.htm
- 2 http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?Rlftuig.outtg9!kl9ylr;tuxy; <http://www.dist-cons.ru/modules/innova/section5.html#5/1>
- 3 <http://www.invest-sale.ru/index.php?action=articles&id=42>
- 4 *Келле В.Ж.* Формирование инновационной инфраструктуры и молодёжь // *Инновационное развитие России и человеческий потенциал молодежи.* М., 2008. С. 46–49.
- 5 <http://www.nauka-shop.com/mod/shop/productID/25800/>
- 6 *Деркач А.А., Кузьмина Н.В.* Акмеология – наука о путях достижения вершин профессионализма. М., 1993.
- 7 <http://www.nauka-shop.com/mod/shop/productID/25800/>
- 8 *Парыгин Б.Д.* Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб., 1999. С. 185.
- 9 *Андреева Г.М.* Социальная психология // <http://www.psylib.ukrweb.net/books/andrg01/index.htm>
- 10 *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1972. С. 270–271.
- 11 *Воронин А.Н.* Интеллект и креативность в совместной деятельности: Дис... д-ра психол. наук. М., 2004 // <http://www.lib.ua-ru.net/diss/vved/121238.html>
- 12 См., например, *Громов Г.Р.* Кадровая политика инновационной фирмы // http://www.wdigest.ru/innovation_mechanizim_hr.htm
- 13 *Герасимов Г.И., Илюхина Л.В.* Инновации в образовании: сущность и социальные механизмы // <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/84211>.
- 14 <http://www.dist-cons.ru/modules/innova/section5.html>
- 15 *Базаров Т.Ю.* Управленческие команды и их формирование // <http://www.psy.msu.ru/people/bazarov.html>
- 16 *Пригожин А.И.* Современная социология организаций. М., 1995.
- 17 *Никонова С.А.* Формирование и развитие управленческих команд на предприятиях: Дис... кандидата социол. наук. М., 2006.
- 18 [http://www.intuit.ru/department/itmngt/isimman/9/;](http://www.intuit.ru/department/itmngt/isimman/9/) [http://www.iteam.ru/publications/human/section_70/article_2215/;](http://www.iteam.ru/publications/human/section_70/article_2215/) <http://www.referatbar.ru/referats/40A1A-1.html;> http://www.elitarium.ru/2006/10/28/kak_raspredelenie_rolejj_v_komande_vlijaet_na_uspekh_obshhego_dela.html
- 19 *Резник С.* Однажды лебедь, рак и щука задумали сыграть в оркестр // http://pedsovet.org/component/option,com_mtree/task,viewlink/link_id,3029/Itemid,118/
- 20 *Березовская Т.П.* Социально-психологические проблемы формирования управленческой команды в условиях усложнения хозяйственной деятельности // www.pacademy.edu.by/conferenc/2008/kpu/doc/razdel2/berezovskaya.doc.
- 21 *Хохлова Т.* Team-building как основа современных персонал-технологий // <http://www.top-personal.ru/issue.html?389>

Инновационная роль образа в технологиях коммуникации человека

Динамика изменений современной культуры порождает и соответствующие способы понимания и изучения реальности, новые понятия, которые позволяют иным образом подойти к рассмотрению прежних проблем. Понятие «инновации» включается в новый способ описания области исследования. Рассматривая само понятие инновации, нельзя не обратить внимание на увеличение объема этого понятия. Оно фиксирует внимание на комплексной стороне инновационных событий в целом.

Под инновацией понимается обновление, имеющее два аспекта, – собственно новация, новизна, и то, как ее следует осуществлять, т.е. вводить в практику. Именно то, что в этом понятии сливаются глагол и существительное, деятельность и предмет, т.е. содержание этой деятельности, создает определенную сложность его употребления. Всякий раз происходит соскальзывание то на одну, то на другую сторону. Но чаще всего мы, упрощая понимание, сводим инновацию к «новому», упуская много важных деталей. Данное понятие, по существу, описывает более сложные проявления. **Инновацией может быть назван не только объект, который вводится в уже существующую систему, но и сам процесс нововведения.** На эту сторону обращают внимание исследователи в области менеджмента, динамики рыночных процессов, которые сталкиваются с необходимостью быстрого и гибкого реагирования на запросы современной рыночной системы¹. Естественно, что инновационные процессы начинают затрагивать все области науки, изменяя тип исследования объектов современной реальности.

По существу, это не только те новые явления, которые мы сегодня можем заметить, но это еще и введение новаций, т.е. собственно процесс, практическая деятельность. Если мы, даже в целях теоретического анализа, их разделяем, то неизбежно можем потерять очень важное качество – связанность, обусловленность собственно нового явления и адекватных ему способов осуществления, претворения в реальность. Иногда недостатки внедрения могут разрушить смысл, значимость самой продуктивной идеи, новаторского предложения, изобретения².

В определенном смысле понятие «инновации» связано также и с прогнозированием, а точнее, с созданием ближайшего будущего, что заставляет исследователей работать не просто в области понятий, смыслов, но даже сугубо теоретические построения связывать с перспективами их практического использования и всей предварительной системой их превращения в реальность.

Самыми актуальными сегодня становятся нововведения в области науки, внедряющей нанотехнологии. Это не отдельные новшества, которые могли бы что-то дополнить, обновив набор возможностей, изменив существование той или иной сферы. Это обновления, тесно связанные со своими технологическими характеристиками, и поэтому они требуют особого внимания к процессам их внедрения. Важно также, что организационная сторона здесь всегда подразумевает не только начало использования нового, но и выход на стадию достижения результата. Длительное и медленное обновление, применение новаций может привести к исчезновению эффекта, который закладывался при планировании такой задачи. Возможно, поэтому инновационные технологии имеют столь печальные истории начатых, но незавершенных дел. А те идеи, которые все же воплощались, иногда имели совсем иные результаты.

В современных условиях работы в инновационном поле важно понимать **значимость** процесса подготовки к введению нового, а не только наличие этого нового. Поэтому следует сосредоточить внимание собственно на **процессе** введения этого нового, где важную роль играют его длительность, особенности преобразований, то, что, каким образом та или иная идея будет вводиться в жизнь. Нелишне заметить, что персональная, индивидуальная включенность человека в этот процесс является очень значимой для получения эффективного результата.

Говоря об инновации, мы также понимаем, что она не может быть краткой, «одноразовой». Как правило, это целая серия изменений, где одно тянет за собой другое, создавая социальные среды, насыщенные новизной. И в этой цепочке изменений уже трудно определить, что было началом – какая-то новая деталь, феномен, или креативное решение. Более правильным будет говорить об **инновационных системах**, которые имеют определенную локализацию и в которых происходят интенсивные и даже лавинные изменения. При этом в них все ярче проявляет себя творческая природа человека, возможности его индивидуальных усилий.

Процессы, происходящие сегодня в области образования, можно отнести именно к таким инновационным системам, приводящим к изменениям в сфере познавательной деятельности и включением в нее компьютерных технологий. В связи с этим возникают достаточно серьезные изменения в деятельности человека, и что принципиально важно – особенностях получения им образования. Меняются инструменты, методология, практические запросы. Эта особо значимая для культуры и социально поддерживаемая сфера трансляции знаний и практических умений становится сегодня глобальной системой дистанцированного сетевого взаимодействия и взаимопроникновения информационных потоков разных культур.

Изучение современного образовательного поля, и в частности, компьютерного цифрового пространства с мультимедийными объектами, может выявить, насколько значительны уже происшедшие изменения, а также показать инновационный потенциал самого человека, способного постоянно изменять свои собственные условия существования. Он не только насыщает свою жизнь новыми предметами, но и постоянно придумывает, каким образом извлечь из них новый результат, как по-новому их использовать. Это вновь открывает, а точнее, переоткрывает, деятельную природу человека – новые способы трансформации окружающего пространства через построение интерактивных взаимосвязей. В определенном смысле современное сетевое пространство, создаваемое с помощью компьютерных технологий, соответствует природным, инновационным по существу, потенциям человека, позволяет ему более полно и многомерно реализовывать свои возможности.

Технологическая составляющая творчества

Деятельная, творческая природа человека всегда была в центре внимания ученых и философов. Проблема изобретения нового связана со сложностями утверждения этого нового или, как сегодня бы сказали, его продвижения – то, что создано, должно применяться, приносить какую-то пользу. Если творческие возможности человека были не востребованы, то это становилось серьезной проблемой, сказывавшейся на его личном психологическом развитии. Психологи говорят о важности творческой самореализации человека, необходимости завершения своей устремленности в специально изобретаемой и осуществляемой деятельности.

Цель требует средств. Отсюда становится понятной личностная значимость для человека предельно широких отношений, нередко отсутствующих в его реальной жизни, но наполняющих его размышления. Творческое самостояние человека всегда связано с отношениями, выходящими за пределы известного пространства, построено на коммуникациях «Я и Мир»³. С этим соотношением себя и предельно широкого, личностно понимаемого мира связаны, как можно полагать, и этико-нравственные размышления человека о своем предназначении, смысле своей жизни, необходимости признания. В этом, собственно, и реализуется как творческая напряженность, непредсказуемость, так и творческий оптимизм человека. Именно он позволяет вести постоянный поиск практического воплощения собственных идей, точнее, изобретения **форм сохранения и передачи** их новым поколениям.

Однако рассмотрение творческих потенциалов человека в общегуманитарном ключе при традиционном методологическом подходе⁴ ведет только к обнаружению новых проблемных зон. **Технологическая составляющая деятельности** практически слита с самим **предметным действием** и сама по себе не осознается как самостоятельная проблема. В процессе изучения деятельности сам человек со своими целями, интересами, мотивами и результатами традиционно более значим, чем технологическая составляющая этого процесса.

Данное обстоятельство можно проиллюстрировать на примере модели «зонда»⁵, демонстрирующей способность человека с помощью приспособлений ошупывать поверхность удаленных объ-

ектов и получать достаточно точную информацию через систему обратной связи и возникающих отношений. «Одно из них – отношение “рука–зонд”. Воздействие, оказываемое зондом на рецептивные аппараты руки, вызывает ощущения, интегрирующиеся в сложный зрительно-тактильный его образ и в дальнейшем выполняющие ведущую роль в регуляции процесса *удерживания* зонда в руке. Другое отношение – это отношение “зонд–объект”. Человек, используя рукой палку или более сложный инструмент, создавая образ объекта, думает не о своих действиях, а об объекте – именно на нем сосредоточено их внимание. Собственная деятельность по удержанию зонда самим человеком психологически игнорируется, несмотря на то, что она существует. Изучение этого вопроса начинает привлекать внимание ученых⁶.

Технологические аспекты деятельности, ее компоненты так же носят слишком частный характер в отношении общей категории «деятельность», которая в середине прошлого века была центральной при изучении человека как субъекта в работах советских психологов А.Н.Леонтьева, П.Я.Гальперина, С.Л.Рубинштейна и др.⁷ «Деление на деятельность, действия, операции идет у Алексея Николаевича (А.Н.Леонтьева. – *Е.Я.*) не по предметному, **операционному** их содержанию, а по **мотивационному**, – писал П.Я.Гальперин. – Деятельностью называется то, в чем совпадают цель и мотив. ...Это **мотивационная характеристика, а не операционная**. <...> Спрашивается о том, как систематически думают, находят новый ход, как человек совершает грандиозное количество операций и т.д., т.е. спрашивается об **операционной** стороне, как человек способен выполнить такую грандиозную операционную задачу, а начинают говорить о том, что у него есть мотивы, и что они влияют на него <...> **не только в теории не была представлена операционная сторона реальной предметной деятельности (а она всегда имеет место), но она не была предметом экспериментального исследования**. Она водилась, ее организовывали, но единственное, что от нее требовали, – чтобы при ней получался результат какой-то психологической деятельности. Вот и все. Она выступала как условие, которое необходимо, но не является предметом изучения» (выделено мной. – *Е.Я.*)⁸. Очень внимательно рассматривая человеческую деятельность как особую сферу развития, которая порождает его сознание, уче-

ный, тем не менее, замечает, что ускользают некоторые ее аспекты. «Предметная деятельность, какой бы она ни была – внешне-предметной или идеально-предметной, не только предметная. **Она такая же, как и всякая деятельность, то есть в ней есть операционная сторона, в ней же есть и мотивационная сторона.** И это входит в ее структуру, которая подлежит расшифровке... Речь идет о том, чтобы преодолеть односторонность» (выделено мной. – *Е. Я.*)⁹. Фактически преодоление этой односторонности нужно, чтобы понять инновационность в ее полном смысле. Это не только создание нового объекта, предмета («ЧТО»), но и рассмотрение процессуальной, операционной стороны инновационной деятельности («КАК»), адекватной тому предмету, который предстоит воплотить в реальность. Современное внимание к инновационной проблематике снова актуализирует понятие деятельности, делая его значимым как при создании мыслимого образа, так и самого создаваемого предмета, производимого человеком. Деятельная, порождающая сторона не может существовать отдельно от порождаемого предмета, это ткань, которая преобразуется сама, соответствуя процессам созревания самого предмета, будь тот еще на стадии образа или в своем физическом воплощении. Можно заметить, что такая взаимосвязь отсутствует у «самостоятельно действующих» робототехнических систем с искусственным интеллектом, поскольку они не аутопоэтичны¹⁰, не имеют человеческих способностей саморазвития, сопряжения в индивидуальном опыте идеи и формы ее воплощения. Как бы ни были сложны и технически изощренны аппараты с интеллектуальными устройствами – они сами являются результатом инновационной деятельности человека, развития, как собственного образа объекта, так и технологий решения задачи. Человек в них лишь хочет повторить себя, воспроизвести собственную природу в той мере, в которой это оказывается доступным. Но без этих усилий ничего подобного происходить не будет. Даже если на основе программ искусственного интеллекта роботы смогут в опережающем режиме отражать внешний мир и принимать решения, сами по себе они появляться не станут. Смоделировать природу человека на таком уровне не представляется возможным. Но даже если предположить, что такое аутопоэтическое начало могло бы возникнуть, то филогенетических оснований, какие есть у че-

ловека, сформироваться уже не может. Машины любой степени сложности есть результат инновационных действий человека и, становясь таковыми, они показывают лишь мастерство человека, уровень его развития.

Аутопоэтическое начало, самоорганизация человека воплощается в широко исследуемом сегодня феномене когнитивно-коммуникативной активности человека¹¹, позволяющей на философском уровне описать его взаимоотношения с миром, а также выявить практически значимые алгоритмы их взаимодействия. Это позволяет перевести в практическую область и представление о возможностях реализации творческого потенциала человека, эффективности его инновационных усилий. С помощью коммуникативного подхода можно продвинуться от теории, утверждающей значимость активной деятельности человека, к рассмотрению собственно процесса – коммуникативной активности человека, посредством которой постоянно расширяется интерактивный топос человека, проявляющий его конструктивные способности.

Конструктивная деятельность свободно развивающейся личности, живущей в современном мире, нуждается в теоретическом анализе самой инновационной деятельности, не только по ее мотивационному, но и по ее операциональному уровню. Такой анализ возможен при **коммуникативном подходе**, задающем **новый принцип исследования**. Сложность выявления операциональной составляющей возникает нередко потому, что человек исследуется «как таковой», один, как некая изолированная целостность, вне системы связи с внешним миром, порождающей в нем и образы, и саму способность к предметной деятельности и творческой самореализации. Понимание мира и человека как *«коммуникативной пары»* позволяет рассмотреть всю систему взаимоотношений на уровне философской рефлексии.

Образная природа инновационного потенциала человека

Динамичные отношения в этой коммуникативной паре создают инновационные потенциалы человека. Говоря о системе связи с внешним миром, мы одновременно можем выделить и тему ау-

токоммуникации, личностного формирования, в котором особым образом представлены деятельностные компоненты развития. Если еще раз обратиться к модели «зонда», то можно отметить, что богато представленный в сознании человека мир образов, может выступать и выступает инструментарием для познания внешнего мира. Образ у активного человека играет не просто роль картинки, но является способом нового обращения за знаниями. Создав запас знаний, человек чувствует себя уверенней, поскольку опирается на устойчивые представления о внешнем мире, несмотря на то, что мир существует как неустойчивое пространство, создает свою логику расшифровки мира, позволяющую ему в этом мире жить и действовать. Возникает вопрос: можно ли в этом случае приписывать образу серьезные **инструментальные** функции? В принципе, здесь нет никаких запретов. Образ, несмотря на то, что это идеальный объект, также может выполнять функцию зонда. Он является ментальным приспособлением, а по существу, тем инструментом, посредством которого человек **получает** информацию из внешнего мира. При расширении системы образов человек обретает новые возможности, его восприятие становится богаче. Кроме того, он в коммуникативном процессе за счет обратных связей развивает систему **управления** внешним миром. Реализуя свою активность через образ, человек создает устойчивые отношения (контур связи) с объектами внешнего мира (рис.1), где особенно эффективны живые синергийные системы¹². В образных, по существу, формах коммуникации человека с другим человеком и внешним миром можно выделить два разных варианта. В тех случаях, когда объект инертен, т.е. может создавать только **ответные реакции (1)**, человек манипулирует им, постоянно воздействует на него. Когда же объект **интерактивен (2)**, динамично откликается, то складывается система взаимодействия, которая становится все более многообразной. В результате формируется соразмерная с человеком среда, его социально-культурное пространство, способное быстро синхронизоваться с ним и поддерживающее его творческие потенции.

Инновационная роль образа в технологиях коммуникации человека

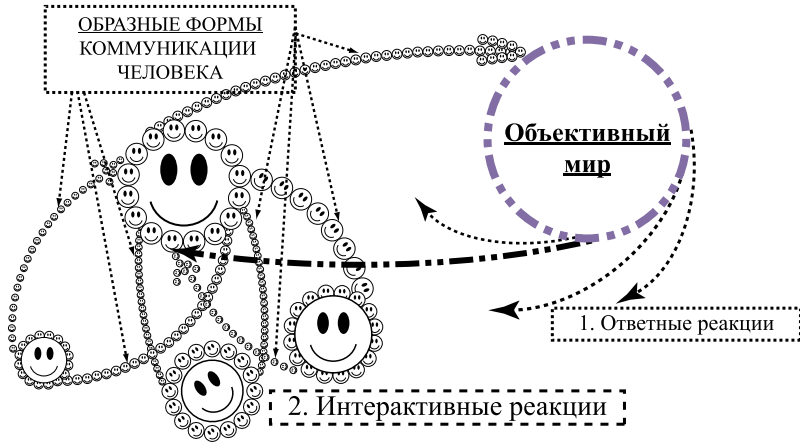

Рис. 1 Формы коммуникации с объектами внешнего мира

Инструментальность образа оказывается значимой и для человека, поскольку в первую очередь на свои представления реагирует сам человек. Поэтому он проявляет себя как самоорганизующаяся система и может самостоятельно осуществлять свою деятельность. Индивид с развитой образной системой вполне способен выработать собственный мотив деятельности, а также создать себе перспективу, организовав ближайшее – интерактивное – поле самореализации. Его рефлексивные способности становятся источником энергии самодвижения, порождая тем самым относительно независимую индивидуально устойчивую систему, способную обеспечить себе не только пространство, но и условия выживания. Гибкая же система образов становится всякий раз инструментом, способным выполнять те функции, которые необходимы человеку для достижения результата¹³. Она весьма успешна в изучении тех сред, которые порождены человеком, являются его культурным продуктом.

Посредством образа человек воспринимает предмет и видит его сквозь свою индивидуальную призму, узнавая в нем то, что давно знакомо и порой не замечая того, что существует, но не является для него значимым. Этот феномен уже давно замечен психологами, которые показали, что имеющийся образ предмета является своеобразным ограничителем – ситом информации, допуском к обнаружению нового. Если человек подчинен своим образам, не умеет управлять, не работает ими как своеобразным набором инструментов, то он, можно сказать, воспринимает мир одномерно, только в своей плоскости, в своей системе критериев. Если он может переключаться на разные точки зрения, владеет способностью гештальт-перехода, т.е. восприятия видимого с разных, в том числе и с противоположных, казалось бы взаимоисключающих, позиций, – то в этом случае он имеет возможность развития и обогащения. Такую возможность в принципе можно назвать **потенциально инновационной**, причем имеющей индивидуальную креативную направленность.

Современное культурное пространство имеет определенную особенность: оно пронизано образами, создаваемыми текстом, и входящие в жизнь люди учатся соответствующему способу коммуникации – коммуникаций внутри текстового пространства. Посредством образов всякий читатель воспринимает текст, пропускает его через себя, оживляет его. Текст живет в читателе, наполняется его смыслами, контекстами. Но поскольку он сам является системой образов, фактически можно говорить, что читатель **своим образом** распознает образы автора. Зонд-образ нащупывает в тексте переключки, или, наоборот, противостояния, значимые для человека. С его помощью человек соприкасается с новым: он что-то узнает, проникая в смыслы, строя новые догадки, делая выводы, а по существу, создавая новые интеллектуальные соотношения. Чтение ведет к развитию, расширению внутреннего пространства у постигающего текст человека, формирует его ум; а у пишущего человека может возникнуть и новый текст!

Подобные образные переключки создают своеобразное пространство – пространство текстовой культуры, которая вырабатывает свои традиции, задает свои правила. По отношению к человеку она существует как внешний, объективированный мир текстов. Несмотря на то, что в этом многоликом текстовом поле

с неизбежностью возникает «**гомон интерпретаций**», создающий множество инвариантных сюжетов и доступный наблюдателю лишь в малой его части, текстовый мир значим для читающего человека. В нем в виде модели выстроилась сложная система нелинейных взаимосвязей, которая присуща естественному миру, где есть свои центральные и динамично развивающиеся сферы, и своя периферия, не доступная глазу человека, глазу наблюдателя. Как и в объективном развивающемся мире, здесь происходит дифференциация, появление определенных ветвей развития, возникают ведущие темы.

Также образуются потенциальные области, своеобразные точки насыщения текстового пространства, которые при инновационной поддержке могут дать продуктивные результаты. Иными словами, человек, создающий не только текст, наполненный смыслами, но и дающий ему новую форму, может способствовать появлению новой «текстовой» реальности¹⁴. Создаваемая ткань текста может наполняться многообразными представлениями, а затем интерпретироваться в соответствии с конкретной практической задачей, выстраиваться по строгим нормам. И тогда «гомон интерпретаций» становится слышен в определенном диапазоне, создаваемом новой традицией. При этом понятно, что все действия осуществляет человек, который стремится не только понять нечто из текстов другого. Читающий человек способен сам создавать новые смыслы, используя как сеть смыслообразы, развивая их инструментальные возможности.

Постепенно в текстовом пространстве вызревают феномены, имеющие одновременно и достаточно жесткую структуру, и инновационный потенциал, свои точки роста. Это, как правило, **научные теории**, которые становятся особым культурным явлением – в них образное пространство всегда сопряжено с практической перспективой, выстраиваемой человеком. И зонд-образ, находящийся у него «в руках», работающий на силе интеллекта исследователя, будет оформляться в научные объяснительные схемы нового инновационного порядка. В этом случае, пожалуй, наиболее ярко проявляются синхронизации¹⁵, которые задают дискурс исследования, праксиологические и тематические ориентиры, преодолевающие отмеченный выше «гомон интерпретаций», позволяющие делать выбор в информационном хаосе, в постоянно уплотняющем-

ся текстовом пространстве. Ведь, по существу, всякий ученый в рамках своего интереса посредством исследовательского образ-инструмента выделяет из пространства доступных ему текстов значимые суждения и создает некий концепт, имеющий свою практическую направленность. Заметим, что в этом случае текст становится проекцией работы человека, а именно воплощением его движения с помощью удержанного в тексте образа, к своей цели.

В определенном смысле можно говорить, что порожденный контекстными соотношениями мир знаний-образов активно действующего человека постоянно организовывается и переорганизовывается. Можно проследить своеобразное восхождение в этом направлении. Так, в социуме возникают различные практико-ориентированные и теоретические модели обучения, способы передачи знаний. Постепенно вырабатываются и устойчивые системы индивидуального и коллективного (группового) образования, которые существуют уже не только как формы **трансляции** информации новым поколениям, но и как методы **получения** ими новых знаний. И трансляция, и получение требуют инновационного подхода, т.е. осознанного обновления, изобретательства, проникновения в тайны творчества.

Особенно интересной с этой точки зрения оказывается обогащение человека новыми инструментами деятельности и необходимость **управлять образами**, что особенно ярко демонстрируют современные мультимедийные технологии, сетевое пространство. Возникновение цифровых способов трансляции информации показало способность человека работать не только текстовыми, но также аудиальными и визуальными образами.

Методология для цифрового портала

Первоначально возникновение компьютерных технологий и самой сети Интернет создавало ассоциации с необъятной, насыщенной внутренними перекличками, которые успешно реализовывались через гиперссылки, и существующей в электронной форме книгой, что породило теорию гипертекста¹⁶. Человеку же, как предполагалось, предстояло существовать в Сети как в текстовом пространстве, компенсируя дефицит информации. Но законы тек-

ста как формы со-общения, коммуникации не стали монопольными. Обилие технических возможностей показало, что в нем могут существовать не только продвинутые грамотные люди, но и те, кто не особенно любит общение с книгами. Человек в этой новой культурной – сетевой – среде стремится реализовать себя через все возможные способы диалога и коммуникации. Интернет сам стал величайшей инновацией, порожденной человеческими усилиями паутиной общения, и, скорее всего, теперь напоминает гиперблог! Социальные сети – **WEB2.0, которые сегодня активно развиваются**, напоминают скорее общежитие или коммунальную кухню, где каждый может найти пространство, чтобы обменяться мнениями по любым вопросам или просто раздражением. «Ники», «аватары» – коммуникативные игровые имена человека – обогащают его образную деятельность, перенасыщая сетевое пространство индивидуальными потенциями.

Сетевое пространство становится новой культурной областью и, хотя не вытесняет традиционные области общения, серьезным образом их дополняет, усиливая динамику, создавая возможность общения на значительном расстоянии. Кроме того, компьютерные цифровые технологии позволяют сохранять следы коммуникации, которые до сих пор безвозвратно исчезали. Все, что обращено в цифровую форму, живет еще одной, нематериальной жизнью. Рукописи здесь точно не горят: даже если их где-то стирают, то всегда может остаться копия на электронных носителях, по сравнению с которыми бумага слишком хрупкий материал. Здесь хорошо видно, как расширяется во времени и пространстве интерактивный топос человека. Сетевые коммуникации становятся особой, специфической сферой культуры, своеобразной третьей природой, развивающейся в рамках существующей сегодня культуры как второй природы. Она будет опираться на виртуальные реальности, которые человек может психологически порождать на основе собственных, пока еще слабо управляемых, образов, а также при использовании технических возможностей социума.

Современные программные продукты и технические решения, доступные практически для любого возраста, показывают, что человек проявляет себя скорее как оперирующий, а не мотивационный. Очень серьезно изменился баланс: мотив по своей

сложности отстает от действия. Возможно потому, что очень многие участники сетевых коммуникаций еще не созрели до осознания и выработки собственного мотива, а также потому, что действие, дающее результат, не требует от них практически никаких усилий. Ведь мультимедийные объекты, которыми управляет человек, не требуют особой физической нагрузки и при этом позволяют удовлетворять многочисленные виртуальные потребности. Операциональная сторона его деятельности, будучи интенсивной и многообразной, остается без соответствующей оценки, оставляя инфантильной личную мотивационную сферу, замененную игровой целеустремленностью. В этом случае человек попадает в зону риска. Он может оказаться заложником, например, программного продукта: моделируя деятельность сложного робота, у которого есть всего лишь активная реакция на стимул, осваивая мастерски разработанную специалистами модель игрового поведения, человек оказывается на периферии своих личных возможностей. Он тратит свои физические и эмоциональные ресурсы, но не выходит на эффективное развитие.

Нередко многие, особенно молодые, пользователи компьютера живут только в мире мультимедийных образов, не соотносящихся с природной реальностью, с естественными отношениями между людьми. При этом трудно говорить, что в такой манипулятивной деятельности возникает инновационность: она не несет в себе творчества, креатива; она автоматична, существует без смысловой наполненности. И если человек не включается ни в какие иные коммуникации, реальное, а не виртуальное общение, то его собственные ресурсы развития будут истощаться. Именно поэтому все больше проявляется необходимость специально вырабатывать навыки **управления образами** через систему обучения, создание специальных сетевых порталов. Интерактивные коммуникации, интенсивные обратные связи становятся как зоной риска, так и точками роста. Сетевая среда нуждается в особой подготовке человека для продуктивного существования в ней. В какой-то мере человек теряет свою адекватность, ибо природно и культурно не готов столько сил и времени уделять данной форме деятельности: его филогенез формировался в естественной природе, и психофизиологические реакции, а также системы защиты онтогенеза не готовы к подобным нагрузкам.

Для формирования цифрового образовательного портала важно знать, что перераспределение нагрузок ведет к изменению формы инновационной деятельности. Если на предыдущих этапах филогенетического развития изобретения возникали в области создания приспособлений «для рук»¹⁷, что мы, собственно говоря, замечаем в исходной модели «зонда», то теперь все передвинулось в зону интеллекта. По существу, образ переселяется в пальцы, не требуя для себя особых инструментов, и становится непосредственной силой, диктующей человеку способы деятельности. И теперь важно, чтобы это не оставалось просто стуком пальцев по компьютерной клавиатуре, своеобразным эмоциональным реагированием на предложения установленной программы. Нужно, чтобы эта интеллектуальная деятельность становилась операционно осознаваемой. Переключение в зону «легкого интеллектуального труда» должно быть не ситуативным, а вполне осознаваемым и результативным. Фактически работа в цифровом портале должна строиться на образных технологиях, имеющих свою инструментальную базу. Например, такие индивидуально создаваемые образы, как двухмерные, плоские и трехмерные, голограммные мультимедийные объекты, которые управляются специальными инструментами.

Владению этими технологиями, как и знанию инструментальной – программной и технической – базы, безусловно, нужно специально учиться. Сегодня многие, в большинстве своем, этого не делают, стремясь нарастить знания самостоятельно. Но стихийно выработанный навык может оказаться лично неэффективным по причине нехватки времени, а также слабым развитием познавательного мотива. Поэтому очень часто нахождение человека в сети оказывается непродуктивным: формируется зависимость от обилия информации, а не использование имеющихся возможностей. На фоне обманчивой легкости достижения поставленной цели возникают вредные для здоровья человека перегрузки. В образовательном портале возможно соразмерять все обстоятельства, сопутствующие развитию человека в цифровой среде, а также создавать коммуникативное пространство, поскольку уникальный, индивидуализированный образ, неизбежно возникающий у человека, может ослабить коммуникативные процессы, взаимопонимание участников сетевых отношений.

Особенности обучения в изменяющемся сетевом пространстве должны быть известны не только преподавателю, но и самому учащемуся, поскольку в Сети они иначе взаимодействуют друг с другом. Уменьшается роль обучения по образцу, демонстрируемому учителем, создается диалог на основаниях сотрудничества, где педагог выполняет функцию помощника, оптимизирующего движение учащегося по сетевой среде. Важно, чтобы сам ученик был способен осознавать, какие перестройки происходят в его образной системе, на которую он опирается в реализации своих творческих планов. Безусловно, такой уровень самосознания может быть только у достаточно взрослого учащегося. Но, тем не менее, находясь в сетевом пространстве, нужно научиться не передоверять оценку своих собственных качеств другим, но учиться делать это самому, поскольку дело касается личных образных систем. И рассматривать свой образ следует не только как проекцию создаваемого в будущем предмета, но и осуществления мотивированного действия, адекватных предметных операций. Сегодня предметные действия расширяются целым классом новых – мультимедийных – объектов.

Мультимедийная предметная область активно развивается и содержит уже не только плоские, двумерные, но и объемные, трехмерные объекты. Изменяются и компьютерные технологии: управлять мультимедийными объектами можно уже и без мышки, тактично – на доске с использованием интерактивного оборудования основе резистивных технологий, или рукой – в воздухе, при установлении траектории и координат движения системой веб-камер. Рука вновь становится непосредственным инструментом-зондом, с помощью которого человек производит действия, управляя одновременно и образами, и объектами. При этом речь идет уже не о физической, а о сложной образно-интеллектуальной деятельности.

Исследуя способы обучения в **сетевом, цифровом портале**, можно обнаружить многообразные **методы** использования образов и, соответственно, динамично расширяющуюся **методологическую базу**. Для выявления собственно инновационных оснований в этой сфере, а также роли человека, необходимо показать возникающие коммуникативные процессы как особые связи, как специальные технологии. Как правило, мы рассматриваем их как некие статичные характеристики нормальной деятельности, с которой

имеют дело педагоги в обычном образовании. Но существует сфера инклюзивного образования, в которой не действуют массовые стандарты, и там сетевые и цифровые возможности раскрываются по-иному. Например, многие аудио-визуальные и тактильные технологии могут быть продуктивно использованы людьми с ограниченными возможностями здоровья. Точно так же имеют свои особые потребности одаренные дети с нестандартными, творческими потенциями. Именно в этой системе образов, а также в характере взаимодействия с ними обнаружится множество инноваций, возникающих на основе природных возможностей таких детей. Их необычайно высокая способность включаться в компьютерное сетевое пространство и чувствовать себя уверенно в виртуальном, образном мире, позволяет говорить о новых нормативах. Как для людей с ограниченными возможностями здоровья в инклюзивном образовании, так и для очень талантливых, ярких личностей.

Мультимедийный мир для многих уже, пожалуй, не является новшеством, несмотря на то, что он сегодня переполнен постоянно обновляемыми – для совершенствования сетевых коммуникаций, программами. Существуют также и многообразные приборы и устройства (девайсы), дополняющие основные технологии коммуникаций; а также новые сервисы, которые очень быстро осваиваются и включаются, особенно молодежью, в обиходное пользование. Возникают новые сетевые пространства, которые обретают свойства социальных сообществ, участники которых дистанцированы друг от друга, существуют не в конкретном месте, а рассредоточены на больших пространствах.

Изучение этих инноваций ведет к созданию дополнительных исследовательских инструментов, которые, как можно полагать, строятся на основе представлений о сложных системах, синергетических моделях динамичных и самоорганизующихся систем. Для науки это – новая область разработки появившегося в рамках естествознания инструмента описания сложных систем, который сегодня применяется уже для анализа процессов в самых разных гуманитарных научных знаниях. Особенно, как кажется, новый методологический подход может быть эффективен при изучении современных сетевых **инновационных технологий**, которые имеют нелинейное развитие и могут, скорее всего, описываться в синергетических параметрах.

Примечания

- ¹ Современные словари практически не имеют статей по «Инновации». Только электронный словарь «Википедия» успел отразить эту реальность и определяет инновацию как «нововведение в области техники, технологии, организации труда или управления, основанное на использовании достижений науки и передового опыта, обеспечивающее качественное повышение эффективности производственной системы или качество продукции» (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Инновация>).
- ² В определенном смысле можно провести аналогию между понятиями «цели» и «средства», когда не всякое новое может быть введено в действие. Необходимо создать условия для такого нововведения, если же их нет, то невозможно рассчитывать на получение эффективных результатов.
- ³ Именно к этому контексту подошли психологи в изучении человека, стремясь рассмотреть его во всей полноте возможностей развития. «Исходно отношение... человека и объекта, изначален этот контакт двух реальностей. Конкретнее, исходным всегда является взаимодействие человека с действительностью как “сопротивляющейся” действиям человека». См.: *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М., 1997. С. 3.
- ⁴ Нужно заметить, что человек в современных научных системах рассматривается как сложный, проблемный, но все же как естественнонаучный объект, подобно тому, как рассматриваются все объекты природного мира. Это порождает множество антропологических теорий, посредством которых реализуется задача описания его многомерных потенциалов и научное знание движется к «человекомерной» методологии.
- ⁵ *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 2005. С. 50.
- ⁶ Автором рассматривается своеобразный феномен восприятия мира человеком – сложный процесс движения многоуровневого аппарата «зондов». А расстройства восприятия, соответственно, – как изменения тех или иных характеристик движения этого аппарата. См.: *Журавлев И.В.* Психология и психопатология восприятия: Прологомены к теории «зонда». М., 2008.
- ⁷ При изучении теоретических подходов основателя психологической школы Л.С.Выготского в исследованиях его коллег А.Н.Леонтьева, П.Я.Гальперина, С.Л.Рубинштейна происходило развитие различных аспектов общей темы становления человека, личности, которые не противоречили друг другу, но обогащали представление о многообразии подходов к пониманию целостной природы человека.
- ⁸ *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. С. 331.
- ⁹ Там же. С. 335.
- ¹⁰ Понятие аутопознания уже давно и успешно используется в науке для описания системной способности человека к саморазвитию, опирающейся на обратную связь, коммуникацию со средой. См.: *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания. М., 2001.
- ¹¹ См.: Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М., 2004.

- ¹² Понятие «синергия» все более привлекает внимание к такому качеству, как способность согласовываться при взаимодействии, что ведет к появлению саморазвивающихся систем. Синергетические процессы широко изучаются в современной постнеклассической науке, рассматривающей как естественные (природные), социальные, так и индивидуальные становящиеся системы и нелинейные процессы самоорганизации. Они очень хорошо подходят для описания коммуникативно-когнитивных отношений человека, являющихся одновременно и познавательными, и согласующими взаимодействие человека с окружающим его миром. При этом важно, что это взаимодействие проявляется у человека как его практическая целеустремленная и волевая деятельность, насыщенная представлениями, образами, идеями.
- ¹³ Здесь можно говорить о сложных эффектах и закономерностях, описываемых в теории отражения, активно развивавшейся в философской науке XX в.
- ¹⁴ С такого рода формализмами – игровыми техническими преобразованиями текстов мы встречаемся у обэриутов, стремившихся открыть новые способы понимания мира через образ слова. Как можно представить, они пытались освоить практику образования смыслов прямо в тексте непосредственно читающим, т.е. практикующим, осуществляющим чтение, человеком.
- ¹⁵ См.: *Юнг К.Г.* Синхрония. М.–Киев, 2003.
- ¹⁶ Гипертекст – способ организации текста (а также вид текста), появившийся с внедрением в жизнь компьютерных, сетевых технологий, наиболее ярко проявляющийся сегодня в технологиях обучения. Он дает возможность читателю, работающему с одним текстом, мгновенно получить на экране другой (чаще всего, поясняющий, раскрывающий смысл некоторого понятия глубже, чем текст первоначальный). А затем вернуться обратно и продолжить чтение основного текста. Глубина «вложенности» текстов формально не ограничивается. Связь текстов между собой организуется с помощью гиперссылок (линков). Ссылки могут быть и перекрестными, см.: *Рябов Г.* Сете – или – тура? // URL: <http://www.litera.ru/slova/ryabov/setetura.html>
- ¹⁷ См. про «рукомесло»: *Каган М.С.* Введение в историю мировой культуры. Кн. 1. СПб., 2003.

Игорь Ашмарин, Галина Степанова

Студенческая молодежь на пороге инновационной деятельности

Сегодня инновационный путь развития является единственно возможным в нашей стране для ее превращения из сырьевого резервуара мировой экономики в современную цивилизационно развитую страну. Похоже, такая неизбежность, как и неотложность, осознана во всех слоях общества – снизу доверху. Но нет еще отчетливого понимания (сверху донизу), что у инновационного развития есть два прочно связанных вектора: первый – для краткости условно назовем *технологический*, а второй – *социокультурный*.

Компоненты первого вектора ясны всем – это развитие экономической и промышленной инфраструктуры, развитие современных технологий, особенно информационных, повышение уровня профессиональной подготовки участников инновационной деятельности и т.п. Этот вектор очевиден, потому что он направлен непосредственно на процесс создания инновационного продукта. А вот второй вектор опосредован – поскольку он направлен на социальное, гуманитарное, психологическое обеспечение этого процесса – и для нашего общества еще не вполне внятн. П.Г.Щедровицкий пишет: «Следует подчеркнуть, что инновационный процесс не является и не может рассматриваться в технократической парадигме – ни в категориях научного поиска, ни, тем более, в рамках понятия инженерного изобретения. Появление любого нововведения изменяет принятые способы думать и делать и, как следствие, меняет сознание и самоопределение больших масс людей»¹.

Поэтому реализация инновационной стратегии развития страны в громадной степени зависит от ее молодежи. Именно молодежь, социализация и инкультурация которой происходит именно сегодня, является носителем человеческого потенциала будущей России, она наиболее пластична, восприимчива к различного рода инновациям, новым представлениям и ценностям. Кроме того, уже через пару десятков лет сегодняшняя молодежь будет творцом и реализатором всех мыслимых и сегодня еще не мыслимых проектов и концепций. Здесь следует заметить, что инновационный процесс предъявляет новые требования к индивидуальному человеческому потенциалу. А именно, желательно, чтобы он был инновационно ориентированным. Это является, пожалуй, необходимым (хотя, конечно, и недостаточным) условием самореализации молодого человека. Такая ориентация задается комплексом базовых личностных черт². Молодые люди должны обладать физическим и психическим здоровьем, личностной активностью, инициативностью, творческим потенциалом, умением гибко реагировать на информационные и социокультурные инновации, принимать решения и брать на себя ответственность, быть готовым к усвоению новых знаний, профессиональному и культурному развитию. Определяющим при этом являются психологические особенности, возможности, способности личности, обуславливающие успешность инновационной деятельности, разработку и реализацию инноваций, творческий характер мышления и деятельности. Эти обстоятельства определяют актуальность разработки современных подходов к пониманию факторов успешности творческой, инновационной деятельности, её продуктивности.

В современных исследованиях, посвященных инновационной деятельности, анализируются вполне определенные качества личности, необходимые для успешной инновационной деятельности. Специфика инновации как деятельности порождает определённый тип личности. Ф.Херцберг приводит 10 базовых качеств инновационной личности³:

- интеллект;
- профессиональная компетентность;
- рациональное поведение в экстремальных ситуациях;
- независимость суждений;
- развитая интуиция;

- творческая активность;
- приоритет цели перед благополучием;
- нешаблонность;
- объективная самооценка;
- эффективность в ситуации неопределенности.

Для характеристики личности значение имеет также и то, какие из видов направленности занимают ведущее место в общей структуре побуждений человека. Различают три вида направленности: личную, общественную и деловую. Личная направленность характеризуется преобладанием мотивов собственного благополучия, стремления к самоутверждению, личным достижениям. Если поведение человека определяется в основном интересами и потребностями других людей, можно говорить о наличии общественной направленности. Наконец, преобладание мотивов, порождаемых самой деятельностью: увлечение процессом, стремление к познанию или достижению результата, т.е. предпочтение интересов дела всем другим интересам – определяет деловую направленность.

В 2008 г. было проведено социологическое обследование, направленное на изучение состояния и развития человеческого потенциала студенческой молодежи как ресурса перехода страны на инновационный путь развития. В нем приняли участие студенты Московского инженерно-физического института (государственного университета). Выборка для обследования состояла из трех групп респондентов – студенты 4-х курсов факультета экспериментальной и теоретической физики – «Т», экономико-аналитического института – «ЭА» и группы второго высшего образования – «2ВО».

В процессе обследования решались следующие задачи:

- определение отношения студентов к высшему образованию;
- изучение отношения студентов к науке, к ее фундаментальным и прикладным направлениям;
- выявление их отношения к внедрению инновационного продукта;
- оценка факторов, благоприятствующих или препятствующих вовлечению молодежи в инновационные процессы;
- анализ представлений студентов о культурном человеке;
- изучение взаимосвязи между психологическими особенностями студентов и условиями, необходимыми по их представлениям для привлечения молодежи к инновационной деятельности;

- анализ влияния направленности личности студентов на формирование представлений об инновационной деятельности;

Анализ отношения к высшему образованию показал, что студентов, для которых образование не является жизненной ценностью предельно мало. Заметим, что еще меньше студентов, подверженных в этом вопросе мнению родителей. Основная цель получения высшего образования для респондентов – профессия, а точнее – профессионализм. В этом можно увидеть сдвиг в сознании людей – похоже, уходят те времена, когда получение высшего образования отождествлялось лишь с получением вузовского диплома – своего рода пропуска в зону выстраивания карьеры и достижения высоких заработков. *Карьера* и *зарботок*, как цели высшего образования, заметно отстают по выбору респондентов от *профессионализма*. Значит, именно он является для них необходимым условием как для успешной карьеры, так и для хорошего заработка, поскольку он предполагает наличие сформированных навыков, позволяющих легко вписываться в любую инновационную деятельность.

При этом в ответах на вопрос «Что значит состояться как личность?» достижение высокого уровня профессионализма котируется респондентами примерно так же, как и возможность обеспечить себя и свою семью, наличие признания друзей и уважения коллег, возможность заниматься любимым делом. Заметим, что и по этому вопросу анкеты приоритет хорошей карьеры оказывается ниже всех остальных признаков состоявшейся личности. В сознании молодого человека тот факт, что он получил хорошее образование, развил свои способности и получил интересную работу, вполне соотносится с тем, что он теперь может обеспечить себя свою семью.

На первый взгляд необычно, что среди целей высшего образования для респондентов второе место после *профессионализма* занимает *общий кругозор*. Это может означать, что высшее образование становится для респондентов самостоятельной и самодостаточной ценностью. Конечно, выборка в нашем обследовании – 110 человек – слишком мала, чтобы делать какие-то обобщения. Но заметим, что за последние пять лет мы проводили похожие обследования (по крайней мере, с тем же вопросом – «Зачем человеку высшее образование?») с почти такими же выборками в МГТУ

им Н.Э.Баумана, Московском государственном индустриальном университете, Санкт-Петербургском госуниверситете, Кабардино-Балкарском госуниверситете, Краснодарском военно-авиационном институте. И везде ответ «для общего кругозора» был среди лидеров. Так что если еще рано говорить о закономерности, то можно хотя бы предположить тенденцию. В пользу реальности «потребительского» компонента интереса студентов к высшему образованию говорит и тот факт, что по приоритетности очень близко от *общего кругозора* располагается *интересная работа*. При этом выявлена отрицательная корреляция между желаниями найти интересную работу и занять высокое социально-экономическое положение ($r = 0,39$) или сделать карьеру ($r = 0,35$). В целом, по-видимому, можно сказать, что отношение к высшему образованию у обследованных студентов вполне обдуманное и отнюдь не примитивно потребительское.

Среди целей получения высшего образования респонденты отчетливо выделили возможность заниматься наукой. МИФИ изначально был создан для подготовки научных кадров и специалистов в наукоемких отраслях производства и энергетики – так было и двадцать, и сорок лет назад. Поэтому само по себе это вполне очевидно. Но сегодня этот факт интересует нас, прежде всего, в контексте подготовленности студентов к инновационной деятельности. Для анализа рассматривались ответы студентов факультета Т, поскольку, как было сказано выше, именно этот факультет готовит физиков – собственно научные кадры для инновационного процесса. На вопрос «Зачем человеку высшее образование» – ответ «чтобы заниматься наукой» выбрало более 40 % студентов этого факультета (заметно больше тех, кого высшее образование интересует как средство много зарабатывать или сделать карьеру). Эта мотивация имеет также заметную корреляционную связь со стремлением реализовать свои способности ($r = 0,43$) и заниматься любимым делом ($r = 40$). Ключевым в этом аспекте является вопрос анкеты «Как Вы относитесь к науке». Во всех группах опроса подавляющее большинство респондентов выбрало «инновационные» ответы – «без науки нет современных технологий» и «наука – основа экономики будущей России». Но по ответам «я бы хотел посвятить науке всю жизнь» и «занятия наукой мне не очень интересны...» физики заметно

выделяются своей тягой к занятию наукой. То есть «собственно научные кадры» к наукоемкой инновационной деятельности вполне готовы.

Интересны ответы на вопрос «Что движет человеком, решившим посвятить себя науке» – продолжим анализировать ответы только физиков. Самые высокие ранги имеют три ответа – «стремление к самореализации», «стремление к познанию» и «любопытность». Слава, карьера, как мотивация заниматься наукой оценивается ими ниже (достаточно высоко, правда, котируется стремление к высокому социальному статусу, но об этом речь пойдет ниже). А главное, что традиционное для большинства молодых людей личностное качество – стремление реализовать себя – оценивается физиками с тем же приоритетом, что и традиционные для любого исследователя стремление к познанию и любопытность. При этом стремление к самореализации и стремление к познанию имеют заметную корреляционную связь ($r = 0,40$).

Отчетливо и единодушно оценивают респонденты всех групп опроса соотношение фундаментальных и прикладных наук, необходимое при подготовке студентов к инновационной деятельности. Большую долю в этом соотношении студенты отводят фундаментальной подготовке. Этот факт заслуживает отдельного рассмотрения. Дело в том, что начиная примерно с 1970-х гг., в нашей стране неуклонно снижалось внимание государства к фундаментальным исследованиям. Это было связано с постоянно возрастающими темпами гонки вооружений в ходе холодной войны, а главное – с недалекновидностью руководства страны и с профессиональной некомпетентностью многих руководителей в сфере военно-промышленного производства (вполне можно говорить о невежестве и тех, и других). В итоге так же неуклонно снижался уровень фундаментальной подготовки студентов, в частности, физиков и в частности в МИФИ (один из авторов этой статьи окончил МИФИ и значительную часть своей жизни там проработал). Как следствие – снижался уровень общей профессиональной подготовки специалистов, в том числе и для военно-промышленного производства (как любил говорить крупный английский физик-теоретик П. Дирак, нет ничего практичнее хорошей теории). Это, кстати, одна из главных причин того, что в нашей стране в макромасштабе еще не начался инновационный процесс. Поэтому тот факт,

что студенты в объеме знаний, необходимом, по их мнению, для инновационной деятельности, такую большую долю отводят фундаментальным наукам, является, на наш взгляд, знаковым. И что важно, так считают и будущие физики, готовые посвятить науке всю свою жизнь, и будущие экономисты и менеджеры, которым занятия наукой не очень интересны.

И еще один результат нашего обследования вплотную примыкает к этим рассуждениям. На вопрос «Что нужнее для инновационной системы» подавляющее большинство респондентов всех трех обследуемых групп выбрало ответ «широкий профессиональный кругозор» в противовес ответу «глубокие познания в узкой специальности». Это также может говорить о достаточно высокой культуре отношения студентов к своему образованию. Правда, студенты-физики в меньшей степени, чем студенты экономисты, предпочитают профессиональный кругозор в пользу узкой специальности. На первый взгляд, это удивительно, но на самом деле ничего удивительного здесь нет. Дело в том, что их «узкая специальность» – физика – сама по себе (уже не как учебная дисциплина, а как область познания) фундаментальна и поэтому с необходимостью требует для своего постижения «широкого профессионального кругозора» – так устроена любая фундаментальная наука. Студентам же, в силу отсутствия у них профессионального опыта, трудно провести в физических исследованиях границу между фундаментальными и прикладными направлениями. Размытость такой границы вообще характерна для сегодняшней физики.

В начале этой статьи мы обозначили достаточно широкий спектр качеств личности, необходимых для успешной инновационной деятельности. Исследование показало, что у студентов вполне адекватное представление об этих качествах. Свидетельство тому – ответы на вопрос анкеты «Какие качества человека соответствуют запросам инновационного развития». Респонденты примерно одинаково оценили предложенные им для выбора признаки. Более или менее выделенными оказались только два из них – высокий уровень образования и нестандартность мышления. Но это тоже говорит о понимании студентами специфики инновационной деятельности. Интересно, что среди этих признаков наравне с предприимчивостью и волевыми качествами примерно с тем же рангом значимости выбрано, казалось бы, уж совсем «неинновационное»

качество – высокий культурный уровень. В каком-то смысле это приятная неожиданность. И говорит она о том, что инновации прочитываются студентами не только в обедненном – экономическом и предпринимательском – контексте, но и в контексте гармонического развития человека. Далее отметим, что для респондентов всей выборки в целом статусные качества – склонность к элитарной культуре и стремление занять высокое социально-экономическое положение – опять не в чести. И с весьма близкими рангами значимости выбраны следующие признаки:

- восприимчивость к литературе и искусству;
- высшее образование;
- способность к нравственному выбору;
- профессионализм;
- восприимчивость к природе, человеку и ко всему живому;
- профессиональный кругозор.

Список говорит сам за себя: меж его строк прочитывается интегративный для студентов признак культурного человека – его гармоническое развитие.

Выделим среди перечисленных выше признаков *способность к нравственному выбору*. С ним перекликается *наличие нравственных принципов* как признак состоявшейся личности, выбранный студентами с весьма высоким рангом, вторым по значимости после реализации своих способностей и равным способности материально обеспечить себя и свою семью. Такой результат для нас не нов – в уже упоминавшихся выше обследованиях, проведенных за последние пять лет в разных московских и региональных университетах, мы получали аналогичные результаты⁴. Этот результат хорошо согласуется с работами, в которых отмечается «факт определенной устойчивости россиян к базовым ценностям», в частности к нравственности⁵.

* * *

В анкету была заложена возможность самооценки студентами таких качеств, как активность, независимость суждений, нестандартность решений, уверенность в незнакомой ситуации, следование логике или интуиции, склонность к теоретическим или экспе-

риментальным исследованиям, адекватная самооценка, приоритет достижения цели, которые на основании анализа литературных источников были выделены в качестве необходимых для инновационной деятельности.

В целом респонденты характеризуются достаточно высокой самооценкой этих качеств. В той или иной степени самооценки качеств, необходимых для инновационной деятельности, взаимосвязаны с представлениями студентов о внешних условиях и внутренних факторах участия в ней молодежи (далее в скобках указано численное значение коэффициента корреляции r).

Так, студенты факультета второго высшего образования (2ВО) с высокой степенью *активности* считают, что для привлечения молодежи к инновационным процессам необходимо обеспечить возможность творческого роста (0,40). Эти же студенты считают, что для участия в инновационной деятельности более важно иметь широкий профессиональный кругозор, чем глубокие познания в узкой специальности (0,43), (заметим при этом, что, как уже отмечалось выше, во всех группах респондентов также отмечено предпочтение профессиональному кругозору).

Что касается двух других групп респондентов, то для активных студентов факультета ЭА возможность прославиться может способствовать привлечению молодежи к инновационной деятельности (0,34), а волевые качества в большей степени соответствуют запросам инновационного развития (0,32). Студенты факультета Т с высокой степенью активности более ориентированы на возможность самореализации как условие участия в инновациях (0,37), а среди внутренних называют волевые качества (0,31).

Студенты 2ВО, высоко оценившие *независимость собственных суждений*, считают, что условием привлечения молодежи к инновационным процессам является обеспечение возможности творческого роста (0,35). Более того, при выборе такого рода условий творческий рост противопоставляется карьерному, о чем свидетельствует наличие отрицательной корреляционной связи между высокой самооценкой нестандартности суждений и карьерным ростом (-0,34). Среди качеств человека, соответствующих запросам инновационного развития, такие студенты выбирают высокий общекультурный уровень (0,32) и творческие способности (0,47).

Широкий профессиональный кругозор также представляется для них более значимым, чем глубокие познания в узкой специальности (0,42).

Более независимые (по самооценке) студенты факультета Т при анализе условий, способствующих привлечению молодежи к инновациям, ориентированы как на возможности самореализации (0,35), так и на материальное стимулирование (0,32), а среди качеств, необходимых для участия в инновационном процессе, называют предприимчивость (0,39) и нестандартность мышления (0,36). Значимых взаимосвязей в этом аспекте анализа у студентов факультета ЭА выявлено не было.

Нестандартность решений. Выявлены взаимосвязи высоких оценок по этому показателю у студентов 2ВО с креативностью как качеством, соответствующим инновационной деятельности (0,54). Эти же респонденты считают, что для участия в ней важнее широкий профессиональный кругозор (0,47). Студенты факультета Т с высокими самооценками нестандартности решений более склонны рассматривать материальное стимулирование в качестве условия, способствующего привлечению молодежи к инновационным процессам (0,30). По их мнению, человеком, посвятившим себя науке, движет стремление к самореализации (0,34), а им самим мешает полностью самореализоваться недостаток денег (0,30). Студенты, следующие признанным стандартам, в меньшей степени озабочены достижением высокого общекультурного уровня, соответствующего запросам инновационного развития (-0,32). Корреляционный анализ показал, что для таких респондентов факультета ЭА характерны представления о состоявшейся личности как о профессионале высокого уровня (0,32), о том, что культурный человек – это тот, кто владеет профессиональными знаниями и навыками (0,43), имеет высшее образование (0,43) и предпочитает элитарную культуру массовой (0,39). Однако многие считают, что можно прожить и без высшего образования (0,45).

Уверенность в незнакомой ситуации. Наибольшее количество взаимосвязей этого качества с другими позициями анкеты обнаружено у респондентов факультета 2ВО. Основным условием привлечения молодежи к инновациям является возможность творческого роста (0,38), а качествами человека, необходимыми

для участия в них, – творческие способности (0,47) и нестандартность мышления (0,34). Человеком, который решил посвятить себя науке, движет, по их мнению, любознательность (0,34). Наиболее важно для таких студентов иметь возможность самореализоваться (0,30), препятствием к этому они называют недостаток времени (0,64). Для респондентов этой группы факультета Т в большей степени присуще стремление посвятить себя науке (0,38), при этом желание принести пользу своим открытием скорее не принимается ими в качестве мотива (-0,33). Также и профессионализм практически не рассматривается ими как свойство состоявшейся личности (-0,33). Скептическим отношением к науке отличаются студенты факультета ЭА с высоким уровнем самооценки уверенности в незнакомой ситуации. Для них более характерно утверждение, что без науки можно обойтись (0,31), а учеными движут карьерные устремления (0,35). Также и состояться как личность для многих из них означает сделать хорошую карьеру (0,32), а не достичь высокого уровня профессионализма (-0,39). Интересная работа не особенно важна для них (-0,44), а возможность самореализации в меньшей степени рассматривается как условие привлечения молодежи к инновационным процессам (-0,47).

Следование логике и интуиция. Корреляционный анализ показал, что студенты факультета 2ВО, более склонные к логике, считают, что для инновационной системы более важен широкий профессиональный кругозор (0,58). Для привлечения молодежи необходимо создать условия для творческого роста (0,32), а среди качеств человека, соответствующих запросам инновационного развития, называются творческие способности (0,39). Состояться как личность для этих студентов означает достичь высокого уровня профессионализма (0,43), а высшее образование, по их мнению, необходимо для формирования общего кругозора (0,33). В качестве помех для самореализации они называют недостаток времени (0,34) и лень (0,32). Для студентов факультета Т следование логике взаимосвязано с представлением об образовании как становлении профессионала (0,46), о личности как человеке, материально обеспечивающем себя и семью (0,34), а также важностью для них получения высокооплачиваемой работы (0,33). Те студенты факультета Т, которые предпочитают следовать интуиции, среди качеств человека, более соответствующих участию в инновациях, назвали

творческие способности (0,34). У студентов факультета ЭА такое качество, как следование интуиции, взаимосвязано с отношением к науке (0,45), с выбором пункта анкеты «занятия наукой мне не очень интересны, но я испытываю большое уважение к этой сфере деятельности». Для этих студентов образование нужно, чтобы сделать карьеру (0,43), а основным условием привлечения молодежи к участию в инновационной деятельности они считают возможность работать за рубежом (0,35).

Склонность к *теории или эксперименту*. Ответы студентов практически единодушны и отражают некоторое предпочтение экспериментальным, нежели теоретическим исследованиям. Однако корреляционный анализ показал, что склонность к теории или к эксперименту для представителей трех факультетов по-разному взаимосвязана с теми или иными представлениями об инновационных процессах. Так, студенты факультета 2ВО, склонные к теоретической деятельности, считают, что для привлечения молодежи к инновациям необходимо обеспечить возможности творческого роста (0,41), а для участия в них человеку необходимо иметь высокий общекультурный уровень (0,47) и волевые качества (0,41). Они также считают, что высшее образование является атрибутом культурного человека (0,35).

Для склонных к теории студентов факультета Т доступность использования является наиболее предпочитаемым фактором, который должен учитываться при оценке новых разработок (0,30). Они считают, что высшее образование позволяет стать профессионалом и сделать карьеру (0,36 и 0,33 соответственно), а состоявшаяся личность – это человек материально обеспечивающий себя и семью (0,30). Для студентов-«экспериментаторов» факультета Т более характерна точка зрения, что отсутствие помех со стороны бюрократии может способствовать привлечению молодежи к инновациям (0,34), а среди качеств, необходимых для инновационной деятельности, называются творческие способности и высокий уровень образования (0,31 и 0,40 соответственно). Без образования, с их точки зрения, не найдешь интересную работу (0,35).

Студенты факультета ЭА, склонные к эксперименту, считают отсутствие помех со стороны бюрократии основным фактором привлечения молодежи к инновациям (0,31), а среди качеств человека называют предприимчивость, как наиболее соответствующую

щую инновационным запросам (0,30). Занятия наукой им не очень интересны, но они испытывают уважение к этой сфере деятельности (0,36). Быть культурным человеком, с их точки зрения, означает владеть профессиональными знаниями и навыками, а также занимать высокое социально-экономическое положение (0,31 и 0,40 соответственно).

Адекватность самооценки. В целом студентов МИФИ характеризует довольно высокое мнение об адекватности собственной самооценки. В большей степени это мнение разделяют студенты факультета ЭА, а наиболее критичны к себе студенты факультета 2ВО. Корреляционный анализ показал, что у заметной части студентов всех трех групп обследования адекватность самооценки ассоциируется с представлениями о состоявшейся личности. Так, для студентов 2ВО адекватность самооценки взаимосвязана с пониманием личности как профессионала высокого уровня (0,39), для студентов факультета Т – с человеком, который может материально обеспечить себя и семью (0,39), а для студентов ЭА – личности, имеющей признание друзей и уважение коллег (0,33).

Что касается представлений об инновациях, то у респондентов двух групп (2ВО и Т) высокий уровень адекватности оказался взаимосвязан с определенными качествами человека, которые в большей степени соответствуют запросам инновационного развития. Для студентов 2ВО – это творческие способности (0,36), а для студентов факультета Т – нестандартность мышления (0,34). Для обследуемых факультета ЭА с высоким уровнем адекватности характерно понимание того, что при оценке новых разработок необходимо учитывать их возможные негативные последствия для общества (0,32), а человеком, решившим посвятить себя науке, движет желание принести пользу своим открытием (0,30).

Приоритет достижения цели для студентов 2ВО ассоциируется с такими качествами человека, наиболее соответствующими инновационной деятельности, как творческие способности (0,58), а для привлечения молодежи к инновационным процессам необходимо обеспечить возможности творческого роста (0,40). Для студентов факультета Т целеустремленность коррелирует с таким качеством как нестандартность мышления (0,32), а среди условий привлечения молодежи называются материальное стимулирование (0,37) и возможности самореализации (0,34). Целеустремленные

студенты 2ВО в большей степени ориентированы на отечественные разработки (0,30) в инновационной деятельности. Кроме того, высокий уровень целеустремленности взаимосвязан с таким качеством состоявшейся личности, как приоритет достижения цели, и для респондентов факультета ЭА он коррелирует с самореализацией (0,44) как ценностью и как качеством состоявшейся личности (0,33).

А к чему же стремятся обследованные студенты, другими словами, в чем состоит их направленность? В какой-то степени ответ на этот вопрос можно получить, проанализировав распределение ими по значимости для себя тех или иных определенных состоявшейся личности. Самореализация занимает одно из ведущих положений среди представлений студентов о состоявшейся личности, как по МИФИ в целом, так и по отдельным факультетам. Наибольшие значения стремление реализовать свои способности принимает у респондентов факультетов ЭА и 2ВО. Такая характеристика состоявшейся личности, как «иметь признание друзей и уважение коллег», имеет первостепенное значение для студентов факультета Т. На втором месте по значимости стоит утверждение о том, что состояться как личность означает «материально обеспечить себя и свою семью», причем для студентов факультета Т эти позиции занимают практически одинаковое положение на шкале приоритетов. Выделяется значительное превышение по баллам значение такого свойства состоявшейся личности, как наличие нравственных принципов для студентов факультета ЭА. Однако выявлена лишь одна умеренная взаимосвязь (0,32) с таким качеством человека, наиболее соответствующим инновационным запросам, как «интерес к освоению нового». Таким образом, нравственность хотя и высоко оценивается студентами факультета ЭА, но в качестве атрибута личности практически не включена в систему ценностно-смысловой ее организации.

Анализируя данные, можно сделать вывод о преимущественных устремлениях студентов трех факультетов, что косвенно говорит о наличии трех классических типов направленности личности. Так, студентам факультета Т в большей степени присущ выбор характеристик, определяющий направленность личности «на общение», а студентам факультетов ЭА и 2ВО – «на дело». Наименьшие

ранги занимает выбор того или иного утверждения, связанного с направленностью личности «на себя». Такой выбор более характерен для респондентов факультета 2ВО.

Следующая задача состояла в том, чтобы проанализировать, каким образом те или иные устремления студентов влияют на формирование их представлений об инновациях, качествах человека, участвующего в инновационных процессах, тех условиях, которые могут привлечь молодежь к инновационным разработкам. Для решения этой задачи был проведен корреляционный анализ, который выявил определенные взаимосвязи между представлениями о личности и представлениями об инновационных процессах. Так, пункт «реализация способностей» как свойство состоявшейся личности коррелирует у студентов 2ВО с такими характеристиками инновационных процессов, как:

- необходимость учета в первую очередь эффективности при оценке новых разработок (0,64);
- обеспечения возможности самореализации (0,60) и карьерного роста (0,32) как условия привлечения молодежи к инновациям;
- обеспечение материального стимулирования для привлечения молодежи (0,58);
- интересом к освоению нового (0,45) как качеством человека, наиболее соответствующим инновационным запросам;
- нестандартностью мышления (0,41);
- высоким уровнем образования (0,33).

Кроме того, по мнению этих студентов, человеком, который решил посвятить себя науке, движет любознательность (0,30). Выявились также и обратные связи. Так, студенты факультета 2ВО не считают, что возможность прославиться может привлечь молодежь к инновационным разработкам (-0,42), также как и отсутствие помех со стороны старшего поколения (-0,50). Стремление к славе и стремление сделать карьеру не являются, с их точки зрения, мотивом человека, посвятившего себя науке (-0,71 и -0,43 – соответственно).

Для студентов факультета Т с направленностью на самореализацию более характерны следующие представления:

- для привлечения молодежи к инновациям необходимо обеспечить возможность самореализации (0,49) и материальное стимулирование (0,51);

- человеком, посвятившим себя науке движет стремление к самореализации (0,50) и познанию (0,36), желание создать что-то новое (0,32);

- высокий уровень образования (0,38) и нестандартность мышления (0,35) являются качествами в наибольшей степени соответствующими инновационным запросам.

Студенты факультета ЭА характеризуются наличием корреляционных связей между направленностью на самореализацию и следующими представлениями об инновационных процессах:

- необходимо учитывать негативные последствия для общества внедрения новых технологий (0,56);

- человеком, посвятившим себя науке, движет желание принести пользу своим открытием (0,35);

- для привлечения молодежи к инновационным процессам необходимо обеспечить возможности творческого роста (0,31);

- нестандартность мышления – качество человека, которое наиболее соответствует запросам инновационного развития (0,36).

Выбор респондентами в качестве признака состоявшейся личности *наличия признания друзей и уважения коллег* может, на наш взгляд, в какой-то степени характеризовать общественную направленность личности. Корреляционный анализ позволил выделить взаимосвязи между этой характеристикой обследованных и их отношением к инновационным процессам. Так, студенты факультета 2ВО считают, что отсутствие помех со стороны старшего поколения – ведущий фактор для привлечения молодежи к инновациям (0,34). С другой стороны, эти студенты не считают, что:

- при оценке новых разработок должны учитываться их возможные негативные последствия для экологии (-0,37);

- человеком, посвятившим себя науке, движет стремление к самореализации (-0,42), стремление к познанию (-0,34) и желание создать что-то новое (-0,40);

- высокий уровень образования, предприимчивость и интерес к освоению нового – качества человека, в большей степени соответствующие инновационным процессам (-0,47, -0,44 и -0,34 – соответственно).

Для респондентов факультета Т с такой направленностью более характерно мнение, что:

- необходимо учитывать возможный вред новых технологий для отдельных людей (0,37);

- возможность прославиться – основной фактор привлечения молодежи к инновационным разработкам (0,40);
- стремление к славе и желание сделать карьеру – определяющие стимулы для человека, посвятившего себя науке (0,41 и 0,32);
- высокий уровень образования – качество человека, эффективно участвующего в инновационных процессах (0,35).

Студенты факультета ЭА в большей степени склонны считать, что:

- при оценке новых разработок необходимо учитывать доступность их использования (0,37) и возможные негативные последствия для экологии (0,37);
- человеком, посвятившим себя науке, движет любознательность (0,38), а не стремление к славе (-0,31);
- волевые качества необходимы человеку для участия в инновационной деятельности (0,32);
- материальное стимулирование не является определяющим фактором для привлечения молодежи к инновациям (-0,41).

Наконец, выбор такого свойства состоявшейся личности, как способность материально обеспечить себя и свою семью, говорит о преобладании направленности «на себя».

У студентов факультета ЗВО с такой направленностью более выражены такие представления об инновационных процессах, как:

- основной фактор привлечения молодежи к инновациям – материальное стимулирование (0,36), а не возможность работать за рубежом (-0,60);
- для человека, посвятившего себя науке, стремление достичь определенного социального статуса не является ведущим стимулом (-0,54).

Респонденты факультета ЭА не считают, что без науки нет современных технологий (-0,34), а основным стимулом человека, посвятившего себя науке, является достижение социального статуса (-0,43).

* * *

Таким образом, результаты проведенного анализа показали, что процесс формирования представлений об инновационных процессах у студентов взаимосвязан как с их личностными качествами, так и с преобладающей направленностью личности.

Однако эта связь далеко неоднозначна. Уже по количеству выявленных корреляционных связей можно судить о том, что студенты факультета 2ВО обладают более сформированной направленностью личности, более адекватно оценивают наличие качеств, необходимых для участия в инновационной деятельности. Они старше (средний возраст 22,7) и второе высшее образование выбрали вполне осознанно. В основном это студенты того же института, имеющие базовое физическое образование. Эти студенты в большей степени ориентированы на деловые интересы, а их личностные качества влияют на отношение к инновационной деятельности как возможности развития творческих способностей и творческой самореализации. Причем креативность рассматривается как необходимое внешнее и внутреннее условие инновационной деятельности и коррелирует практически со всеми качествами, наличие которых высоко оценили у себя студенты факультета 2ВО. Творческий рост ими противопоставляется карьерному. Они стремятся достичь высокого общекультурного уровня и иметь широкий профессиональный кругозор.

Студенты факультета Т с высокими самооценками качеств, характерных для инновационного типа личности, также в большей степени стремятся к самореализации и в инновационной деятельности ценят именно возможность реализовать свои способности. В то же время материальная обеспеченность занимает для них одно из ведущих мест на шкале приоритетов. Можно выразить их позицию таким образом: продуктивная творческая работа должна хорошо оплачиваться. Поэтому для привлечения молодежи к инновациям надо использовать как материальное стимулирование, так и обеспечить возможности самореализации. А человек, участвующий в инновационных процессах, должен обладать как предприимчивостью, так и нестандартностью мышления. В меньшей степени взаимосвязаны личностные показатели и представления об инновационных процессах у студентов факультета ЭА. Для некоторых качеств инновационного типа личности значимых корреляционных взаимосвязей с такими представлениями выявлено не было. В то же время выявленные взаимосвязи показывают, что студенты этого факультета с высокими самооценками в большей степени склонны рассматривать возможность прославиться и выехать работать за рубеж, а не са-

морализацию как условие привлечения молодежи к инновационной деятельности. Студенты факультета ЭА более скептически относятся к науке, а учеными, по их мнению, движут карьерные устремления.

Интересно, что для студентов этого факультета характерно противоречие между декларацией определенных ценностных ориентаций и включенностью их в личностные структуры. Для становления личности, по их мнению, в первую очередь необходимо реализовать свои способности, а во вторую – иметь нравственные принципы. Для них важно самореализоваться и иметь интересную работу. Культурный человек – это в значительной степени человек, способный к нравственному выбору и восприимчивый к искусству. Однако эти представления и ценности мало связаны между собой, они еще не вполне включены в смысловые и мотивационные структуры личности. Эти ценности скорее декларируются, чем разделяются. То есть студенты *знают*, что для образованного культурного человека хорошо иметь нравственные принципы, быть восприимчивым, отзывчивым и т.п. В то же время это знание слабо связано с другими представлениями, не формирует отношения к другим сферам жизни и не может выступать в качестве *реально действующей* мотивации. Причины такого рода противоречия, на наш взгляд, кроются в том, что личностные структуры у этих студентов еще находятся в процессе формирования, иерархия мотивов не сложилась, так что о наличии доминирующей направленности пока говорить рано. Однако такое знание выполняет важную роль в формировании мотивов. По словам А.Н.Леонтьева, «на известном уровне развития мотивы сначала выступают как только *знаемые*, как возможные, реально еще не побуждающие никаких действий», и только по мере формирования личности они становятся реально действующими⁶.

Проведенный анализ позволяет говорить о наличии как внутренней (через рефлекссию и активное участие ведущей к познанию), так и внешней (интерес к поощрению, повышению собственного статуса) мотивации участия в инновационной деятельности. Внутренняя мотивация более характерна для студентов 2ВО. Внешняя – материальное стимулирование, слава, социальный статус – в большей степени присуща студентам факультета ЭА, хотя для них и не чуждо стремление к самореализации. Студенты-

физики сочетают эти два вида мотивации, что в большей степени отражает современные тенденции и может способствовать эффективности инновационных процессов.

Итак, анализ эмпирического материала показал, что формирование представлений об инновациях и отношениях к различным сторонам инновационного процесса включено в процесс личностного развития. Чем в большей степени сформирована мотивационная структура личности, ее направленность, тем более осознаны у таких студентов представления об инновациях, тем более отчетливо формируется целостная совокупность отношений к различным сторонам инновационной деятельности. Причем в наибольшей степени, это относится к студентам с деловой направленностью. Корреляционный анализ показывает наличие более обширной и структурированной совокупности взаимосвязей личностных показателей с представлениями о различных сторонах инновационных процессов. Это и понятно – инновационные разработки так или иначе могут быть включены в будущую профессиональную деятельность сегодняшних студентов, поэтому для людей с деловой направленностью отношение к ним является атрибутом профессиональной компетенции. Студенты, в большей степени ориентированные на «себя» и на «общение», в меньшей степени озабочены ролью инноваций как в своей будущей профессиональной деятельности, так и в более широкой системе отношений к себе, миру, другим людям.

В заключение кратко сформулируем выводы, которые можно сделать на основании результатов, полученных в этой работе.

- Студенты МИФИ в основном готовы к участию в инновационном процессе, отчетливо понимая как его сущность, так и требования, которые он предъявляет к комплексу качеств его участника как личности.

- Формирование представлений студентов об инновациях зависит от уровня развития мотивационных структур и направленности личности.

- Преобладание мотивов дела определяет включенность таких представлений в ценностно-смысловую организацию личности, которая задает устойчивую совокупность отношений к различным сторонам инновационных процессов.

- Они осмысленно воспринимают высшее образование как фактор, определяющий уровень профессионализма и профессионального кругозора, а не условие приобретения узкой специальности, рассматривая его как самостоятельную ценность. Они осознают значение фундаментальных наук для инновационной деятельности.

- Гармоническое развитие личности студенты рассматривают как базовый признак культурного человека.

Примечания

- ¹ Щедровицкий П.Г. Инновационный потенциал профессионального сообщества // Психология бизнеса: Тез. конф. 11–12 апр. 2003 г.
- ² Ашмарин И.И. Человек в пространстве инноваций // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. X. Вып. 3–4. С. 209.
http://www.wdigest.ru/innovation_mechanizm_hr.htm
- ³
- ⁴ См. напр.: Ашмарин И.И. Реализация человеческого потенциала на примере студенческой среды // Высшее образование для XXI века: философские, социологические, экономические проблемы высшего образования: Докл. научн. конф. М., 2004. С. 22; Степанова Г.Б. Студенческая молодежь: здоровье и самореализация // Там же. С. 266.
- ⁵ Напр., Лалин Н.И. Путь России. М., 2000. С. 144.
- ⁶ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 210.

Игорь Андреев, Ирина Шабанова

Микробиологические аспекты восстановительной медицины

Среди перспективных инноваций нашего времени, касающихся непосредственно человека, носящих междисциплинарный и полифункциональный характер, наибольший интерес представляет собой реализация концепции восстановительной медицины, делающий акцент не на лечении болезней, а на сохранении и коррекции здоровья людей.

Исторические истоки восстановительной медицины

Ещё в вавилонском Кодексе царя Хамураппи, созданном в 1750 г. до н.э., говорилось о врачебной профессии, об общественных лечебницах. И кроме того, господствовал приоритет целителей, предупреждающих заболевания, относительно их коллег, исцеляющих уже заболевших. Прометея, похитившего огонь у богов, общественное мнение его эпохи осуждало как вора, но прославляло как героя, способствовавшего сохранению здоровья людей вне жёсткой зависимости от капризов соперничавших и порой открыто враждовавших друг с другом обитателей Олимпа. Мудрый Демокрит сетовал, что люди упорно и старательно вымаливают здоровье у богов, ибо им неведомо, что оно во многом зависит от них самих. Не является ли это свидетельством того, что сама по себе идея восстановительной медицины имеет глубинные исторические корни?

На древе вековой мечты человечества о полноценной жизни здоровых людей 30 лет назад выросла специфическая отечественная наука о здоровье – валеология. Но при безоговорочной привлекательности провозглашённых ею принципов она так и осталась декларативным теоретическим приложением к официальной медицине. Впрочем, поднятая валеологией проблема медицины здоровья не ушла в песок времени. Уже через 10 лет после выхода в свет валеологической «библии» – книги известного врача-фармаколога И.И.Брехмана «Валеология – наука о здоровье»¹ поникшее знамя идей валеологии поднял разносторонний учёный и талантливый организатор, профессор, доктор медицинских наук А.Н.Разумов, ныне – академик РАМН, директор Российского научного центра восстановительной медицины и курортологии². В серии фундаментальных трудов, подготовленных под его руководством и при его непосредственном творческом участии авторитетными учёными, ведущими специалистами в конкретных областях медицины сформирован образ целостного человека и модель здравоохранения, близкая к оптимальной модели будущего.

В отличие от валеологии восстановительная медицина конкретна и многогранна. Она имеет дело не только с поддержанием здоровья здоровых людей (главное её звено), помогая им корректировать при минимальном использовании фармацевтических препаратов соматический, психический и микробиологический статусы своего организма. Восстановительная медицина включила в сферу своего внимания также нормализацию здоровья людей, перенёвших болезнь и нуждающихся в реадaptации к нормальному образу и качеству жизни, выходящую по времени и задачам за пределы общепринятой реабилитации. От профилактической медицины восстановительное лечение отличается тем, что не только предотвращает (как и социальная гигиена, контролирующая среду обитания человека) от развёртывания патологий, но и корректирует психофизиологический статус индивида, стремясь повернуть болезнь вспять к индивидуальной норме здоровья конкретного человека³.

Современная мировая система здравоохранения, созданная по кальке индустриально-конвейерной цивилизации, не в силах остановить антропологическую деградацию человечества, ставя его на грань выживания. Требуются новые методологические принципы и подходы к проблеме сохранения и восстановления здоровья

людей⁴. И хотя восстановительная медицина только вступила во второе десятилетие, уже отчётливо проявилась плодотворность системного, целостного подхода к организму и здоровью человека, заложенная в её фундаменте⁵. Интегративная роль восстановительной медицины по отношению к другим, специализированным разрозненным медицинским наукам и киническим практикам проявляется в интенсивном расширении её проблемного поля.

Формированию восстановительной медицины как теоретической дисциплины и клинической специальности предшествовали и способствовали три важных естественнонаучных события.

Во-первых, после полувековой эйфории относительно антибиотикотерапии как панацеи в лечении гнойно-воспалительных заболеваний современная медицина, по сути дела, постепенно возвращается к тому, что было открыто сто лет назад. Речь идёт о плодотворной идее И.И.Мечникова, удостоенной Нобелевской премии (1908), относительно фундаментальной роли нормальной микрофлоры для сохранения и восстановления здоровья человека. Кроме того, в конце XX в. достоянием науки стал феномен социального (кооперативного, популяционного) поведения бактерий и формирования ими специфических биоплёнок на слизистых оболочках организма и стенках кровеносных сосудов, что принципиально дополнило и изменило прежние представления о колониях как доминантной форме концентрации бактерий на обживаемом ими биологическом и неорганическом субстрате⁶. Это открытие аргументированно объяснило факт клинически зафиксированного во всём мире резкого падения эффективности антибиотиков в современной клинической медицине, рост резистентности к ним организма человека и вывело на первый план восстановительного лечения различные композиции (комплексы) пробиотиков с целью препятствия образованию патологических биоплёнок либо их целенаправленного и, по возможности, прицельного разрушения.

Во-вторых, бурное развитие информационно-компьютерных и лазерных технологий открыло путь к реализации теоретической идеи великого физика-оптика С.И.Вавилова об информационном потенциале световых потоков – поглощаемых и отражаемых, о чём он написал в книге «Глаз и солнце» (1928), переизданной во многих странах. Одной из попыток воплощения в жизнь открытия Вавилова стала лабораторно-диагностическая установка

«Спектролюкс», принцип действия которой основан на экспресс-индикации состояния и тенденций изменения микробного пейзажа микрофлоры пациента с помощью лазерной флюоресценции различных биологических субстратов его организма⁷, а также прибор для диагностики целого ряда патологий по лазерному анализу выдыхаемого пациентом воздуха⁸.

В-третьих, люди от приручения и одомашнивания крупных и средних по размерам млекопитающих как средства обеспечения своего биологического существования перешли к целенаправленной модификации и вмешательству в функционирование микрофлоры. Речь идёт о коррекции её состава за счёт «охоты» на зловередных микробов, а главное, путём использования промышленно создаваемых (искусственно разводимых) комплексов живых полезных человеку бактерий, названных в противовес антибиотикам пробиотиками⁹.

И тем не менее над современной медициной, к сожалению, до сих пор витает тень Луи Пастера и Роберта Коха, провозгласивших патогенного микроба единоличным «виновником» инфекционных заболеваний. Между тем уже на рубеже XIX и XX вв. тенденция одностороннего взгляда на микрофлору макроорганизма подверглась справедливой критике со стороны авторитетных учёных-медиков. «Микроорганизмы выступили на первый план медицинских интересов, они господствуют не только над мыслями, но и над мечтами многочисленных старых и почти всех молодых врачей», – сокрушался в 1885 г. Рудольф Вирхов, подчеркнувший, что заболевание зависит также от реакции на инфицирование конкретного организма. Микробиология «провозгласила патогенного микроба единственной причиной инфекций», – сетовал в 1899 г. Н.Ф.Гамалея, решительно вставший на сторону Вирхова, позицию которого в то время затмила Нобелевская премия его главного оппонента Коха.

Теория инфекций вплоть до наших дней сводилась и порой сводится к эмпирическому указанию на микроба – возбудителя заболеваний. При таком раскладе медицина в значительной мере «теряет» целостность организма человека. Он выступает пассивной жертвой микроорганизмов, напоминая ситуацию Гулливера в Стране лилипутов, оставляя в стороне внутренние защитные силы организма, его систем, иммунитет, а также психологический статус больного, т.е., индивидуальность человека. Метафизическая недооценка

системной целостности человека логично приводит медицину к стратегии лечения болезни, в данном случае инфекционной, а не её носителя – больного, хотя И.И.Мечников получил Нобелевскую премию именно за разработку концепции усиления устойчивости организма в борьбе с инфекцией путём применения первого в мире пробиотика – знаменитой «мечниковской простокваши».

По прошествии 100 лет проблема микробиологической патологии, сопровождающей пациентов хирургических и травматологических отделений, остаётся печально актуальной. Несмотря на внедрение современных методов диагностики и лечения, разработку новых антибактериальных и иммунологических препаратов, гнойно-септические заболевания в структуре смертности населения от инфекционной патологии занимают первое место во всех развитых странах мира. В России летальность в группе больных с гнойными хирургическими заболеваниями и послеоперационными осложнениями колеблется от 4,7 до 5,0 %, а при ряде заболеваний (диабетическая гангрена, абсцесс лёгких, эмпиема и др.) – от 10 до 50 %. Частота развития послеоперационных инфекционных осложнений при проведении плановых операций составляет в среднем по стране 6,5 %, при этом гнойно-септическими осложнениями обусловлены до 50 % летальных исходов. После травмы гнойные осложнения становятся основной причиной смерти пострадавших, достигая 70 % всех летальных исходов. Наибольшее количество больных с инфекционной патологией концентрируются в отделениях реанимации и интенсивной терапии, что обусловлено тяжестью состояния пациента, инвазивностью лечения (катетеризация, интубация и др.), большей вероятностью перекрестного инфицирования госпитальными полирезистентными микроорганизмами и микроорганизмами с деформированной клеточной стенкой.

Интегративный характер восстановительной медицины

Новый этап восстановительной медицины находится на стыке трёх крупных течений отечественной медицинской теории и клинической практики. Общая микробиология и эпидемиология ведут поиск средств, препятствующих возникновению патогенных

биоплёнок на стенках кровеносных сосудов и слизистых оболочках организма, а также способствующих их размягчению и разрушению, если они уже образовались¹⁰. В свою очередь, создатели передовых хирургических технологий на основе глубокого творческого осмысления богатого клинического опыта пришли к пониманию решающего значения микробного инфицирования организма во время и в течение длительного периода после благополучной хирургической санации для выживания, а также восстановления здоровья и улучшения качества жизни пациентов¹¹. Специалисты в области лечебного, диетического и функционального питания разрабатывают технологии целенаправленного подавления инфекционных агентов с помощью регулирования соотношения различных компонентов микрофлоры, прежде всего за счёт метаболической подпитки последней путём добавления бифидо-, лакто- и других бактерий, заведомо полезных для организма, добиваясь, таким образом, минимизации микробиологического ущерба и исключения инфекционных осложнений, особенно сердечно-сосудистых патологий и атеросклерозов, как правило, следующих даже за самыми успешными хирургическими операциями¹².

Атеросклерозы, или в новейшей европейской медицинской лексике – атеротромбозы, выступают в качестве: 1) непосредственного следствия гнойно-воспалительных и иных заболеваний, включая исходную бактериальную патологию при поступлении в стационар, 2) как результат хирургических санаций, связанных с массивным применением антибиотиков, и 3) следствия дисбактериозов, обычно сопровождающих все виды и стадии патологического процесса и купируемых с помощью широкого класса комплексных пробиотиков на этапах восстановительной медицины.

Обычно больные поступают в хирургическое отделение с ферментативными расстройствами микрофлоры, отягощенные попытками самолечения, снижением резервного потенциала организма, включая иммунодефицит, а также совокупностью болевых и иных дистрессов. Это порождает дисбактериоз и способствует формированию новых штаммов микропатогенов¹³. В экстренной хирургии на такие «мелочи», как правило, внимания не обращают. Дефицит времени, особенно в ургентной абдоминальной хирургии, требует экспресс-диагностики, а за отсутствием таковой приходится ориентироваться на косвенные клинические симптомы и синдромы.

Главная задача хирурга в такой ситуации – спасти жизнь пациента практически любой в тот момент ценой. Однако хирургическая санация есть агрессия по отношению ко всему организму и, прежде всего, означает дальнейшее разрушение его микрофлоры. Недавно возникла новая ветвь медицинской науки – хирургическая агрессология. Как и виртуальная хирургия, создающая информационные модели намеченных операций, она призвана прогнозировать реакцию на происходящее древнейшего «органа» человека – его микрофлору. Но хирурги редко учитывают, что организм больного в ответ на заболевание включает защитные факторы в виде выброса в кровь активных веществ, призванных нейтрализовать локальную, в частности внутрибрюшную инфекцию.

Хирург убирает основной источник инфекции. Но природные механизмы продолжают действовать по инерции, как маховик. Более того, назначая больному антибиотики, врачи, по сути дела, поддерживают эндотоксинемию, провоцируя усиление выброса и транслокации в организм фрагментов гибнущих или отпочковывающихся от живых бактерий. После заживления раны, снятия швов и ликвидации видимых симптомов заболевания (нормализация температуры тела, улучшение общего самочувствия) пациент покидает клинику, но уносит в себе бактериологическую мину замедленного действия. Именно она, невидимая и непосредственно не ощущаемая, становится причиной (запускающим фактором) новых болезней, в формальном врачебном понимании, казалось бы, никак не связанных с проведённой операцией.

Обычно взрыв не заставляет себя ждать более 10 лет. До настоящего времени из дверей клиники больной уходит в медицинскую «пустоту»: хирургам он уже не нужен, терапевтам ещё не интересен, а к врачам–инфекционистам обращаться ему и в голову не приходит, да и те его, честно говоря, не ждут, пока инфекция не разыграется и им не заинтересуются кардиологи и ангиологи – специалисты по заболеванию кровеносных сосудов. В 1995 г. в клинике факультетской хирургии РГМУ на базе Первой Градской больницы г. Москвы по инициативе её директора – главного хирурга СССР и РФ академика В.С.Савельева была изучена статистика отдалённых результатов у 34 пациентов молодого возраста (до 45 лет), перенесших в одной из самых лучших в стране клиник операцию по поводу перитонита. В течение десятилетнего периода

после выписки 22 из них (64,7 %) погибли: 21 (95 %) от сердечно-сосудистых осложнений (инфаркт или инсульт) и лишь один от повторного инфицированного хирургического заболевания. Но и судьба оставшихся в живых 12 пациентов была печальной: у 8 из них была диагностирована ишемическая болезнь сердца, один пациент перенёс инфаркт миокарда, ещё один – острое нарушение мозгового кровообращения, 7 человек страдали тяжёлой формой гипертонической болезни¹⁴.

Нехирургической причиной массовой гибели послеоперационных хирургических больных оказались нарушения холестеринового метаболизма печени и, ассоциированный с ним дисбактериоз кишечника, где сосредоточено, согласно данным германских микробиологов, более 80 % иммунноактивных клеток организма. Спасая больного в критический операционный период, хирурги вместе с патогенным фактором неизбежно уничтожают полезную часть микрофлоры. После заживления послеоперационной раны и выписки из стационара «недобитые» остатки вредоносных микробов, сумевших в результате мутаций преодолеть воздействие антибиотиков и приспособиться к ним¹⁵, вызывают медленно текущее, скрытое от внешнего наблюдения, малосимптомное инфицирование организма, ведущее к кишечной и затем – полиорганной недостаточности. Оно затрагивает в первую очередь систему кровотока. Именно в ней, согласно современным отечественным разработкам, проводимым под руководством вице-президента РАМН, директора НИИ эпидемиологии и микробиологии имени Н.Ф.Гамалеи, доктора биологических наук, профессора А.Л.Гинцбурга, образуются биоплёнки, в десятки и сотни раз более устойчивые перед «лицом» антибиотиков, чем банальные бактериальные колонии.

Бактериемия и эндотоксинемия – взаимосвязанные формы патологического процесса. Антибактериальная терапия, преобладающая на хирургическом этапе лечения, существенно отличается по агрессивному воздействию на организм от детоксикационной терапии. Этап реабилитации пациента более продолжительный, нежели пребывание в стационаре и больше тяготеет к канонам восстановительной медицины.

Врачу важно видеть невидимую микробиологическую составляющую процесса хирургического лечения, которое отнюдь не заканчивается операцией и заживлением ран. Напротив, любое

хирургическое вмешательство в брюшную полость (и не только в неё) неизбежно вызывает генерализованную реакцию всего организма на повреждение какого-то органа – мишени и одновременно ударяет по древнейшей составляющей организма – микрофлоре, играющей роль «подпольного» бактериального фундамента иммунитета. Ведь сегодня микрофлора организма, по сути дела, выпала из поля зрения подавляющего большинства медицинских специальностей и специалистов, оставаясь предметом повседневного внимания разве что у инфекционистов, микробиологов и врачей-гигиенистов. Академику РАН и РАМН В.С.Савельеву удалось доказать, что хирургические операции на брюшной полости неизбежно вызывают в послеоперационный период бурный всплеск сердечно-сосудистых патологий. Преградой им могут стать новейшие технологии восстановительной медицины с широким применением таких «антагонистов» антибиотиков, как пробиотики, пребиотики и энтеросорбенты¹⁶.

Дисбиоз как реакция на внешние воздействия бактериального «подполья» организма

Антибактериальные средства – широко используемый класс лекарственных препаратов. Вместе с тем их неадекватное применение нередко вызывает рост резистентности к ним бактерий, которая порой в разы снижает эффективность антимикробной терапии, а то и наносит прямой вред организму за счёт перевода внешне погашенной патологии в хроническую форму или латентное состояние¹⁷. Одним из центральных звеньев патогенеза практически всех известных бактериальных инфекций является бактериемия. Проникновение возбудителя в циркулирующую кровь ведёт к генерализации инфекционного процесса, способствуя распространению инфекционного агента в органах и тканях организма и взаимодействию микроорганизма с клеточными и неклеточными компонентами крови и, соответственно, инициации процессов специфической иммунной защиты. При антибиотикотерапии, особенно длительной, нарушаются гистогематические барьеры и через стенку кишечника микробная флора, в том числе сапрофитная, проникает в кровь¹⁸. В основе развития дисбактериоза лежит

микроэкологический дисбаланс, при котором представители патологической аутофлоры или внешней среды приобретают доминирующее положение в микробиоценозе. Нарушения микроэкологии кишечника в результате срыва адаптационных, защитных и компенсаторных механизмов обуславливают широкий спектр клинических проявлений дисбиоза. В свою очередь, дисбиотические нарушения микрофлоры являются предвестником изменений в клинико-физиологическом статусе организма, которые отягощают течение основных заболеваний человека и затрудняют его выздоровление. Особую значимость в медицинской практике последних лет приобретают смешанные микст-инфекции, при которых клиническая картина дисбактериоза часто обусловлена (и потому «смазана») сложными процессами взаимодействия нескольких инфекционных агентов.

Дисбактериоз является мощным фактором развития патологии человека, главным образом, эндогенных инфекций, возникающих в результате нарушения антибиотиками нормальных экологических условий существования микрофлоры («лекарственная болезнь»). При этом нарушается барьерная роль кишечной стенки, и кишечник становится входными воротами инфекции. Общей чертой различных видов микроорганизмов, принимающих участие в развитии патологических процессов, является их малая чувствительность к антибиотикам, т.к. часто эти микробы становятся возбудителями на фоне применения последних.

Опыт хирургии, особенно абдоминальной, связанной с санацией брюшной полости, отчётливо высветил проблему экспресс-диагностики микробного фактора в организме человека и вывел на первый план восстановительного лечения композиции адсорбентов и пробиотиков с целью воспрепятствования образованию или разрушения патологических биоплёнок на слизистых оболочках и кровеносных сосудах организма, в первую очередь желудочно-кишечного тракта. Создание профессиональной и адекватной концепции послеоперационного восстановления микрофлоры, а также связанного с нею функционирования печени и здоровья сосудов – социальная задача громадного масштаба. Её реализация позволит уменьшить масштабы сердечно-сосудистых заболеваний – главной причины инвалидизации и преждевременной смертности современного человечества.

В контексте фундаментальной философской концепции И.В.Давыдовского, рассматривающей воспаление как интегративную реакцию всего организма на внешнее или внутреннее стрессовое воздействие¹⁹, эволюционно древнейшей ареной противоборства защитных сил организма и патогенных агентов выступают желудочно-кишечный тракт, а также непосредственно связанная с нею кровеносная система. Последняя выполняет функцию транспортировки не только питательных веществ и кислорода, но и патогенных бактерий из органа – мишени заболевания по всему организму, создавая опасность полиорганной недостаточности. Между тем целый ряд ещё совсем недавно казавшихся аксиоматическими положений микробиологии в свете новых открытий безнадежно устарел. К ним относится, например, державшийся в течение XX в. тезис о принципиальной невозможности обитания бактерий в кислой среде желудка, увенчанное в 2005 г. Нобелевской премией открытие *Helicobacter pylori* доказало обратное. Та же участь постигла представление о бактериальной стерильности крови в норме, которое доказательно опровергается авторитетными исследователями и с теоретической стороны, и со стороны интенсивной клинической практики в абдоминальной хирургии.

Несмотря на успехи медицинской науки и усилия медиков, уровень популяционного здоровья человечества неизменно снижается главным образом за счёт новых инфекций и психических расстройств. По данным ВОЗ, к 2020 г. расходы на медицину в её нынешнем виде могут достичь уровня современного бюджета стран Евросоюза. А с учётом экономического и финансового кризиса мирового капитализма, ударившего по всем странам планеты, эта планка будет достигнута ещё раньше.

К тому же лечиться сегодня – в эпоху коммерческой организации медицины – не только дорого и не всем доступно, но и опасно. Гораздо надёжнее беречь то, чем одарили нас природа и предки, корректируя психофизиологический фундамент своего организма, прислушиваясь к его сигналам и не доводя его, по возможности, ни до соматического стационара, ни до хирургического стола, ни до психиатрической клиники. Тем более, что нынешний болезненный и нервный переход к новой – инфо-бионаноцивилизации грозит превратить человечество в обитателей «планеты болезней»,

и лишь тем, кто внимлет разуму естественной природы человека, уготован шанс попасть в ковчег «планеты здоровья», за которой будущее человеческого рода.

На наших глазах рождается **синтез микробиологии и хирургии как необходимого этапа восстановительной медицины**, расширяющий горизонты, возможности, перспективы и социальную значимость последней. На самой современной теоретической и клинической основе, по сути, происходит диалектическое возвращение (в духе гегелевского закона отрицания отрицания) к гиппократовской концепции целостности организма, к лечению человека, а не постигших его патологий, к «медицине здоровья», диалектически дополняющей во многом одностороннюю патологоцентристку «медицину болезней».

Примечания

- ¹ *Брехман И.И.* Валеология – наука о здоровье. Владивосток, 1992.
- ² *Разумов А.Н., Пономаренко В.А., Пискунов В.А.* Здоровье здорового человека. Основы восстановительной медицины. М., 1996.
- ³ См.: *Григорьев А.И., Баевский Р.М.* Концепция здоровья и космическая медицина. М., 2007. С. 26–31, а также работы К.В.Судакова.
- ⁴ *Андреев И.Л.* Проблема здоровья человека // *Вестн. РАН.* 2008. № 8. С. 726–733.
- ⁵ Здоровье здорового человека. Научные основы восстановительной медицины / Гл. ред.: А.Н.Разумов и В.И.Покровский. М., 2008.
- ⁶ *Бухарин О.В и др.* Механизмы выживания бактерий. М., 2005.
- ⁷ Лазерная флюоресцентная диагностика в медицине и биологии. Теория и возможности применения. М., 2007. С. 95–105.
- ⁸ *Степанов Е.В.* Определение изотопического соотношения углерода C-13/C-12 в выдыхаемой двуокиси углерода методами диодной лазерной спектроскопии // *Тр. Ин-та общ. физики имени А.М.Прохорова.* Т. 61. М., 2005. С. 211–252.
- ⁹ *Андреев И.Л., Шабанова И.Ф.* Питание как микробиологическая связь организма человека со средой обитания и эволюцией живого // *Человек вчера и сегодня.* М., 2008.
- ¹⁰ *Андреев И.Л.* Человек и бактериальный мир: проблемы взаимодействия // *Вестн. РАН.* 2009. № 1. С. 41–49.
- ¹¹ *Андреев И.Л., Шабанова И.Ф.* Микробиологические проблемы хирургии в свете восстановительной медицины // *Вестн. РАН.* 2008. № 6. С. 559–561. *Microbiological Problems of Surgery in the Light of Restorative Medicine // Herald of the Russian Academy of Sciences.* Vol. 78. № 3. May–June 2008. P. 325–327. Printed in USA), а также: Хирургические инфекции / Под ред. И.А.Ерьюхина,

- Б.Р.Гельфанда, С.А.Шляпникова. М., 2006; *Савельев В.С., Петухов В.А., Магомедов М.А.* Липидный дистресс-синдром. М., 2007; *Еряхин И.А. и др.* Абдоминальная хирургическая инфекция: современное состояние и ближайшее будущее в решении актуальной клинической проблем // *Инфекции в хирургии.* 2007. Т. 5. № 1. С. 6.
- 12 *Шабанова И.Ф.* Применение пробиотиков и лазерных флюоресцентных технологий для повышения эффективности лечения больных с гнойной хирургической инфекцией // *Лазерная флюоресцентная диагностика в медицине и биологии. Теория и возможности применения.* М., 2007. С. 95–105.
- 13 См., например: *Tannok GW*, ed. *Probiotics and Prebiotics: Where are We Going?* Gaister Academic Press? Wymondham UK, 2002.
- 14 *Савельев В.С., Петухов В.А., Магомедов М.А.* Липидный дистресс-синдром. М., 2007. С. 391.
- 15 *Пальцев М.А.* О биологической безопасности // *Вестн. РАН.* 2003. № 2.
- 16 *Андреев И.Л.* Иное лекарство опаснее болезни // *Российская Федерация сегодня.* 2007. № 13. С. 58–63.
- 17 См.: *Диденко Л.В.* Ультроструктурный анализ как метод изучения бактериемии при инфекционных заболеваниях // *Вестн. РАМН.* 2000. № 11. С. 29–33, а также: *Еряхин И.А., Шляпников С.А., Ефименок Н.А.* Хирургическое лечение сепсиса // *Инфекции в хирургии.* 2004. № 2. С. 18–20; *Петухов В.А. и др.* Синдром кишечной недостаточности в экстренной хирургии брюшной полости: Усовершенствованная медицинская технология / Под ред. В.С.Савельева. М., 2006.
- 18 *Шабанова И.Ф.* Восстановительное лечение хирургических пациентов пробиотиками // *Материалы Всерос. научн. форума по восстановительной медицине, лечебной физкультуре, спортивной медицине и физиотерапии.* М., 2008. С. 294–295.
- 19 *Давыдовский И.В.* Проблемы причинности в медицине. М., 1962; *Он же.* Приспособительные процессы в патологии // *Вестн. АМН.* 1962. № 4. С. 35.

ТРАДИЦИОННОСТЬ И НОВАТОРСТВО В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ: МНОГООБРАЗИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Владислав Келле

Историческое многообразие как проблема методологии

Изучение и объяснение многообразия исторического процесса – фундаментальная проблема исторической науки. Прямое и непосредственное отношение к этой теме имеет и социальная философия, поскольку от нее во многом зависит качество того методологического инструментария, которым будут пользоваться историки. Методология в процессе познания выполняет две основные функции. С ее помощью субъект познания фиксирует фрагмент реальности как предмет исследования. И, во-вторых, методология, исходя из имеющейся в ее распоряжении картины мира, определяет общую направленность конкретного познавательного процесса.

Требует пояснения также выражение «историческое многообразие». Конечно, речь не идет просто об эмпирическом многообразии. В триаде «общее–особенное–единичное» выделим *особенное*. Оно обозначает исторически значимое многообразие в массовых процессах. Проблема соотношения единства и многообразия истории в логике выступает не только как единое и многое, но и как соотношение общего и особенного. Особенное связано с чувственным эмпирическим миром и одновременно является продуктом абстракции.

И культура, и история – творение людей, процесс и результат их деятельности, в том числе творческой. А творчество есть всегда *созидание нового*. Ныне существо этого творческого начала требует переосмысления. Дело в том, что развитые страны в ка-

честве главного вектора своего экономического развития избрали путь создания *инновационной экономики*. Это означает, что человечество доросло до такого уровня, когда творчество становится повседневной нормой и императивом производственной деятельности. Такого в истории еще не было.

Россия включается в этот процесс. Начало нового тысячелетия ознаменовалось для нее важнейшим событием (которое, правда, для многих прошло незамеченным, а некоторые отнеслись к нему весьма скептически) – судьбоносным стратегическим выбором инновационного пути развития. На самом высшем уровне было официально объявлено, что нет у России иного пути, кроме создания инновационной экономики.

Полагаю, что все это дает основание посмотреть в исторической ретроспективе, как формировалось многообразие истории, какие периоды человечество пережило, поднимаясь на современный уровень созидания нового.

Автор исходит из того, что собственно история человечества началась с переходом к цивилизации и появлением письменности, что истории предшествуют периоды доистории и предыстории.

Доистория

Становление культурного многообразия

Первобытная культура очень консервативна и в обычных условиях практически не приемлет новаций. Их появление всегда связано с какими-то внешними влияниями на жизнь первобытного коллектива.

Началом культуры можно считать появление у предка человека орудий труда – предметов природы, обработанных им для выполнения определенных функций. Их появление наука оценивает как решающий шаг в его выделении из животного мира. Биологическая эволюция для него еще продолжалась. Но теперь биология начала работать на создание *человеческого* организма (прямохождение, развитие руки, мозга, органов речи и т.п.), формируя живое существо, способное *творить культуру*, создавая тем самым предпосылки для его постепенного отделения от животного мира.

Как живой организм человек включен в биосферу Земли. Но есть грань, принципиально отделяющая его от всей остальной биосферы, – его *универсальность*. Человек универсален в двух отношениях. Во-первых, развитие способности к труду и наличие культуры способствовали освобождению его организма от жесткой привязки к узким естественным условиям существования. Во-вторых, универсальность человека выражается в его способности к объективному познанию мира. Эта способность также формируется в процессе труда.

Для диких животных объект существует как пища или опасность, т.е. будучи соотнесен с его биологическими потребностями или инстинктами. В ходе трудовой деятельности человек вступает в принципиально иное отношение с природой. Труд порождает потребность в познании природных объектов, их свойств самих по себе. Именно на этой когнитивной основе создаются средства деятельности, с помощью которых можно достигать желаемых результатов – производить и использовать орудия труда, предметы быта, добывать пищу и т.д., возможны адекватная реакция на свойства и воздействия окружающей среды, сами целесообразные действия. *Без объективных знаний* сознательная целесообразная деятельность – тот вид активности, который присущ только человеку, была бы невозможна.

Особенности и потребности практического материального взаимодействия с природой явились мощной детерминантой социогенеза, ибо труд объединял людей, и в процессе труда складывались общественные отношения, а также формировалась психика человека, развивалось логическое мышление, связанное возможностью абстрагирования и оперирования представлениями и понятиями, с сознательной постановкой целей. Процесс этот длился миллионы лет и *Homo sapiens* уже мог пользоваться его плодами.

Однако человеческая активность по отношению к природе в условиях первобытности создавала предпосылки не только для обретения знания, но и для появления иллюзорного мифологического сознания. Как это понять?

Взаимодействуя с природой, человек первоначально, как известно, не выделял себя ни из природы, ни из коллектива. Это выражалось в самых разнообразных формах, но их общей основой было то, что свою собственную активность, свое деятельное

начало он находил и в природе. По его представлениям, природа активно реагирует на действия людей, ей присущи стремления и желания, а предметы природы – также продукты чьей-то деятельности. Следствием именно этой бессознательной установки было перенесение на природу человеческих качеств, анимизм и антропоморфизм.

По мере того, как в ходе антропогенеза труд, как практическая орудийная деятельность, расширял пространство для творчества культуры, происходило постепенное затухание биологической эволюции человеческого организма. Но ее завершение стало для человека не прекращением его дальнейшего развития, а переходом на уровень социокультурного развития человеческого общества.

Появление и закрепление нового, преемственная связь, образующая непрерывную нить развития, – элементы любого процесса развития. Их в специфическом виде включал в себя механизм биологической эволюции. Человеческий мир, выйдя за ее пределы, обрел для осуществления этой функции *надбиологические механизмы культуры*, тем самым принципиально изменив сам тип эволюции, в результате чего перед ним открылись новые грандиозные возможности и перспективы.

Вероятно, *Homo sapiens* возник где-то в одной точке, и постепенно заселил планету. Функция адаптации к среде перешла *от биологии к культуре*. Адаптивная роль культуры ярко проявилась в эпоху первобытности, поскольку позволяла приспосабливаться к разнообразным условиям среды в пространстве и ее изменениям во времени. Именно культура предоставила людям возможность существовать в самых разных климатических условиях, расселиться по разным регионам и континентам, расширив до планетарных масштабов область ойкумены.

Домом человечества стала вся Земля. При этом каждое человеческое сообщество способ своего существования адаптировало к конкретным условиям среды – климату, характеру пищи, условиям обитания и т.д. Если на биологическом уровне приспособление состояло в изменении самого организма (например, вид и разновидности), то у человека менялись способы существования и деятельности, т.е. менялась культура. Изменения биологические тоже имели место, но были столь несущественны (цвет кожи, разрез глаз и т.п.), что для эволюции значения не имели. Но если

культура служила средством адаптации к различным и меняющимся условиям среды, то *культурное многообразие изначально было свойственно человечеству*.

Многообразие культур соотнесено в первую очередь с разнообразием природных условий существования людей. Каждая культура формируется в процессе приспособления человека к окружающим условиям, является продуктом его адаптации к среде обитания. Это приспособление оказывается по-своему совершенным и тонким. Но эта своеобразная адекватность оборачивается консервативностью. Если среда остается постоянной, то у культуры не возникает внутренних стимулов к развитию¹. Это касается особенно тех культур, которые относительно изолированы от воздействия других более развитых обществ. Например, островные культуры или культуры племен, живущих в джунглях, как бы застывают в своем бытии и могут пребывать в таком состоянии века и тысячелетия. Этим, в частности, можно объяснить, почему до нашего (или недавнего) времени сохранились сообщества людей каменного века. К сожалению, «встреча» с цивилизацией для них имела в большинстве случаев трагические последствия: работорговля в Африке, история вымирания аборигенов Северной, Центральной и Южной Америки и т.д.

Общие черты и многообразие особенных культур обусловлены также единством происхождения и многообразием потребностей субъекта – человека как деятельного биосоциального существа. Ученые обнаружили удивительное сходство, всеобщее распространение некоторых компонентов и материальной и духовной культуры. Такое единство наблюдается применительно к примитивным орудиям и оружию, украшениям и предметам быта. Ножи, топоры, дубины, копья, средства метания камней или дротиков имеют всеобщее распространение. Похожие браслеты, подвески (серьги и др.), кувшины встречаются у племен, никогда не вступавших в общение. Конечно, имеются региональные особенности (бумеранги у австралийцев), но это не меняет общей картины.

Также все примитивные культуры строятся на основе магии, знахарства, обрядов и ритуалов, которые сопровождали все проявления жизни первобытного человека от рождения до смерти. Добывание пищи (охота, рыболовство, собирательство), отношения полов, рождение и смерть человека, уход из жизни, конечно, не

могли не подвергаться мифологической интерпретации, не порождать разнообразные мифы и связанные с ними обряды и ритуалы, определявшие и обуславливающие соответствующее восприятия мира. Этот слой культуры влиял и на действия людей, подчас в большей степени, чем объективные свойства самой реальности.

Таков был первый вид культурного многообразия, становление которого относится еще к доистории человечества.

Предыстория

Становление исторического многообразия

Началом предыстории явилось разъединение первоначально слитых друг с другом биологической, культурной и социальной сторон жизни общества. Этот перелом был вызван грандиозным событием в жизни всего человеческого рода – неолитической революцией, содержанием которой было создание шлифованных (неолитических) орудий, т.е. новых технологий, и переход к *производящей* экономике – земледелию и скотоводству – которая уже не укладывалась в рамки родового строя.

Неолитическая революция задала вектор развития всей последующей истории человечества.

Эволюция прежних форм организации общественной жизни во многом зависела от роста населения. Родовой строй перерос в родоплеменной, затем появились союзы племен. На этом расширение сферы биосоциальных отношений завершилось. Начался распад родового строя. Место рода и племени у земледельцев заняла сельская соседская община, т.е. объединение людей, не связанных узами родства. Произошел разрыв родственных связей и их замена экономическими и социальными отношениями в рамках земледельческой общины, народности, этноса, а принцип родства продолжал действовать в сфере семейных отношений. Однако пережитки родовых связей, как правило, сохранялись весьма длительное время.

Предметы материальной культуры, созданные человеком для воздействия на природу с целью извлечения средств существования, превращаются в производительные силы общества, решаю-

щим образом воздействующие на характер социальных отношений, в которых главную роль стали играть отношения собственности. Общественное разделение труда и рост производительности труда вызвали обмен продуктами и накопление излишков, появление обмена, рынка, денег, богатства, захватов и грабежей. Уже не скальп противника, а захват его богатств становится свидетельством военной победы. Возникла и быстро реализовалась возможность экономического неравенства. Рассыпалось первобытное равенство. А оно было одним из условий существования этого общества.

Если в период доистории происходило становление культуры и формирование ее многообразия, то предыстория – это становление и формирование первоначального многообразия *общественных отношений*. Их отделение от биологических было процессом постепенным, но безвозвратным. Их доминантой становился характер трудовой деятельности человека, определяемый используемыми средствами труда.

Известно, что перенесение биологических отношений на общество и подмена ими отношений социальных, типична для некоторых биологизаторских теорий (социал-дарвинизм, социобиология и др.). С другой стороны, этологи, например, склонны социальные отношения переносить в животное стадо. Но то и другое неприемлемо. Говорить можно о переходе от биологических связей к социальным отношениям, об их взаимодействии, но не о подмене или отождествлении.

Более зримо эта идея иллюстрируется на материале культуры. Как мы видели, адаптивная функция биологической эволюции переносится на культуру, и это совершенно меняет характер самой эволюции. Адаптация осуществляется с помощью совершенно иных механизмов и приводит к иным результатам. Этот же ход мысли полностью применим, когда речь идет о *переходе* от биологических связей в животном мире и общественных отношениях в мире человеческом. Биологические связи регулируют отношения, например, в стаде животных, опираясь на биологические потребности и используя биологические механизмы. В обществе социальные связи регулируют отношения между людьми, используя социальные механизмы. Конечно, от биологии человек уйти не может. Он – живое существо. Но биология присутствует здесь в снятом виде.

Если первоначальное многообразие культур имеет своей основой *пространственное* многообразие планеты, по которой расселялся человек, то *историческое* многообразие вырастает, когда к нему добавляется *развитие во времени*. Следствием их объединения является *неравномерность* исторического развития. Одни народности или этносы забегают «вперед», когда условия для их развития более благоприятны для развития земледелия или скотоводства, другие отстают, в одних местах расширяются экономические связи, обмен, торговля, другие живут более изолированно, в одних регионах идут разорительные войны, другие более спокойны и т.п. *Неравномерность* является одним из существенных источников исторического многообразия. Адаптация здесь тоже имеет место, но приспособление идет не к природе как таковой, а к условиям существования, созданным человеком, к его деятельности и ее результатам.

Для рассматриваемой методологической проблемы весьма существенно различие между творчеством культуры и творчеством истории. На первый взгляд, кажется, что оно очевидно. Одно дело – создание художником произведения искусства, и совсем другое – принятие политического решения, влияющего на судьбы миллионов людей, или какое-то массовое движение. Но ясное на быденном становится весьма замутненным на теоретическом уровне. Согласно некоторым концепциям, деятельность как таковая является последней инстанцией исторического развития, как это имеет место в творчестве культуры. Поэтому эмпирически очевидное различие на уровне теории требует концептуального решения. Рассмотрим эту тему.

С созданием художником нового произведения еще не завершается культуротворческий процесс. Произведение должно пройти испытание массовой и профессиональной критической оценкой, доказать свое право войти в состав культуры – памяти человечества. Иначе говоря, происходит отбор, в ходе которого отбрасывается, предается забвению все, что не удовлетворяет действующим критериям.

Модель исторического творчества совершенно другая. Действие здесь также не является последней инстанцией. Творчество человека вносит нечто новое и производится его отбор. Но включается это действие в историю или нет, вызывает какие-то последствия или

бесследно исчезает, определяется не только сознательно, но и вне, и помимо воли и сознания людей, под влиянием силы, сложившейся как некая равнодействующая множества волей, как детерминированная чем-то непредвиденным, случайным. Человек должен считаться с объективными силами, условиями, закономерностями, чтобы действовать успешно. Иначе результаты будут обратными поставленным целям.

Какое бы многообразие в объективной реальности мы ни рассматривали, оно всегда будет обозначать один полюс. Другим полюсом является единство. Одно предполагает другое. *И культура, и история представляют собой единство многообразия.* Выделение какой-то одной стороны всегда есть результат абстрагирования от другой, т.е. оно возможно только в познании.

Наконец, следует иметь в виду, что практика двояка. Она складывается из продуктивной, творческой, креативной и репродуктивной, алгоритмичной стандартизированной деятельности. Уникальные результаты творчества культуры тиражируются, чтобы они вошли в культуру. Повседневное бытие людей требует постоянного воспроизводства необходимых благ и условий жизни. Продуктивная деятельность всегда сопровождается репродуктивной. Творческие огоньки вспыхивают в *отдельных точках* общего процесса социального воспроизводства.

История

Традиционные цивилизации

Экономической основой традиционного общества является ремесло и земледелие, использующее ремесленные орудия труда, а производственные технологии формируются здесь на основе чисто эмпирических обобщений, не связанных с научным знанием. Сами знания носят рецептурный характер. Средства сообщения и товарное производство развиты слабо, народы и страны живут своей жизнью, обособленно. В сельской местности доминирует натуральное хозяйство. Образ жизни застойный – из года в год один и тот же цикл, задаваемый природой.

Но культурное и социальное разнообразие намного богаче по сравнению с предшествующей эпохой. Отделение города от деревни, умственного труда от физического, выделение торговли в самостоятельный вид деятельности, возникновение государства и всего политико-правового комплекса с его формами организации – все это открыло принципиально новые возможности для развития общества и его культуры.

Здесь особо нужно сказать о создании письменности. Эта новация впервые позволила эпохе выразить самой и сделать доступной другим свой субъективный мир, зафиксировать и обозначить события, которые повлияли на жизнь данного общества, назвать имена действующих лиц.

Дописьменные времена не были полностью немymi. По остаткам материальной культуры можно было судить об образе жизни первобытного человека, но ни его язык, ни его мысли и переживания не были доступны, оставались скрытыми в толще времени. Вместе с письменностью голос эпохи прорвался к нам через эту толщу, правда, только знаками, но не звуками. Но это и стало подлинным началом истории.

Вообще, цивилизация – это способ существования людей в условиях общественного разделения труда. Она представляет собой социокультурное образование, объединяющее людей с помощью определенной и достаточно сильной и развитой культуры. Именно культура является формообразующим началом цивилизации.

Доиндустриальное общество, о котором сейчас идет речь, скрепляется устойчивыми традициями, мало поддающимися изменению. Новации здесь редки, они отвергаются, ибо изменения нарушают традиции, разрушают сложившийся уклад жизни. Поэтому доминирует консервативная традиция. Общество сопротивляется нововведениям.

Из всех форм духовной культуры выделяется религия как главная господствующая и всеобъемлющая форма, подчиняющая и преобразующая на свой лад все остальные. Мораль, право, искусство могут свои функции выполнять лишь с санкции религии и в угодных ей способах проявления. Поэтому нет ничего удивительного в том, что А. Тойнби, развивший одну из самых популярных концепций локальных цивилизаций, делил их на основе различий в доминирующих религиях. Выбору этого критерия способствовало также то, что сам он был человеком религиозным.

Наиболее интенсивно теории локальных цивилизаций развивались, начиная со второй половины XIX в. Они акцентировали внимание на *многообразии* культурно-исторических целостностей, выделяли социальное значение культуры, ее влияние на ход истории, считали каждую культуру особенной, неповторимой, самодостаточной и самоценной, а развитие истории рассматривали как развитие и смену локальных культур и цивилизаций. Проблема *единства* исторического процесса либо оставалась в тени, либо отрицалось само наличие такого единства. Поскольку авторы этих концепций придерживались различных социально-политических ориентаций, сами эти теории нельзя связывать с какой-то конкретной политической программой. А в чисто когнитивном плане их заслугой можно считать, что они способствовали утверждению идей социальной значимости и равенства различных культур, их права на существование. Но отрицание или недооценку идеи единства исторического процесса историческая наука не принимает. Поэтому утвердилось критическое отношение к концепциям локальных цивилизаций. Признается, что они содержат ценные для науки идеи, но в целом их подход к истории не может быть положен в основу теории исторического процесса, прежде всего потому, что направлен против признания его единства. С другой стороны, распространенной в прошлом ошибкой являлась трактовка единства исторического процесса как однолинейного развития, отрицание вариативности истории.

Каждая локальная цивилизация переживает свой цикл развития: возникновение–расцвет–старение–гибель. Некоторые цивилизации гибли в результате завоеваний или по другим причинам, не пройдя полный цикл. Идея цикличности присутствует не только в цивилизационных теориях. Задолго до их появления Д.Вико в своей философско-исторической концепции проводил мысль, что каждый народ переживает детство, юность, зрелость и старость. Для цивилизационного подхода эта идея оказалась очень продуктивной. Она позволила разделить все цивилизации на живые и мертвые. У А.Тойнби, например, из признанных им 21 цивилизаций подавляющее большинство являются уже мертвыми. Но каждая цивилизация внесла свою лепту в культуру, в многообразие исторического процесса, оставила в нем собственный, неповторимый след.

Техногенные цивилизации

Эпохи Возрождения, Просвещения и промышленная революция, начавшаяся в Англии в конце XVIII в., заложили социокультурные и технологические предпосылки для формирования цивилизации *нового типа*, получившей ныне название *техногенной*². Переход от традиционной к техногенной цивилизации происходил в рамках европейской цивилизации, но с самого начала вышел за локальные рамки. Речь шла не о переходе к иной локальной цивилизации, а о формировании совершенно нового *типа цивилизационного развития*, который мог стать новой базой для становления целой группы техногенных цивилизаций. Принятие этой точки зрения позволяет переинтерпретировать всю историю последних столетий³.

Цивилизация нового типа обладала рядом особенностей, которые позволили ей за короткий исторический срок занять ведущее место в мире. Прежде всего, в отличие от традиционного общества техногенная цивилизация ориентирована на постоянное движение, изменение существующей материальной базы, на ассимиляцию новаций. Они не разрушают это общество, а являются условием его нормального бытия. Напротив, остановки в развитии ведут к застою, стагнации, распаду. Соответственно, в нем появляются новые системы ценностей и формируется новый тип личности.

Цивилизация нового типа соединяет техническое преимущество перед всеми формами традиционных обществ, которое давало индустриальное производство, со стремлением к внешней экономической экспансии и агрессивностью, к захвату новых земель и эксплуатации покоренных народов. Все это вело к формированию колониальных империй, дележу мира между развитыми государствами и войнам между ними за передел уже поделенного мира. Эта тенденция развития завершилась Второй мировой войной и научно-технической революцией. Дальше она продолжаться не могла, поскольку было создано оружие, способное уничтожить на Земле все живое.

Первоначально распространение индустриального производства и европейской культуры было воспринято одними как необходимая, другими – как недопустимая вестернизация, как навязывание другим культурам образцов, характерных для европейского образа жизни с его системой социальных институтов, норм и цен-

ностей. Конечно, все это было. И обвинения Запада не беспочвенны. Но на самом деле оказалось, что за этими процессами кроются гораздо более глубокие проблемы.

Нужно различать *тип и форму* цивилизации. Тип цивилизации и цивилизационного развития определяется ее материально-технологической базой, т.е. ее объективными возможностями для деятельности в социально-экономической сфере, которыми она располагает. Форма же цивилизации, как уже говорилось, вытекает из особенностей ее культуры, и прежде всего, культуры духовной. В концепциях локальных цивилизаций отразился тот факт, что создатели концепций сосредоточили внимание именно на культуре. И это естественно, ибо она определяла специфику локальной цивилизации. А поскольку все цивилизации, за исключением европейской, принадлежали традиционному обществу и в этом выражалось то общее, что их объединяло, то данное обстоятельство вообще игнорировалось в их теоретических построениях.

С развитием промышленного производства, независимо от его социального облачения, типологические характеристики цивилизации вообще выдвинулись на первый план. Но в общественном сознании этот процесс отразился как распространение локальной европейской цивилизации. Иначе говоря, тип цивилизации был воспринят как форма. Отсюда и возникло понятие *европоцентризма* в его негативной трактовке.

Однако в послевоенном мире вместе с информационной революцией, бурным развитием новых технологий, распадом колониальной системы и холодной войной постепенно стали выявляться скрытые ранее параметры техногенной цивилизационной парадигмы.

Перед странами, освободившимися от колониального ига, остро встал вопрос о преодолении их экономической отсталости, как условия преодоления бедности. Но для этого надо было развивать собственное современное производство, т.е. опять-таки обращаться за помощью к экономически развитым странам Европы и Америки. Без них решить эту проблему отсталым экономикам было невозможно. Передовые страны сами формировали международные программы помощи странам «третьего мира».

Но, с другой стороны, приход в этот мир экономики и культуры развитых стран мог стать угрозой для традиционной этнической культуры. Отсюда неприятие массовой западной культуры

в этом мире. В то же время картина создается очень пестрая. Так, страны Черной Африки и арабский мир, города и сельские поселения по-разному реагируют на приход иноземной культуры. Но опыт свидетельствует, что политика, не считающаяся с особенностями культуры и привычным образом жизни народов развивающихся стран, не достигает поставленных целей. Первая волна послевоенной модернизации потерпела полный крах. Если заострить проблему, то можно сказать, что возникла совершенно тупиковая ситуация: оказалось невозможным безболезненно ни принять, ни отвергнуть технико-экономическую помощь Запада.

Первенство в определении путей выхода из этого тупика принадлежит странам Восточной Азии, и прежде всего Японии. Хотя она уже до войны имела свою промышленность, но военные разрушения и почти полное отсутствие природных ресурсов поставили ее в очень тяжелое положение. И страна стала искать решение своих экономических проблем на путях технологического прогресса. Огромные средства государство тратило на покупку лицензий. Новые технологии японские фирмы и их эмиссары искали по всему миру. Государство строго следило за тем, чтобы эти технологии становились достоянием не одной, а многих фирм, поднимали уровень производства в стране.

Второй, а может быть, и первой по значению опорой экономического роста было развитие образования, подготовка профессиональных кадров, способных работать с новой техникой и организовывать производство. Эта политика принесла свои плоды. Япония преодолела разруху и вскоре стала одним из лидеров экономического роста. И, что очень существенно для нашей темы, эти процессы не подорвали значения и влияния традиционной национальной духовной культуры. Япония сблизилась с Западом, но не стала страной европейской культуры, осталась особой цивилизацией. Аналогичную модель использовал ряд малых стран этого региона – Южная Корея, Тайвань и др., а с конца 1970-х гг. по этому пути пошел Китай с его древнейшей духовной культурой, от которой он и не намерен отказываться во имя технологического прогресса.

Таким образом, сама жизненная практика доказала, что типологические характеристики техногенной цивилизации вполне соединимы не только с европейской духовной культурой. Различные

локальные цивилизации способны формироваться не только на традиционной, но и на техногенной основе. И в этом случае образование цивилизации возможно, если существует достаточно мощная культура, способная выполнить функцию формообразования, придать цивилизации конкретную специфику.

Из всего этого следует вывод, что многообразии цивилизаций – факт не только исторического прошлого. Локальные цивилизации вовсе не стремятся уйти с исторической арены. Они утверждают свое бытие и в настоящем, на новой основе. При этом они сталкиваются с тем, что удержать свою специфику становится все труднее, ибо в мире резко возрастают интегративные тенденции – экономические связи, взаимодействие культур и особенно развитие информационных технологий. Набирают силы процессы глобализации. В этих условиях, чтобы сохраниться, надо либо выключиться из этих процессов, либо уметь им и следовать, и противостоять. На это способны далеко не все культуры. Но цивилизация существует, если образующая ее культура обладает качественной границей, ограждающей ее от волн глобализации. Именно этот фактор позволяет сохранить многообразие цивилизаций техногенного типа.

Возникает вопрос о будущем этого многообразия: или оно останется на всю обозримую перспективу, или произойдет слияние национальных и цивилизационных культур и их заменит единая мировая цивилизация единого человечества, как предполагали еще основоположники марксизма.

Второй вариант в наше время выглядит утопичным, и потому цивилизацию будущего, видимо, можно представить, как и современную, в виде *единства многообразия цивилизаций техногенного типа*⁴. Ведь слияние культур равнозначно огромным культурным потерям для человечества, которое лишается своего красочного культурного многообразия, становится серым и одноликим. Признать подобную перспективу возможно только, если согласиться с тем, что цивилизация стареет и движется к своему концу. Но если цивилизация одна, значит, конец ожидает и само человечество. Печальный финал! Но эта мыслимая тенденция является косвенным доказательством того, что многообразие культур и цивилизаций есть выражение жизненной энергии человеческого рода, а признание сохранения его в будущем – утверждением оптимистического взгляда на перспективу.

Но различия ведут к противоречиям. При наличии мощной техники, которой владеет человечество, нельзя допускать разрастания *межцивилизационных противоречий*. Решение этой задачи становится одним из условий выживания человеческого рода. Актуальность этой темы подтвердил тот широкий отклик во всем мире, который получила публикация в 1993 г. статьи американского политолога С.Хантингтона «Столкновение цивилизаций?»⁵. Это было предупреждение Западу не обострять отношения с мусульманской цивилизацией. Но тогдашняя американская администрация не прислушалась к этому предупреждению. Однако обсуждение этой темы стимулировало постановку вопроса о *диалоге культур* и цивилизаций, как противовесе их столкновению. ООН провозгласила его «ключевой проблемой современности»⁶. Диалог должен расширять сферу взаимопонимания и способствовать формированию общих ценностей и подходов к решению возникающих проблем. В этих условиях взаимодействие цивилизаций и диалог культур выдвигаются на первый план⁷.

Подведем итоги. Конечно, в мире сохраняются социально-экономические противоречия между классами, между богатым Севером и бедным Югом. В наше время с ними переплетаются и другого рода противоречия, вызванные различиями и различными условиями существования культур и цивилизаций.

Однако разрешения этих противоречий следует искать не в устранении различий, а в диалоге, с помощью которого достигается согласие между государствами, единство культур, смягчение и снятие межцивилизационных противоречий.

Наконец, имеется еще одна группа противоречий, касающихся естественных предпосылок и условий существования человеческого рода. Цивилизация должна устранить тот вред, который она нанесла природе, особенно в последние два столетия, установить с ней гармоничные отношения. Это очень трудная задача, ибо угроза экологической катастрофы реально нависла над человечеством. Так, Альберт Гор назвал глобальное потепление предупреждением о приближении «самой страшной катастрофы в истории человеческой цивилизации»⁸.

Будущее не сулит человеку покоя и разрешения всех противоречий. Цивилизация по-прежнему будет порождать противоречия, и люди будут искать пути и способы их преодоления. Но пока она

остается тем социокультурным образованием, в которое встроены и интегративные механизмы, призванные обеспечить возможность самосохранения и устойчивого развития человечества.

Примечания

- ¹ Характеризуя ранние первобытные культуры, Э.Тэйлор писал, что их рост «гораздо скорее может быть вызван иноземным влиянием, чем туземным. Культура есть растение, которое чаще бывает распространяемо, чем развивается само» (*Тэйлор Э. Первобытная культура*. М., 1939. С. 31).
- ² В нашу философскую литературу понятие техногенной цивилизации как особого типа цивилизационного развития, отличающегося от традиционного типа, ввел В.С.Стёпин. См.: *Стёпин В.С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации // *Вопр. философии*. 1989. № 10; *Он же.* Эпоха перемен и сценарии будущего. М., 1996. С. 30–43.
- ³ См.: *Дилигенский Г.Г.* «Конец истории» или смена цивилизаций? // *Цивилизации*. Вып. 2. М., 1993. С. 44–69.
- ⁴ «В условиях современной цивилизации, бесспорно, растет взаимозависимость государств. Но в то же время было бы неправильно относить к числу едва ли не главных ее последствий – нивелировку социокультурных различий между странами, принижение роли и значения своеобразия национально-исторических традиций народов... многообразие цивилизаций не только не ослабляет, а, напротив, еще более подчеркивает важность поисков путей укрепления их взаимопонимания и мирного сотрудничества» (*Тимофеев Т.* Введение // *Вызовы XXI века*. М., 2007. С. 9).
- ⁵ В 1996 г. С.Хантингтон издал книгу, в которой развил идеи статьи. Русский перевод см.: *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003.
- ⁶ *Диалог цивилизаций*. Повестка дня. М., 2005. С. 5.
- ⁷ По этому вопросу В.И.Толстых справедливо утверждает, что люди только начинают «солидарную ответственность за жизнь на планете Земля, которую еще предстоит превратить в общий дом всего человечества. Необходимой предпосылкой и условием становления и распространения такого мировоззрения является признание и сохранение многообразия мира, представляющего собой общечеловеческую ценность и гарантию устойчивости мирового социума» (*Диалог культур в глобализующемся мире*. М., 2005. С. 160).
- ⁸ *Гор А.* Неудобная правда. СПб., 2007. С. 2.

Юрий Гранин

Национальные государства в эпоху неолиберальной глобализации

Хотя слово «глобальный» употреблялось уже несколько веков в двух основных значениях¹, термин «глобализация» был введен в научный оборот лишь в 1961 г.² и с тех пор вплоть до начала 1980-х в качестве особого концепта в академических исследованиях не использовался. То, что потом многие стали называть «глобализацией», первоначально, на волне бума футурологии, в работах К.Гэлбрейта, З.Бжезинского, П.Дракера, Э.Тоффлера, Д.Белла и др. интерпретировалось как ожидаемый переход человечества к «новому индустриальному», «информационному», «технотронному» или «постиндустриальному» обществу за счет научно-технического прогресса и экспансии «мировой системы капитализма», распространению которой в планетарном масштабе мешало наличие СССР и «мировой системы социализма». И только после краха этих политических структур – оцененного как очевидное свидетельство победы западной (неолиберальной) модели экономического и политического развития – термин «глобализация» стал систематически использоваться и употребляться прежде всего в этом – неолиберальном значении, получившем в 1992 г. практическое воплощение так называемом Вашингтонском консенсусе – доктрине, неофициально разделившей человечество на страны «золотого миллиарда» и весь остальной («второй», «третий», «четвертый») мир, которому было предложено жить по рецептам МВФ и Всемирного банка, контролируемых США. С тех пор число публикаций, посвященных ставшей модной глобализации, рос-

ло в геометрической прогрессии, но ясности (и тем более единства взглядов) в понимании сущности, исторических форм, стадий и движущих сил глобализации это не прибавило. Глобализация как ключевая проблема современности стала излюбленным предметом исследования представителей самых разных идеологических направлений, ведущую роль в составе которых начиная с 1990-х гг. стал играть неолиберализм. Именно представители этого направления социально-философской, экономической и политической мысли заявили о конце «истории» и «национального государства», от которого, будто бы, «осталась лишь скорлупа». Остановимся подробнее на их аргументах.

* * *

Прежде всего, представители неолиберального подхода (П.Дракер, К.Омаэ, Дж.Сорос, Р.Райх и др.) выступают против сохранения суверенитета национального государства в его нынешнем виде и намечают для государств перспективу стать местными органами власти глобальной системы. П.Дракер, например, считает, что в формирующемся глобальном обществе знаний и глобальной экономике складывается новая система ценностей, в которой национальному государству места не будет. По его мнению, национальное государство – это отжившая форма, которая годилась для индустриального общества, но неприемлема для постиндустриального, в котором формирование управленческих институтов глобализации будет происходить не на государственной, а на корпоративной и сетевой основе³.

По мнению Дж. Сороса, доктрина суверенитета препятствует созданию эффективного международного механизма, способного не допускать падения уровня жизни и загрязнения окружающей среды. При этом Сорос совершенно произвольно изымает суверенитет из набора основных принципов классического либерализма, что явно противоречит историческим фактам⁴. Высказывания Сороса насчёт того, что можно свободно взламывать национально-государственный суверенитет, исходя из тех или иных глобализационных соображений, получили в литературе название «доктрина Сороса».

Солидаризуясь с ней, К.Омаэ прямо прокламирует «конец национального государства» и называет приверженность ему «картографическими иллюзиями» и «ностальгическими фикциями»⁵. По его мнению, нужно ослаблять национальные государства, поскольку они мешают бизнесу. На место государственного суверенитета должен стать суверенитет потребителя. Государства мешают транснациональным корпорациям удовлетворять потребителей, у которых сформирована глобальная система предпочтений. Омаэ считает необходимым разрушение архаических национальных чувств, т.е. социокультурных уз, которые мешают «подсесть» на потребление всё новых и новых товаров, производимых ТНК, а государство с его поддержкой национальной культуры как раз является гарантом поддержания национальной культурной среды. Как известно, важнейшей частью продукции ТНК, продвигаемой по всему миру, являются информационные технологии. В этом смысле совершенно не случайно, что компьютерные игры целенаправленно формируют привычку к пребыванию в фантастической реальности, в которой всё возможно и можно задать любые системы условий.

Омаэ приветствует подобную виртуализацию сознания и то, что она приводит к выключению молодёжи из потока социокультурной трансляции национального опыта предыдущих поколений. Однако глобальных потребителей в мире не так много, и в неолиберальных построениях Омаэ содержится поэтому изрядная доля утопизма. Правда, утопизм сразу исчезает, когда у Омаэ заходит речь о том, что государство «должно». Оно должно создавать удобную инфраструктуру и готовить работников для ТНК, которые, возможно, заинтересуются инвестиционными предложениями. Омаэ, естественно, признаёт, что средства на это государство должно извлекать из налогов на ТНК. Но, как известно, ТНК нацелены именно на уклонение от налогов, особенно в странах с развитым социальным сектором. Неолибералы любят бросать государственной системе обвинения в потворстве иждивенчеству, но для ТНК это характерно в большей степени.

Г.Киссинджер считает позитивным как то, что глобализация подрывает основы суверенитета национального государства вследствие беспрецедентной ликвидности глобального капитала, так и то, что это не касается главного «проводника» глобализации –

Соединённых Штатов. Важнейшим аргументом здесь оказывается то, сформировало ли государство нацию или является «несостоявшимся». «Несостоявшееся» государство – потенциальный объект «гуманитарной интервенции» для США и других стран, отвергающих принцип невмешательства. Вместе с тем Киссинджер осознаёт противоречие между безудержным стремлением капитала к прибыли и национально-государственной стратификацией политической реальности мира. Разделение на национальные сегменты – важнейшая характеристика политической реальности, что в свою очередь предопределяет ответственность правительств перед своим населением за уровень жизни. Правительство, идущее на низкий уровень жизни населения ради включения в глобальную экономику, не сможет удержаться у власти. Это ещё один источник возможной нестабильности государств⁶.

Неолиберал Р.Райх обосновывает тезис об исчезновении в глобальной экономике такой реальности, как «национальное хозяйство», что обесмысливает самостоятельную экономическую политику национального государства. В книге «Труд наций» Райх ярко и аргументировано обосновывает тот факт, что в глобальных производственных системах любой их сегмент не имеет национально-государственной принадлежности и не подконтролен регулирующим усилиям государств, на чьей территории он находится⁷. Однако Райх, пожалуй, преувеличивает роль сетевых структур, услуг, знаний и малых форм в современной экономике, которая продолжает оставаться корпоративной, но, как и прежде, во многом решает свои проблемы через те или иные государственные органы. Другое дело, что в новой экономике корпорациям стало удобнее выводить свои прибыли из-под государственного контроля, декларируя их в любой точке глобального потока, и прежде всего – в оффшорах.

В отечественной литературе критическую позицию по отношению к суверенитету национального государства занимают авторы неолиберальной ориентации В.Л.Иноземцев и С.А.Караганов. Они считают, что принцип национального суверенитета устарел, более того: его краткосрочное либо продолжительное ограничение будет способствовать преодолению экономических кризисов и финансовых катаклизмов⁸. В свою очередь, П.К.Гречко также уверен, что «национальный суверенитет отмирает», поскольку «исчерпал,

выработал свой социально-исторический и политико-правовой ресурс»⁹. На мой взгляд, здесь налицо явное стремление выдать желаемое за действительное. Если нужны меры для ограничения суверенитета, значит, он не отмирает, а вполне живуч, как и его субъект – национальное государство.

Поэтому гораздо ближе к истине представители так называемого трансформистского подхода, для которых глобализация является абсолютно новым феноменом. С их точки зрения, она представляет собой движущую силу всех современных изменений, в ходе которых осуществляется трансформация экономических и социально-политических границ. Одной из отличительных черт сегодняшнего мира, по их мнению, оказывается адаптация государств к новому миропорядку, в котором нет четкого разделения на внешнюю и внутреннюю сферы. Как пишет Э.Гидденс, вследствие того, что современные государства теснейшим образом связаны с региональными и транснациональными политическими и экономическими группировками и корпорациями, границы современных государств теряют статус жестких демаркационных линий. Скорее, их можно сравнить с «фронтами», отодвигаемыми по мере добровольного делегирования правительствами части суверенных полномочий в пользу наднациональных институтов и организаций¹⁰. Таким образом, глобализация ассоциируется с трансформацией, в том числе и государства¹¹.

Можно даже усилить этот тезис и заявить, что в современных условиях национальные государства не только не утратили свой политический потенциал, но и обрели в условиях современной глобализации «второе дыхание»¹², новые весьма значимые функции. Более того. Можно утверждать, что умаление роли национального государства в работах многих современных теоретиков и политиков неоллиберальной ориентации есть не что иное, как отрицание принципов классического либерализма XIX столетия, программа которого «состояла из трёх основных элементов: избирательное право, перераспределение благ и национализм»¹³. Либерализм, будучи антитезой легитимизму, был в своё время важнейшим идеологическим инструментом формирования национальных государств. Классический либерал, как правило, разделял принципы национализма. Современный неоллиберализм их категорически отвергает.

Если отвлечься от многочисленных дисциплинарных и авторских вариантов неолиберализма, то ключевыми моментами этой идеологии являются требование политической демократии и безусловной свободы движения людей, товаров и, прежде всего финансовых, капиталов. То есть отказ от вмешательства национальных государств во внутреннюю и внешнюю экономическую жизнь и, соответственно, – дерегулирование внутренних и международных рынков для свободного (неуправляемого) перемещения товаров и финансов через национальные границы. По существу это означало отказ от хорошо зарекомендовавшей себя во времена Великой депрессии неклассической либеральной модели капиталистического развития британского экономиста Джона Мэйнарда Кейнса и Бреттон–Вудской системы фиксированных курсов обмена валют ведущих индустриальных стран. Остановимся подробнее на этом вопросе.

* * *

Вспомним, что модель экономического развития Кейнса появилась как ответ на политические итоги Версальского мира и глобальный экономический кризис 1920–1930 гг., подорвавший веру в капитализм как либеральную саморегулирующую систему производства, перераспределения и потребления. Кейнс предложил универсальный «метод лечения» либерально-капиталистической модели жизни: рекомендовал президенту США Рузвельту, чтобы государство взяло на себя ответственность за обеспечение занятости и способствовало росту производства при помощи регулирования кредита и денежного обращения, а также организации общественных работ за счет бюджетного финансирования¹⁴.

В своей теории Кейнс отвел государству роль главного финансового инвестора национальных экономик. Из чего следовало, что госбюджет можно использовать как средство интервенции и в период экономических спадов, и в период экономических подъемов. В последнем случае государство должно было бы обеспечивать погашение возникшего в предшествующий период государственного долга за счет увеличения налогов и предотвращения инфля-

ции. Кроме того, правительство могло напрямую поддерживать те отрасли промышленности, которые, согласно ожиданиям, должны были обеспечить быстрый рост и спрос на рабочую силу.

В июле 1944 г. идея государственного вмешательства в валютно-финансовую сферу была артикулирована и принята двумя странами-победительницами: в деревне Бреттон-Вуд в горах Нью-Гэмпшира представители США и Великобритания утвердили новый послевоенный финансовый порядок, получивший название Бреттон-Вудской системы. В соответствии с этим новым финансовым порядком цены валют стран-участниц привязывались к доллару, в то время как эмиссионный банк США со своей стороны гарантировал обмен долларов на золото. В то же время сделки с валютой контролировались официальными органами, так что в большинстве стран требовалось получать разрешения на обмен и перевод крупных сумм. В этой системе виделся ответ на хаотическое развитие событий 1920-х и 1930-х гг., которые привели к бессистемным национальным ответным мерам, протекционизму и в конечном счете к мировой войне.

Однако быстро растущие промышленность и коммерческие банки рассматривали такие бюрократические ограничения как механизмы сдерживания послевоенного роста. В 1970 г. США, ФРГ, Канада и Швейцария отменили контроль за перемещениями капитала. Плотина была прорвана. «Спекулянт», т.е. дилеры, оценивающими валюту в соответствии с различными возможностями капиталовложений, стали договариваться о курсах обмена между собой, и система фиксированных курсов развалилась.

Это означало, что все остальные страны, сохранившие контроль, попали под давление. Их крупные корпорации жаловались на прекращение доступа к иностранному капиталу с выгодными ставками процента. В 1979 г. сняла последние ограничения Великобритания, годом позже – Япония. Об остальных позаботились МВФ и Европейское Сообщество. Направляемые твердой верой в способность не скованной никакими ограничениями экономики повысить благосостояние, правители ЕС начали в 1988 г. движение к единому рынку. В ходе этой «величайшей программы дерегулирования в истории экономики» (как назвал ее председатель Еврокомиссии Петер Шмидхубер) Франция и Италия тоже освободили циркуляцию денег и капитала, а Испания и Португалия продержались до 1992 г.

Главной причиной перехода к экономическому и политическому неолиберализму была конкуренция двух мировых систем: «социализма» и «капитализма». Ответом Запада на вызовы СССР стал новый финансово-экономический порядок, переход к которому в условиях послевоенного биполярного мира был поддержан политически и «проективно»: в качестве альтернативы «глобальному коммунистическому проекту» предлагалась неолиберальная «евро-атлантическая модель развития», предполагающая расширение НАТО и развитие международных экономических (ГАТТ, ВТО, МВФ, Всемирного банка и др.) организаций при доминирующей роли США. Не случайно нынешнюю, евро-атлантическую форму глобализации справедливо называют «американизацией». После 1968 г. мировая (евро-атлантическая) система капитализма эволюционировала от неклассических либеральных принципов организации социально-экономической жизни стран-участниц (принципа «государство всеобщего благосостояния» и принципа «национализма») к неолиберальной идеологии развития: свободе перемещения товаров и капиталов сначала в пределах евро-атлантического альянса, а затем и за его пределами, отказу от вмешательства государства в национальные экономики и сокращению объема его (государства) социальных гарантий. Что, по мнению многих, давало Западу, во-первых, конкурентные преимущества перед странами Варшавского договора и зоны социализма, а во-вторых, позволяло более гибко осуществлять политику неокOLONIALИЗМА в отношении стран третьего и четвертого мира, проводниками которой, помимо глобальных финансовых институтов (МВФ и ВФ), были и остаются имеющие «национальную прописку» крупнейшие ТНК.

Как ни странно, авторами и акторами неолиберальной идеологии в сферах внутренней и внешней политики выступили консерваторы. После побед консерваторов на выборах в Великобритании и США в 1979 и 1980 гг. соответственно правительства этих стран начали проводить откровенно монетаристский курс, наиболее последовательными адептами и проводниками которого стали советник президента Рейгана Милтон Фридман и наставник Маргарет Тэтчер Фридрих Август фон Хайек. Поэтому эволюцию либерализма в XX столетии кратко характеризуют как «путь от Кейнса к Хайеку».

Согласно этим теоретикам, стратегическим инструментом экономической политики должны были, как уже отмечалось, стать «дерегулирование», «либерализация» и «приватизация». По их мнению, государство должно было стать не более чем «ночным сторожем», который следит за порядком, и чем больше у частного бизнеса свободы в вопросах инвестиций и найма, тем выше темпы роста и всеобщее благосостояние. Отталкиваясь от этих принципов, преимущественно «неолиберальные» (хотя и именовавшие себя «консерваторами») правительства Запада в 1980-е гг. начали своего рода борьбу «за дело капитала». Они устранили механизмы контроля во многих областях и резко снизили возможность государственного вмешательства, прибегнув к торговым санкциям и иным средствам давления, чтобы заставить несговорчивые страны-партнеры следовать тем же курсом.

Распад СССР и «мировой системы социализма» упрочил представление о правильности неолиберального курса на глобальную экономическую интеграцию (осуществленную, прежде всего, за счет «нового мирового финансового порядка»), породил представление о «конце истории» (Ф.Фукуяма) и дал старт так называемому Вашингтонскому консенсусу.

Действительно, сформированная к середине к середине 1990-х гг. международная финансовая система поражала размерами и мобильностью глобального, прежде всего финансового, капитала. Согласно данным Банка международных расчетов, уже в начале XIX в. ежедневный объем валютных сделок превышал 1,5 трлн долларов. Сделки с акциями, корпоративными займами, казначейскими облигациями и бесчисленными специальными контрактами (так называемыми деривативами) осуществлялись примерно в тех же объемах. Уже в конце 1990-х гг. ценовой объем выпущенных деривативов (всех этих «свопов», «фьючерсов» и «опционов») составил примерно 480 трлн долларов. И это создавало иллюзию почти безбрежного инвестирования и следующего за ним роста реального сектора экономики. Но последовавшая череда финансовых кризисов в Юго-Восточной Азии, Латинской Америке и России поставила под сомнение эффективность неолиберальных рецептов.

Попытки выправить ситуацию за счёт сокращения государственных расходов и девальвации национальной валюты вызвали падение уровня жизни и социальное недовольство, закончившее-

ся, например, в Индонезии свержением существовавшего режима. Новым индустриальным странам Юго-Восточной Азии пришлось расплачиваться за излишне поспешную интеграцию в структуры глобальных финансовых рынков. Конечно, кризисы в Юго-Восточной Азии 1997 г. и России 1998 г. – не локальное явление, вызванное просчётами местных правительств, а проявление нестабильности глобальной финансовой системы. Эти кризисы – не нечто из ряда вон выходящее, напротив, они хорошо встраиваются в ряд: Европа – 1992, Мексика – 1994, Бразилия – 1999, Аргентина – 2002, США и Европа – 2008.

* * *

Итак, налицо новая глобализация – глобализация кризисов. Как с ней бороться? Как показали события всемирного финансово-экономического кризиса – 2008, единственным эффективным стабилизатором экономического развития, как и прежде, остаются национальные государства. Государства, которые в условиях неолиберальной глобализации не только не утратили своей политической и экономической мощи, но и обрели новые функции. Какие же?

Прежде всего, по мнению некоторых исследователей, само решение о либерализации финансовых рынков не являлось следствием естественной экономической необходимости, а было политическим¹⁵. Оно было инициировано правительствами США и Великобритании, которые хотели таким образом обеспечить проникновение своих банков и корпораций на рынки других стран. Вообще, феномен США активно обсуждается в литературе в связи с проблемой будущего национального государства в условия глобализации. Наиболее распространённым является мнение, что США представляют собой исключение, подтверждающее правило: глобализация в целом ослабляет национальные государства, но одно из них становится её рычагом. М.Г.Делягин видит причину роста мощи США в избранной ими стратегии выращивания и концентрации на своей территории глобальных ТНК¹⁶. Глобальные корпорации выходят из США, менеджеры ТНК стажировались в США, решающая часть виртуальной экономики базируется в США¹⁷. Вследствие этого глобализация оказывается способом националь-

ного развития. Борьба с США как со страной означает борьбу с находящимися в симбиозе с государственными структурами США транснациональными структурами.

Во-вторых, глобализация осуществляется не помимо, а посредством государственных институтов. Государственный аппарат большинства стран активно сотрудничает с транснациональными финансовыми структурами и корпорациями¹⁸. Именно государства гарантируют существование монополий – важнейшего источника накопления капитала. Легитимного эквивалента национальным государствам на глобальном уровне всё равно нет. Они вносят некоторую упорядоченность в довольно хаотическую глобальную экономику. Глобальная экономика, будучи в значительной степени виртуальной, по определению нестабильна. Государства же способны её стабилизировать в той мере, в какой она связана с производствами, так или иначе находящимися в поле государственного контроля. Р.Кокс вообще называет государства «приводными ремнями» глобального хозяйства¹⁹.

В-третьих, неолиберальная глобализация разрушает национально-культурное своеобразие и социальную ответственность государства, но поддерживает его репрессивные механизмы. Наиболее отчётливо данную позицию выразил команданте Маркос. С непосредственностью крестьянского вождя он пишет, что «государство оставило при себе лишь последнюю, необходимейшую функцию – функцию подавления. В условиях, когда его материальная база разрушена, суверенитет и независимость аннулированы, а политическое лицо стёрто, национальное государство превращается просто в службу безопасности при мегакорпорациях. Вместо того, чтобы направлять государственные средства на социальные нужды, оно тратит их на бесконечное совершенствование своего аппарата подавления, позволяющего ему более эффективно контролировать общество»²⁰.

Ещё одной функцией, сохраняющейся за государством, по мнению И.Валерстайна, является предотвращение возможности стран периферии вмешиваться в ход миро-хозяйственных трансакций. «Государство всё ещё остаётся значимым, прежде всего для предпринимателей», – пишет И.Валлерстайн. Он обращает внимание на то, что лишь государства смогут взять на себя издержки предпринимателей, которые могут возникнуть вследствие долго-

срочной тенденции к понижению нормы прибыли²¹. А антиглобалисты говорят о том, что в ходе глобализации происходит реорганизация государств, в результате которой «целые страны входят на правах отделов в неолиберальное мега-предприятие»²².

Утрата государствами мощи и суверенитета не в интересах глобального бизнеса, успехи которого во многих случаях зависят от вмешательства государства. Для достижения своих целей ТНК нуждаются в содействии политиков и правительств. Именно эти вопросы вызывают необходимость в согласованиях, ради которых проводятся встречи, подобные Давосскому форуму.

Кроме того, можно говорить о функциях государства, специфических именно для глобализующейся экономики. Прежде всего, это касается технологических и патентных приоритетов. Администрация США, например, чётко обозначила позицию защиты своих ТНК, отказавшись подписать Конвенцию по биологическому разнообразию в Рио-де-Жанейро и Киотский протокол. Государства сохраняют возможности регулировать пределы колебания обменных курсов валют. Правительства продолжают субсидировать НИОКР, что, как правило, бывает на руку ТНК. Известно, что именно благодаря государственному финансированию был разработан Интернет. Информационные технологии требуют огромных инвестиций, и здесь государственные вложения далеко не лишни. Кроме того, прибыльность частных инвестиций в развитие новых информационных технологий определяется возможностью монополизировать рынок вследствие защиты государством патентов.

ТНК развиваются, используя на внешних рынках благоприятные местные ситуации, которые сами же и создают с помощью государств²³. Управлять рынками посредством правительств удобнее. Развивающиеся страны не имеют реальных возможностей выбора во взаимоотношениях с ТНК, преимущество последних состоит как раз в наличии этого выбора. Одновременно активность ТНК приводит к укреплению «своих», т.е. – ведущих мировых держав²⁴. Происходит это на основах взаимности. Попытки развивающихся стран в 1970-е гг. разработать в рамках ООН «нормы поведения» для ТНК провалились из-за противодействия стран ОЭСР.

Эффективными методами помощи корпорациям со стороны ведущих государств являются применение принципов свободы торговли к одним странам и экономической блокады к другим,

«гуманитарная помощь», навязывание вестернизированных культурных стандартов, приёмы управления миграцией рабочей силы. Важной формой сотрудничества ведущих государств и ТНК является «военное кейнсианство». Дестабилизация обстановки в богатых ресурсами развивающихся странах требует военного вмешательства, обеспечение которого становится стабильным источником поддержки высокотехнологичных производств. Возможность с помощью военной силы «своих» государств контролировать те или иные станы оборачивается для ТНК выгодными контрактами и преференциями. Так ТНК помогают «родным» государствам в развёртывании гегемонии. Глобальный финансовый рынок вопреки идеологемам неолиберализма не является царством безгосударственной свободы и не работает эффективно без применения ведущими державами военной и прочей силы, обеспечивающей как статус-кво, так и преимущества сильных в конкурентной борьбе.

Есть ещё один аспект – не новый, но важный – касающийся компенсации непроизводственных издержек корпораций. Речь может идти о различных издержках – социальных, культурных, экологических. Эта практика ТНК перекладывать свои трудности и проблемы на государство, конкурентов, окружающую природную среду получила название экстернализации²⁵. Возможности экстернализации растут в условиях глобализации по мере расщепления национальных хозяйственных комплексов. Под наибольшим ударом оказывается экологическая обстановка, и практика экстернализации закономерно вызывает появление и обострение глобальных проблем.

Есть еще одно очень важное обстоятельство: транснациональные корпорации не хотят тратить на развитие необходимой им социальной инфраструктуры. Государство берёт эту функцию на себя. Об этом не следует забывать. Идеологи неолиберализма в своих построениях предпочитают игнорировать это обстоятельство. А оно носит принципиальный характер. Корпорации чувствуют себя настолько уверенно, что убеждены в своём праве получать всё, что государство может им предоставить. Авторы книги «Многоликая глобализация» приводят высказывание руководителя отдела по связям с общественностью одной из ТНК: «Я думаю, страны начинают осознать, что если они хотят быть участниками глобальной экономики, то они должны создать у себя инфра-

структуру и рынки»²⁶. Принимая на себя издержки по созданию и поддержанию инфраструктуры, государство фактически вынуждает всех налогоплательщиков возмещать убытки корпораций. Таким образом срабатывает современный анонимный механизм перераспределения в пользу сильных. Нельзя сказать, чтобы его работа способствовала укреплению социальной стабильности. Политика «жёсткой экономии» и сокращения бюджетного дефицита не только добывает остатки «государства всеобщего благосостояния», но и способствует замедлению темпов экономического роста и снижению занятости.

И, наконец, государственные органы незаменимы для глобального финансового рынка и ТНК в том, что касается борьбы с инфляцией, снижения издержек производства: социальных гарантий, стоимости рабочей силы, а также повышения её гибкости и, в меньшей степени, мобильности. Снижение социальных расходов всё больше становится для развитых стран формой поддержки своего производителя в конкурентной борьбе с развивающимися странами. Повсеместное продавливание транснациональными финансовыми структурами мер торговой либерализации под флагом борьбы с демпинговыми ценами производителей из развивающихся стран на деле подкреплено мерами «нового протекционизма»²⁷, носящего неявный характер. Помощь «своим» компаниям разнообразна и осуществляется через проведение государственной политики в области НИОКР, реализацию программ расширения экспорта и другими способами. Так что и в условиях неолиберальной версии глобализации государство по-прежнему необходимо транснациональным монополиям, поскольку государственные гарантии прав собственности необходимы для поддержания монополизации рынков, приносящей значительные материальные выгоды за счёт экспонентального накопления капитала, поскольку мощное государство может воспрепятствовать более слабому создавать защитные барьеры для ТНК, поскольку государство принимает на себя бремя расходов в случае экономических трудностей ТНК, к примеру, может национализировать убыточное производство, реанимировать за счёт национальных средств и реприватизировать хозяевам по сходной цене.

Таким образом, национальное государство продолжает оставаться важнейшим фактором развития современной глобальной экономики и политики. Но его роль, в зависимости от типа и «ка-

чества» государства, принимаемой правительством стратегии развития и социальной политики, может быть разной. Ослабленные государства, по мнению З.Баумана, низводятся до уровня местных полицейских участков глобальной системы. Содержание в этом качестве слабых государств выгоднее, чем создание каких-то глобальных структур с законодательными и полицейскими полномочиями.

Сходные идеи развивают Р.Бербах и У.Робинсон, которые считают определяющей чертой современной глобализации вытеснение национального государства как организационного принципа капитализма и замену его транснациональными институтами²⁸. По их мнению, многие государства ослабли, превратившись лишь в конторы по реструктуризации, не берущие на себя никакой ответственности перед трудящимися и населением в целом.

Действительно, в результате инициированных группой стран G-7 глобализационных процессов с организованным рабочим движением практически перестали считаться. Классическая социал-демократия переживает крах не столь заметный, как у коммунистов, но более глубинный и серьёзный. Из-под неё выбита опора – профсоюзы. Глобальных инвесторов больше не интересует «подкуп» рабочей аристократии у себя дома, как не интересует их в прежней степени реальный сектор производства. Прибыли в значительно больших масштабах могут извлекаться в виртуальном секторе и за счёт дешёвой рабочей силы стран «третьего мира». Но всё это касается поражения проекта «государства всеобщего благосостояния». Само же национальное государство остаётся. Оно по определению есть инструмент выражения существующих в обществе интересов. Поэтому оно может обеспечивать ТНК перекладывание издержек на плечи трудящихся и вытаскивание компаний из ям кризисов, но может защищать национального производителя и национальную культуру.

К сожалению, на так называемые «несостоявшиеся национальные государства» этот тезис не распространяется. Последние, как было заявлено в февральском 2009 г. отчете МВФ, накрыла «третья волна» мирового экономического кризиса. Определение «третьей волны» упадка экономики появилось в употреблении представителей фонда в связи с тем, что первыми под удар попали промышленно развитые страны, затем «вторая волна» накрыла развивающиеся экономики, а теперь кризис распространился и на

остальные государства, беднейшие. В их числе называются более 20 стран, половина из которых расположена в Африке к югу от Сахары. Так, в данный список попали Албания, Ангола, Армения, Бурунди, Вьетнам, Гана, Гаити, Гондурас, Демократическая Республика Конго, Джибути, Замбия, Киргизия, Кот д`Ивуар, Лаос, Лесото, Либерия, Мавритания, Нигерия, Папуа-Новая Гвинея, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины, Судан, Таджикистан, Центральноафриканская Республика, Молдавия и Монголия.

Невзирая на мировой кризис и пользуясь неолиберальными рецептами, правительства этих и некоторых других стран «третьего» и «четвертого» мира» предпринимают традиционные меры для обеспечения инвестиционной привлекательности за счет привлечения портфельных инвестиций. Но парадоксальным образом в среднесрочной перспективе эти меры усугубляют существующие экономические трудности внутри этих государств (невозможность создания новых рабочих мест в реальном секторе экономики, снижение покупательной способности населения) и приводят к уходу капитала.

Кто же будет расплачиваться за неминуемые катастрофические последствия глобальных игр с деривативами? В любом случае – правительства и налогоплательщики, гражданское общество. И никак иначе. А влиять на процессы они не могут. Неолиберальная идеология запрещает это. Что делать?

Очевидный выход – отказ от неолиберализма и создание нового финансово-экономического порядка с новыми макрорегиональными валютными центрами и центрами властных полномочий, деятельность которых будет основана на безусловном учете национальных интересов всех входящих в них государств. Однако, учитывая колоссальные разрывы в уровне технико-экономического, политического и экономического развития стран, следует признать, что в обозримой перспективе сделать это смогут лишь национальные государства мировой «полупериферии». Именно им вполне по силам отказаться от политики слепого следования рекомендациям МВФ, ВТО и других институтов международного неолиберализма и выработать собственные национальные формы глобальных стратегий, опирающиеся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической жизни, но, главным образом, на собственные социокультурные и политические традиции и ресурсы. Ключевым моментом таких национальных стратегий

является мера сочетания этих – западных и национальных – форм модернизации. Варианты здесь могут быть самыми разными: от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни государства, до незначительного, охватывающего главным образом экономическую сферу.

Пример первого варианта глобализационного развития дала Япония, заимствовавшая западные экономические и политические стандарты без потери цивилизационной идентичности. После Второй мировой войны оккупационный режим США в Японии потребовал дезинтеграции коллективных структур как проводников милитаристского сознания, но начавшаяся либерализация не привела к простому разрушению традиционного общества. Правящие элиты выдвинули иную программу: не ломать традиционные структуры общества, а изменять цели государства, используя общинные структуры в качестве проводников государственного воздействия. Таким образом, в Японии не культура адаптировалась к задачам модернизации, а руководящие элиты, желающие осуществить модернизацию, адаптировались к культуре. Японцы модернизировались на собственной цивилизационной основе: не меняясь социокультурно, они провели технологическую революцию²⁹.

По этому же пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии, успехи которых в долгосрочной перспективе оказались не столь значительны в сравнении с Китаем, который занялся освоением хозяйственных и технологических систем Запада, кардинально не меняя системы собственных социальных и политических ценностей. Более того. По мнению некоторых ученых, «Китай дает образец развития на основе собственной, а не западной рациональности. В этой рациональности политический класс и особенно бюрократия – не просто носители функций, а прежде всего, патриоты. ... Рациональное здесь – не декартовское, а конфуцианское»³⁰, сочетающееся, добавим, с изрядной долей политического прагматизма.

Индия также является страной, способной создать альтернативную национальную модель глобализации. После завоевания независимости правительство Индийского Национального Конгресса провозгласило курс на ускоренный экономический рост с минимальной внешней помощью. По мнению индийских учёных Д.Каушика и М.Сингха, настало время объединить усилия Индии,

Ирана, Китая, России и Малайзии для выхода из плена ошибочных концепций и поиска более приемлемых стратегий – для себя и для других стран³¹. Видимо, основой такой стратегии должен стать отказ от неолиберальных догм, укрепление суверенитета и роли государства как инструментов решения глобальных проблем.

Сможет ли Россия создать свою альтернативную модель глобализации? Думается, всё будет определяться степенью зрелости России как национального государства. Восстановление и эффективное использование человеческого потенциала России, широко-масштабные инвестиции не в добывающую промышленность, а в современные технологии, науку и образование – задачи для страны наиболее актуальные.

Примечания

- ¹ Восходящих к латинскому *globus* (планетарный) и к французскому «*global*»: «всеобщий», «всемирный».
- ² Издание вебстеровского словаря в 1961 г., отмечал М.Уотерс, стало первым изданием, в котором были даны толкования «глобализма» и «глобализации». См.: *Waters M. Globalization. L.–N. Y., 1996. P. 2.*
- ³ *Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 67–101.* В отечественной литературе аналогичного мнения придерживается П.Г.Щедровицкий. Он убежден, что «национальные государства не соответствуют требованиям постиндустриального общества», которое будет формироваться на основе некоего «постнационального государства» и которое автор считает оптимальным и для России (*Щедровицкий П.Г. Бунт капиталов // Эксперт. 2000. № 23. С. 47.*)
- ⁴ См.: Джордж Сорос о глобализации. М., 2005.
- ⁵ Первая глава его книги так и называется «Картографические иллюзии». См.: *Омаэ К. Конец национального государства: становление региональных экономик // Глобализация: контуры XXI века. Ч. 1. М., 2004. С. 211–220.*
- ⁶ См.: *Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М., 2002. С. 6, 235, 242.*
- ⁷ *Райх Р. Труд наций // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 506–527.*
- ⁸ *Иноземцев В.Л., Караганов С.А. О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. 2005. № 1. С. 9, 15.*
- ⁹ *Гречко П.К. Понятие «мирового порядка» в контексте глобальных преобразований // Глобализация и мультикультурализм. М., 2005. С. 41.*
- ¹⁰ *Гидденс Э. Навстречу глобальному веку // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 436.*

- 11 Другие сторонники данного подхода считают, что на современном этапе власть следует понимать «только как отношения сотрудничества между правительством государства и властью международных организаций» (*Лакашук И.И.* Глобализация и государство // Журн. рос. права. 2001. № 4. С. 66).
- 12 *Федотова В.Г., Колтаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М., 2008. С. 92.
- 13 *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. М., 2003. С. 147.
- 14 Правда, не известно, в какой мере осознанно президент Рузвельт использовал работы Кейнса: «Экономические последствия Версальского договора» (1922) и тем более – «Общую теорию занятости, процента и денег», опубликованную в 1936 г.
- 15 *Navarro V.* Neoliberalism, “globalization”, unemployment, inequalities, and welfare state // Intern. j. of health services. 1998. Vol. 28. № 4. P. 671.
- 16 Практика глобализации. М., 2000. С. 138.
- 17 Многоликая глобализация. М., 2004. С. 370.
- 18 *McMichael Ph.* Globalization: Myths and realities // Rural sociology. N. Y., 1996. Vol. № 1.
- 19 *Cox R.W.* Global “perestroika” // Approaches to word order / Ed. by R.E.Cox, T.J.Sinclair Cambridge, 1996.
- 20 *Маркос.* Четвёртая мировая война началась // Альтернативы. 1998. № 4. С. 11.
- 21 *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. М., 2003. С. 88, 89, 91, 103, 104.
- 22 *Бенсаид Д.* Разбитое зеркало неолиберализма // Альтернативы. 1998. № 4. С. 20.
- 23 *Perrot E.* Penser la mondialisation // Recherches de science religieuse. P., 1998. Vol. 86. № 1. P. 23.
- 24 *Rugman A.* The End of Globalization. L., 2000. P. 219.
- 25 *Коллонтай В.* Эволюция западных концепций глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 2. С. 35.
- 26 Многоликая глобализация. М., 2004. С. 368.
- 27 *Marshall D.* Understanding late-twentieth-century capitalism: Reassessing the globalization theme // Government and opposition. L., 1996. Vol. 31. № 2. P. 203.
- 28 *Burbach R., Robinson W.I.* The fin de siecle debate: globalization as epochal shift // Science & society. N. Y., 1999. Vol. 63. № 1. P. 31.
- 29 *Huntington S.* The Clash of Civilization and the Remaking of Word Order. N. Y., 1996. P. 75. См. также: *Федотова В.Г.* Мир культур против культуры мира // Свободная мысль. 2003. № 8. С. 32–41.
- 30 *Буров В.Г., Федотова В.Г.* Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопр. философии. 2007. № 5. С. 18.
- 31 Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 2. С. 17.

Человек на границе системности и творчества: проблема трансперсональности

Постановка проблемы

Человек не только инициирует социокультурные практики, являясь субъектом творчества, но и сам подвергается постоянно системному воздействию социальных и культурных инноваций, испытывая на себе негативные последствия инновационной деятельности. В известном смысле он вступает в противоречие с господствующей культурой и данной социальностью, оказываясь в поле действия вырабатываемых ими стандартов, стереотипов, типовых образцов, технологических новшеств и т.д.

Культура и социальность обладают «системностью», которая ограничивает и сужает творческое пространство человека. При этом системность я понимаю в данном случае не в духе общей теории систем, а как любое *организационно оформленное социокультурное единство, обладающее иерархически сложной властной структурой, материальными и символическими ресурсами, аппаратом насилия и стремящееся установить полный контроль над своими частями и доступными ему ресурсами*. В реальном мире она воплощает в себе репрессивные функции культуры и контрольные функции общества.

Системность обладает закрытой, формальной, анонимной и нерациональной природой. По мере ее усиления пространство существования человека оказалось свернутым, деформированным. Но человек за долгие годы сосуществования с системными институтами социальности научился избегать их негативного воздействия, ускользать от прямых ударов. Он оказался более мобиль-

ным, чем громоздкая и во многом инертная социокультурная система. И все же последняя использует человеческий потенциал для создания системных технологий и инноваций, призванных ограничивать пространство свободного творчества человека.

Поэтому системному насилию и контролю подлежит не вообще творчество, а свободное творчество, осуществляемое человеком как автономным субъектом. При этом творчество я рассматриваю не просто как процесс создания нового, а как порождение нового для самого субъекта в различных видах его деятельности и конкретно-исторических условиях.

В мире, где господствуют массовая культура и институты системного насилия, человеку трудно осуществлять процесс свободного творчества, не будучи ущемленным и деформированным социальными структурами и технологиями. По словам П.С.Гуревича, «человек не только утратил идентичность. Он совсем постепенно сходит на нет. Умирает как антропологическая данность»¹. Гуревич называет это феноменом *деантропологизации человека*, имея в виду, прежде всего, утрату человеком своего физического и морального облика.

Но антропология следует собственным методологическим ориентациям. Поэтому она занимается не самим человеком, а по преимуществу его *фантомом* или следами его прошлой деятельности – «останками», «остатками» и другими артефактами. Как известно, фантом означает буквально призрак, привидение или причудливое явление. Но есть и второе значение: это модель человека или животного (или части тела) в натуральную величину, которая выставляется как наглядное пособие в паноптикумах, музеях и т.п.

Еще раз подчеркиваю: научная антропология в силу своей предметной специфики и методологических оснований изучает частичного, фрагментированного человека, расщепленного на кусочки – социальные, биологические (физические), культурные и пр. Фрагментация – бич современной антропологии и основная причина ее нынешнего кризиса. Это напоминает ситуацию в медицине, где лечат болезни по отраслевому признаку, а не человека в целом. Так и антропология изучает не человека в его целостности, а социокультурные множества индивидов, рассматриваемые в их разнообразных связях. По сути дела, это *наука об искусственном, выдуманном, вымышленном, дифференцированном и во многом выхолощенном человеке*.

Можно предложить для обсуждения две версии существования человека, сложившиеся скорее вне рамок научной антропологии, а именно в современной философии: (1) человек как случайностное существо, заброшенное в мир и затерявшееся в нем, выпавшее из потока истории и потерявшее свои жизненные ориентиры; (2) человек как исторический субъект, творец истории, имеющий миссию и преследующий свои цели и интересы. Думаю, что обе версии неполны, а интегрировать их вместе пока никому не удавалось.

В своей ипостаси индивидуального бытия в мире человек есть случайностное существо, не ведающее, для чего он создан и что он творит. В этом смысле человек, по Ф.Ницше, есть еще *незавершенное животное*; он не завершен и не может быть завершен до конца. В ипостаси же божественного предназначения человек создан Богом по своему образу и подобию, но от него самого зависит, каким он предстанет перед Господом в свой последний час.

Как писал К.Ясперс: «Человек – не просто разновидность животного; но человек и не чисто духовное существо, о котором мы ничего не знаем и которое в прежние времена мыслилось как ангел. Скорее следовало бы сказать, что человек – это нечто единственное в своем роде. Отчасти он принадлежит к разряду живых существ, отчасти к разряду ангелов, но отличается как от тех, так и от других. Богословие и философия во все времена высказывались в пользу особого положения человека; оно было поставлено под сомнение лишь в период господства позитивизма. В проявлениях своего наличного бытия человек может уподобляться животным, в основах своей природы – Божественному как трансценденции, которая, как он знает, есть источник его свободы»².

Но есть и другая модель человеческого существования, предполагающая возможность свободного выбора: каждый человек приходит в этот мир, чтобы осуществить свою миссию или *матрицу предназначения и стать субъектом истории, как своей собственной, так и общественной*. И тем самым он вписывает свое имя в историю. И кем бы он ни был – незавершенным проектом, открытой возможностью и т.д. – он должен выполнить свое предназначение. Так, многие философы прошлого, по словам П.С.Гуревича, (С.Кьеркегор, У.Джеймс, А.Бергсон, Тейяр де Шарден) полагали, что человек – истинный творец истории и собственной судьбы.

Причем эта миссия осознается человеком лишь отчасти, как его собственный *жизненный и профессиональный выбор*. В остальной же своей части она является производной от культуры или социальных условий. Субъективная составляющая миссии определяется *жизненной стратегией человека и уровнем его духовности*, а его объективная составляющая зависит от жизненных обстоятельств и условий.

Но имеется еще один смысл миссии человека – *метафизический*, который делает его стратегию практически неосуществимой. Человек, по А.Шопенгауэру, есть метафизическое существо, осознающее факт конечности своего существования. Поэтому он как существо конечное не может вообразить себе бесконечное; только став бесконечным существом, он может попытаться поймать жар-птицу за хвост – найти свой путь в бесконечность (а возможно, и в бессмертие). Но для этого ему необходимо перестать быть человеком в системном смысле, т.е. ***выйти за пределы нынешнего общества и прежней культуры с их репрессивным потенциалом, привнеся всеобщие ценности и идеалы в новую социальность.***

Удивительно, что человек, будучи связующим звеном между природой и обществом, выступает инородным существом как по отношению к первому, так и второму началам. Он лишь отчасти относится к природе, будучи сложным биологическим организмом, и к обществу, где ему отводится роль агента социальных сил.

Причем общество существует как такая часть природы, которая в своем стремлении к самодостаточности стремится, не ведая того, оборвать природную «пуповину» и окончательно потерять связь с породившим его целым. Культура, будучи искусственным образованием, присутствует в жизни человека повсеместно как определенная «рамка», не только ограничивающая творческие возможности человека, но и предоставляющая ему необходимые условия. Поэтому я, в отличие от профессора В.Л.Рабиновича, считаю, что культура и творчество находятся в разных измерениях реальности. Творчество как способ самореализации человека лежит в сфере его персональной реальности. Это штучное производство, а культура образует собственную сферу, регламентируя и опосредуя взаимодействие человека с миром. Она тиражирует типичное, узнаваемое, поддающееся регламентации и нормативной регуляции.

В культуре господствуют стили, образцы, каноны и пр. Именно там имеют место типичные, унифицированные представления человека о мире, в котором недостаточно пространства для реализации творческих индивидуальностей. Культура типизирует, упрощает, реифицирует жизнь, отбрасывая все индивидуальные различия. И все же культура и творчество – не антиподы, а взаимодополняющие явления. Культура не означает смерть творческого человека. Но она бальзамирует, замораживает творческую сущность человека, оставляя потомкам лишь то, что стало социально приемлемым и значимым для современников. Поэтому она оказывается не в состоянии ухватить и выразить творческий дух человека во всех его проявлениях.

Однако имеются и другие суждения, указывающие на примат социальности (и культуры) по отношению к личности. Так, омский профессор В.И.Разумов полагает, что социум как объект познания является более сложным, чем человек, который инкорпорирован в него как одна из ветвей эволюционного ряда наряду с коллективами и экосферами, что вызывает у меня недоумение. Конечно, все зависит от точки отсчета: можно и кошку считать более сложным существом, чем человек, и в этом будет своя доля истины. Но чтобы человек, обладающий всей мощью интеллекта и силой духа, оказался не сопоставимым по своей глубине и сложности с созданным им же самим социумом – это уже явное преувеличение.

Ведь социальностью обладают и животные. И, возможно, человек духовнее, чем обезьяна, но вряд ли он социальнее ее. Мы можем найти массу примеров того, что социальный порядок в стаде обезьян гораздо более устойчив и предсказуем, чем в обыкновенной человеческой толпе.

К сожалению, мне приходится констатировать, что социоцентризм как исследовательская ориентация и организационная практика прочно вошел в умы многих социальных ученых и чиновников и пока не изжил себя окончательно. И не стоит питать иллюзии относительно природы социоцентризма, который оказывается хорошей питательной средой для этатизма и псевдоколлективизма. Необходимо понять, как и почему человек, сопротивляясь системному воздействию культуры и социальности, уходит в мир инобытия, поднимаясь на высоту всеобщих интересов человечества.

Метафизический контекст проблемы трансперсональности

Моя задача заключается в том, чтобы обосновать в данной статье следующий тезис: *трансперсональность выступает как уровень (ступень) становления и существования человека как родового субъекта при условии его сознательного восхождения от индивидуального (частного) ко всеобщему через повышение гражданской активности и творческой самодетельности.* А это возможно в свою очередь путем преодоления системного насилия со стороны культуры и социальности, что и делает человека не просто субъектом истории, но и творцом судьбы всего человечества.

Как считает П.С.Гуревич, «человек остается частью природы, он неотторжим от нее, хотя и понимает, что “заброшен” в мир в случайном месте и времени, осознает свою беспомощность, ограниченность своего существования. Он единственное животное, для которого существование – проблема: он ее должен решить, и от нее нельзя никуда уйти. Все, что есть в человеке, как бы отрицает самого себя»³.

И решить проблему своего существования человек может исключительно как существо духовное и метафизическое. И в этом, а не только в социальной природе, следует искать его родовую сущность, отличную от сдерживающих его развитие системных атрибутов культуры и социальности, «преодоление» которых возможно в рамках трансперсональной реальности.

Мне не очень нравится термин «духовность», который в светском понимании чаще всего трактуют как высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности. В религиозной же традиции духовность тесно связана с опытом постижения сакрального. Полагаю, что ни то, ни другое понимание духовности не раскрывает сути особой, запредельной, транспарентной («сквозной») реальности. Поэтому я предпочитаю термин *трансперсональность*, сопряженный по смыслу с индивидуальным поиском и личностным переживанием человеком универсальных форм и правил бытия посредством данной ему культуры, а иногда – вопреки ей. Это – *стремление привнести себя в мир, преодолеть его пространственные и временные границы, выйти за пределы обыденного и культурно узаконенного поведения в сфере иного.*

В этом смысле трансперсональным считается поведение любого человека, который сознательно ставит на первый план универсальные смыслы (идеалы и ценности), а не религиозные, этнокультурные, корпоративные, групповые ценности, преодолеваемая тем самым культурные «барьеры» и социальные «перегородки». Ведь далеко не всякая культура духовна. Например, культуру обустройства фашистских концлагерей вряд ли можно считать духовной. Трансперсональность противостоит материальному, чувственному и осязаемому, устанавливая свои пределы, выходящие за рамки существующей культуры. Именно она придает социальности ***человекосоразмерное бытие***. Приобщение к универсальным смыслам бытия делает человека трансперсональным существом, а не просто социальным атомом или агентом культуры⁴.

Трансперсональность – прорыв на теле социокультурной реальности, прорыв в мир «мирового разума», «абсолютной идеи» Гегеля или «объективных мыслительных форм», если использовать выражение Э.Ильенкова. Для характеристики данного феномена вполне можно использовать термины «всеобщее», «родовое», «универсальное», которые имеют надисторическое значение.

Трансперсональность связана по сути с родовой сущностью человека. Она воплощается в историческом плане в понятии гражданственности, назначением которой выступает становление родового человека.

Человек, по Гегелю, может достичь *родовой сущности* лишь путем преодоления своей эмпирической сущности, путем ухода от всех форм материальной, предметной зависимости и углубления в свое самосознание. По Марксу, свобода есть *родовая сущность* всего человеческого бытия.

Родовой человек – это свободный человек, преодолевший прямую зависимость от природы и социума, а также освоивший достижения всего человеческого рода ради достижения всеобщих интересов человечества и конкретных людей. Трансперсональность означает обретение человеком своей родовой сущности и его превращение в гражданскую личность, способную к служению всеобщим интересам.

Трансперсональность означает переход на уровень родового творчества человека. Можно предположить, что творчество человека в обществе проходит в своем развитии три стадии, или ступени, различающиеся между собой уровнем или масштабом социокультурных изменений.

1. Ступень *индивидуального творчества*, осуществляемого человеком в соответствии с его потребностями и интересами и затрагивающего непосредственное социальное окружение.

2. Ступень *социального творчества* жизни людей, представленная на современном этапе разнообразными формами гражданской активности и общественной самодеятельности. Ей соответствует в настоящее время такая конкретно-историческая форма социальности, как гражданское общество – социальная организация, сложившаяся на стадии индустриального развития западной цивилизации и характеризующаяся наличием автономных субъектов (индивидов, групп, социальных классов и организаций), имеющих самостоятельные и независимые от государства (и других системных институтов) источники существования.

3. Ступень *творчества родовой жизни* людей, поднявшихся в своем духовном развитии до осознания общечеловеческих интересов и взявших на себя бремя ответственности за судьбу всего человечества.

Родовая жизнь человека, ставшая предметом его творчества, соответствует обобществленному обществу, преодолевшему национальные и культурные перегородки и превратившемуся в общечеловеческую цивилизацию («всемирное гражданское состояние», по Канту) благодаря коллективному разуму жителей всей Земли.

Схематически можно представить творческую направленность трансперсональности следующим образом: *гражданская личность* как качество и способность человека подняться над индивидуальными и групповыми интересами в сферу социального и исторического творчества, в которой он приобретает статус представителя всего человеческого рода (единичное); *гражданственность* как выражение идеи служения родовым интересам всего человечества в конкретных условиях места и времени (особенное); «*мировой разум*» как пространство «объективных мыслительных форм» и сфера родового творчества (всеобщее).

Таким образом, трансперсональность формируется, с одной стороны, как трансцендентная реальность (метафизическое измерение – «мировой разум» и пр.), а с другой, как историческая реальность, воплощенная в понятии «гражданственность» (историческое измерение). Именно гражданское общество, возникающее на определенном этапе общественного развития, становится ареной исторического творчества людей, поднявшихся на высоту родовых интересов.

Трансперсональность и миссия человека в социальном мире

Обратимся к метафизическим аспектам проблемы трансперсональности. Интересно, но факт: значительная часть миссии или матрицы предназначения человека находится именно в трансперсональной плоскости. Она выходит за рамки его индивидуальных и групповых интересов, выступая особой проекцией «высших», всеобщих и универсальных смыслов на его жизненный путь.

Одним из условий трансперсонального существования человека является принятие другого, толерантное отношение к социокультурному разнообразию мира людей. В контексте трансперсональности персональная реальность одного человека дополняется и проникается персональностью другого, а их совокупный опыт поднимается на высоту родовых интересов человечества. Подлинный смысл трансперсональности заключается в служении общечеловеческим интересам независимо от того, чем и как занимается человек.

Каким же образом человек приобщается к этим всеобщим, универсальным смыслам? Как и посредством чего он раздвигает пространство своего персонального бытия до масштабов трансперсональности?

Можно предположить, что трансперсональность есть переход персональной реальности в родовую сущность человека, обретение им статуса трансцендентного субъекта, преодолевающего историю. Она не имеет национальных и культурных границ, концентрируя в себе универсальные смыслы, пропущенные через ценностные фильтры самой личности. Поэтому у нее нет единого центра. Это – то, что присутствует в человеке, выходя

за рамки его персональной жизни и создавая для него дополнительные мотивационные механизмы, что делает ее значимой для других людей.

Но далеко не каждый человек оказывается в состоянии перейти в трансперсональное состояние, а только тот, кто осознанно включает в свою стратегию жизни родовые интересы человечества. Другими словами, трансперсональность входит в структуру жизненной стратегии творческой личности как субъекта родовой (всеобщей) деятельности.

Линии энергетического напряжения трансперсональной реальности задаются перспективой жизни человека или нравственными императивами, отображающими противоречивую направленность его жизни: польза – благо; хорошее – плохое; счастье – несчастье (горе).

Я убежден, что главная линия перехода человека к трансперсональному существованию проходит между ориентацией на пользу и ориентацией на благо. В современных словарях слов, имеющих общий корень «польза» (польза, полезный, бесполезный), значительно меньше, чем слов с корнем «благо».

Польза есть извлечение выгод из какой-либо ситуации или хороший результат, обладающий для субъекта полезными свойствами. Под лозунгами «жизнь ради общей пользы» небольшими организованными группами совершались целые революции, творились события, праведные и неправедные дела. Можно предположить, что многие западные общества (которые мы иногда знаем лучше собственного благодаря интеллектуальной активности их представителей) пронизаны ценностями пользы и выгоды, а культура этих обществ – прагматическим духом. «Общество получения пользы» (потребительское общество) имеет своим источником рецептивную (потребительскую) активность людей. Это общество, в котором доминируют ориентации на получение жизненных благ.

Несколько иначе обстоит дело с благом как трансперсональной ценностью. Благо – это не только то, что содержит в себе положительный смысл, служит добру и счастью людей. Данный термин содержит в себе универсальный смысл и выражает также стремление человеческого духа к высшим проявлениям, к которым должны или могут стремиться все разумные существа. Некоторые исследователи утверждают, что именно благодеяние и

благотворение суть характерные черты российского менталитета. Не случайно это слово получило столь широкое распространение в русской православной традиции. Творить благо – это не одно и то же, что ждать благ от общества или получать их у него в обмен на свои услуги. Благое общество («общество всеобщего благоденствия») есть идеал всего христианского мира в его различных проявлениях.

Общество, в котором живет человек, он может воспринимать сквозь свои личностные фильтры также как «хорошее» или «плохое». Как известно, образы хорошего и плохого общества, входящие в представления человека, зависят от локальных и цивилизационных факторов. На локальном уровне обычный человек может, например, считать свое общество хорошим, если оно оказывается в состоянии накормить всех нуждающихся людей и обеспечить их безопасность. Хотя для «вора в законе» хорошее общество – это то, которое «живет по понятиям». С точки зрения трансперсональности хорошее общество – это то, которое основано на приоритете всеобщих (родовых) ценностей и создает благоприятные условия для свободного развития человека.

На трансперсональном уровне человек может быть счастливым или несчастливым в данном обществе. Да, да, именно в обществе, а не в семье или личной жизни. Счастье, как и благополучие, – многомерный феномен. Оно встречается и в социальной жизни. Жить в обществе и быть не только свободным, но и счастливым в нем – это серьезная философская проблема. Счастье нельзя зафиксировать в виде константы или необходимой дозы, которая будет поступать регулярно из общественного котла. Оно зависит в первую очередь от устремлений и запросов человека, реализованности одного из его личностных смыслов. Это – состояние «когда», а не «почему» и «сколько», состояние, которое достигается человеком в ходе свободного (и осознанного) выбора и позитивного осуществления, как правило, одного и наиболее желательного из вариантов жизненного пути.

Трансперсональная реальность задает обществу собственные критерии, которые не ведут к достижению всеобщего счастья, а лишь ориентируют человека на подлинные смыслы и ценности бытия, поднимая его повседневность на высоту родовых интересов.

Можно предложить еще одну ось напряжения, привносимого трансперсональностью в человеческую жизнь: господство (власть) – подчинение (зависимость). Ведь современное индустриальное общество расколото на два лагеря – управляющих и управляемых. Причем управляющих становится с каждым годом все больше и больше. А их недостаточная компетентность и преимущественная ориентация на личную выгоду создают угрозу благополучию всего общества. В последнем случае мы имеем дело не с отдельными управляющими или чиновниками, а с системой как формой институционализированного насилия над человеком.

Итак, преодоление системного насилия культуры и социума находится в сфере трансперсональности человека, в мире неподвластных системе универсальных смыслов и ценностей, разделяемых этим человеком и вовлекаемых в его личностную стратегию. С этой точки зрения жизнь человека есть конфигурация событий, осуществляемых на основе его матрицы предназначения. Каждый человек запрограммирован культурой на определенное, вполне конечное число событий (например, «делание карьеры»). И выйти из порочного круга социальных статусов, стандартов и стереотипов культуры он оказывается в состоянии только тогда, когда выходит на уровень трансперсонального существования, т.е. в сферу значимых для него общечеловеческих смыслов, которые делают осмысленной его собственную жизнь.

Гражданственность как вектор социально-исторического развития трансперсональности

Трансперсональность предполагает в социально-историческом плане формирование гражданственности человека. В формальном смысле – это качество, свойство поведения человека, проявляющееся в его готовности и способности активно участвовать в делах общества и государства, сознательно пользоваться своими правами, свободами и добросовестно исполнять свои обязанности. Трансперсональность характеризуется такими общими чертами, как сознательность и ответственность, свобода и творческая направленность, активная жизненная позиция и рефлексивно-критическое отношение к действительности, самоактуализация

(стремление человека наиболее полно раскрыть свой личностный потенциал) и самоотжественность (стремление субъекта быть в согласии с самим собой, соответствовать своему потенциалу).

В своей трансперсональной сущности гражданственность – это *форма самодетельного творчества личности* в современном обществе, которая направлена:

а) на раскрытие родовых сил и способностей людей, на воссоздание и развитие социокультурного опыта всего человечества в конкретных ситуациях взаимодействия (данном регионе, стране и пр.);

б) на включение людей в общую историю и судьбу (судьбу планеты, страны, народа, эпохи, группы и т.д.);

в) на практическую реализацию конвенциональных (взаимосогласованных) представлений людей данной эпохи о желательном для них типе (способе) человеческого общежития и развития.

В *парадигме трансперсонального существования* принципиально меняется взгляд на личность: из пассивного существа, нуждающегося в помощи, она «превращается» в реального (актуального) или потенциального носителя социально значимого качества (таланта, дарования, изобретения, проекта, инициативы, интересного дела, уникального опыта и т.д.), способного дарить его людям.

Гражданская личность (как конкретно-историческое воплощение трансперсональности) – это интенциональная личность, ориентированная:

а) на признание и воссоздание ее социального опыта, реализацию собственного *практического знания* (социальной и гражданской компетентности) в социальном мире;

б) на использование определенных *артефактов* или культурных миров (изобретений, традиций, инноваций, инициатив, уникального опыта, образа жизни, жизненного стиля, картины мира, модели культуры и т.д.);

в) на изменение (через служение) своей судьбы и непосредственного социального окружения.

Примечательно и то, что принципы *гражданского служения личности* и ее трансперсонального существования совпадают. Они гласят:

(1) все, что сделано (или делается) человеком ради других людей и общества, имеет ценность;

(2) каждый человек заслуживает уважения как реальная или потенциально «интенциональная» (способная служить всему роду) личность;

(3) каждая личность человека и ее жизненный опыт уникален и заслуживает если не признания, то понимания; необходимо помочь ему раскрывать в себе «интенциональную личность», готовую служить людям на избранном им поприще;

(4) каждая личность обладает не только «дискурсивным знанием», т.е. тем, что она может устно сообщить другому об условиях своей жизни и деятельности, но и «практическим знанием», знанием того, что чаще всего подразумевается («имеется в виду»), но не произносится вслух; такое знание обладает ценностью для субъектов социального служения как первоисточник социальных интенций;

(5) все люди связаны общей судьбой (судьбой планеты, страны, народа, эпохи, группы, семьи и т.д.) и их объединяет не только общие ценности, но и единство интенций;

(6) следует служить не вождям и не абстрактным идеям, оторванным от реальной жизненной практики людей, а конкретным людям;

(7) служить обществу можно только поддерживая все то, что создано и накоплено человечеством для успешной адаптации к окружающему миру, для его благополучия и процветания.

Разумеется, гражданственность и гражданская личность – это *идеальные типы*, как и само гражданское общество, которые не могут быть оторваны от социокультурного контекста. Их отличает от трансперсональности (как символического выражения идеи «мирового разума») историческая определенность. Так, предполагается, что гражданское общество, устанавливая свои социокультурные пределы, превращает людей в субъектов исторического творчества. Но оно не может решить все проблемы их социального существования – неравенство, бедность, коррупция и пр. Нельзя сделать всех людей счастливыми, активными и свободными в отдельно взятом обществе. Предполагается также, что трансперсональность как способ преодоления системных противоречий выходит за рамки исторического измерения, что означает вместе с тем и изменение самого типа субъектности: из исторического субъекта человек становится трансцендентным субъектом. Но последний тезис требует дополнительного обоснования.

* * *

Итак, между системными воздействиями культуры и социальности (в т.ч. инновациями) и процессом творчества самого человека обнаруживается противоречие, которое возможно преодолеть путем его трансперсональных интенций и усилий.

И все же выводы о возможности обойти полностью системное насилие культуры и социальности, а также негативное действие их инноваций посредством выхода в трансперсональное состояние делать еще рано. Проблема трансперсональности не изучена основательно, хотя она и не нова для науки, в частности психологии. Но ее решение требует комплексного, философского и социально-научного анализа. На первый взгляд, выйти за пределы данной культуры можно только в иную культуру. Да, действительно, трансперсональному состоянию человека предшествует уровень метакультуры, в рамках которой проявляются надличностные и надсоциальные смыслы. От культуры нельзя убежать, но ее можно изменить, что и предполагает процесс социального и жизненного творчества.

Примечания

- ¹ См.: *Гуревич П.С.* Новые темы философской антропологии. Очерк 1. Феномен деантропологизации человека // *Личность. Культура. Общество.* 2009. Вып. 1. № 46–47.
- ² *Ясперс К.* Общая психопатология. М., 2007. С. 40.
- ³ См.: *Гуревич П.С.* Новые темы философской антропологии. Очерк 1.
- ⁴ Вопрос о том, где «хранятся» эти универсальные смыслы, я оставляю открытым. Для одних людей они имеют истоки в мире божественного, для других – в самой культуре.

Культура и власть в исторических обстоятельствах

Если по собственной слабости, граждане, вы пострадали, То не вините богов в этом несчастье своем.

Солон

Видел во сне, что мне говорит кто-то: «Помни, что ты едешь, а не стоишь. В этом все».

Лев Толстой

О культуре и власти уже много писалось, поэтому следует, пожалуй, предупредить взыскательного, глубокомысленного читателя, что предлагаемый материал не является следствием аналитической работы, предполагающей изучение истории вопроса, сопоставления различных мнений, чтения специальной литературы, раздачи оценок и уже затем выявления и объявления собственной «точки зрения». Ни на что подобное не претендую, а основываюсь на собственном опыте жизни, включающем, естественно, и чтение книг, и размышления над текстами, а следовательно, предполагающем некоторый объем исторической памяти. Еще мой опыт жизни включает более чем четверть века работы в теоретических и политических журналах и сотрудничества с журналами, что заслуживает отдельного, специального поворота темы.

Подобно всякому другому индивидууму, автор на всем протяжении существования в обществе обязан был усваивать, сопрягаться, включаться, сотрудничать, подчиняться определенным влиятельным реалиям, названным культурой и властью. Иногда сотрудничать и подчиняться, иногда предпринимать усилия по освобождению от некоторых стандартов мысли и жизни. За время этого сотрудничества-освобождения мне довелось трижды праздновать наступление зари новых времен – принятия новых конституций. Еще чаще внутри конституций менялись системы политической власти, а с ними радикально менялись и системы права.

Так радикально, что правонарушение, ранее по закону повлекшее бы «высшую меру социальной защиты», ныне признается если не достойным подражания, то вполне терпимым.

Волны быстротекущего времени несли новых правителей и новых слуг правителей; течением сносило прежние нравственные маяки и бывшие культурные ориентиры. На куски разбивались скрижали. Менялась власть, менялась культура! Интересно знать, менялся ли я сам? Есть смысл порассуждать о культуре и власти вне меня и о культуре и власти во мне. Или, если угодно, об Истории вне меня и об Истории во мне.

Позвольте объяснить начало статьи, ее эпиграф. Солон являл собою очень удачное, кажется, самое удачное сочетание культуры и власти, поэзии и законотворчества. Бывало, разумеется, что служители культуры проявлялись в политике, как философ и лорд-канцлер Фрэнсис Бекон, или писатель и вице-губернатор Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, или живописец и член тайного совета Питер Пауль Рубенс, но чаще служители предпочитали воспитывать и наставлять правителей. Правда, многие работали на дипломатию и на разведку, участвовали в войнах.

Властители, со своей стороны, иногда баловались сочинительством, писали, например, стихи, как Нерон, или пьесы, как Екатерина Великая, но не тем они были прославлены. Наши правители также пытались отдать дань художественному творчеству, сочиняя легенды под названием «Мемуары». Это тем более удивительно, что последним из них, кто держал перо в руках, был тов. Сталин.

Итак, по свидетельству Аристотеля, граждане Афин, вдохновленные понравившейся элегией Солона, в 594 г. до Р.Х. объявили его архонтом и поручили реорганизовать государственное управление. К тому времени древнейшая область Ионии раздиралась противоречиями, сотрясалась войнами. Солон совершил настоящую государственную, сословную, имущественную, законодательную революцию. Он стремился побудить граждан к политической самодеятельности, соединить нравственность и законность, для чего всячески поощрял умственное образование. Например, рекомендовал всем читать Гомера (не исправленного, без купюр), а трагедии Феспида запретил к постановке. Как видим, не обошлось без цензуры.

Солон разделил граждан на четыре сословия и уравнил всех в гражданских правах. Он с состраданием относился к нужде бедняков и обрушивался на жадность и произвол богачей. Он отменял долговые обязательства и охранял имущих от чрезмерных потерь, т.е. стремился соблюдать справедливую меру. За подробностями отсылаю к классическим трудам – третьему тому Фридриха Любкера «Реальный словарь классических древностей» (М., 2000) и книга «Эллинская культура» Ф.Баумгартена, Ф.Поланда, Р.Вагнера (Минск–Москва, 2000).

Кажется, что за два с половиной миллениума Солон утратил актуальность. Не думаю. Ему открывалась прямая дорога в тиранию, а он допустил народ к управлению и предпочел законотворчество. Цитированные строки он продолжил следующим образом:

Сами взрастили тиранов и дали им силу и крепость.
Ныне же стонете вы, тяжкое иго влача.

Но скажите, нашему демократическому обществу подобные предостережения совсем уж излишни? Я бы не стал торопиться. Так ли уж далеко ушли мы с современниками от былого, сталинского, индустриально-феодального социализма? Всего полвека назад мои соотечественники надрывались в прославлении Вождя.

Теперь хочу отметить один парадокс нашего современного политического сознания, современной отечественной политической культуры. Насколько я могу наблюдать, читать и слышать, мой современник редко приходит в восторг от нынешнего общественного устройства; мягко говоря, он мало ценит административную власть, не любит законодателей, суды и прокуратуру, не уважает органы милиции; когда внезапно отправляли в отставку (на «перетасовку», «метонимию») правительства, он тоже не плакал. Но вот что странно: по необъяснимым причинам мой современник до небес вздымает рейтинг и превыше соперников почитает того, кто по должности, по службе более других отвечает за это его неудовольствие видеть «наше все», за постоянное неуважение всего. То есть верховных лиц государства и правящей партии.

Однажды, во времена своего президентства, Путин Владимир Владимирович, выступая в ближнем зарубежье, успокаивая слушателей, утверждал, будто СССР – это великая и трагическая, но уже перевернутая страница истории. Может быть, выступая в ближ-

нем зарубежье, он и должен так говорить. Только для многих, для меня в частности, эта страница истории еще не перевернута; даже страница истории под названием «1917 год» еще не перевернута – никак не можем определить свое отношение к революции. У нас в Отечестве сталкиваются еще красные и белые, можно отыскать большевиков-ленинцев и большевиков-сталинцев, антикоммунистов, монархистов, а если как следует покопаться, то и троцкистов, не говоря уже о социал-демократах и анархистах. А славные страницы истории СССР, вроде Победы в войне и полетов в Космос, вообще никогда не следует сдавать в архив. И с территориями, и с акваториями прежнего государства далеко еще не все ясно. Кому там кто, когда, что и за что подарил? И что кому отошло по пьяному блиц-договору в Беловежской пуще?

Весьма скептически относившийся к демократии Иммануил Кант (иностраный почетный член Петербургской академии наук) полагал конституцию актом общей воли, которая из толпы делает народ. Стремительная смена отечественных Конституций заставляет усомниться, что все они являлись народу как акт его общей воли.

Николай II полагал себя «хозяином земли русской», Фридрих II утверждал, что он «только высший слуга государства». Кажется, они таковыми и были, сообразно своему времени и представлениям о народном благе. Советские вожди называли себя «слугами народа», а были фактически хозяевами, *собственниками* народа. Собственником народа было и возглавляемое ими государство или партия-государство. При Сталине подданные «граждане», если не сидели в лагерях и застенках, образовывали народное единство, голосующее по команде «гражданское общество». Разное случается единство. Ныне «гражданское общество» попало в мечты и пропагандистский арсенал власти. Так же как и «правовое государство». Вообще говоря, они возможны только в единстве, в отдельности не существуют. Если же государство и право разъедается коррупцией, нужно очень пылкое воображение, чтобы назвать все это народовластием.

Виктор Хара пел: «Когда народ един, он непобедим!» Народ Чили приобрел собственника, приобрел новую форму единства, и Виктора Хару зверски убили на стадионе в Сантьяго. Победили хунта и другие собственники из Соединенных Штатов.

Вовсе не хочу сказать, что собственники в СССР всегда плохо управляли собственностью. Автор, к примеру, получал бесплатное образование, как и прочие его современники (об обязательных взятках услышал только в наши дни), бесплатно лечился и пользовался дешевыми лекарственными средствами. Были ученые, которые «удовлетворяли собственное любопытство за чужой счет», как выразился один физик. Избирательное право значительно продвинулось по сравнению с дарованным государем императором избирательным «Законом» 1907 г. – тогда оно было «всеобщим», за исключением «детей, женщин и малых народов». Народные массы как-то не особенно на этот дар «неограниченной монархии» отреагировали после «стольпинских галстуков». Зато впоследствии вот что пробудило интерес к Царскому Дому: «Царь-батюшка с Егорием, а царица-матушка – с Григорием...» В Думе знали, что это неправда, но вспоминали Гая Юлия: «И подозрение не должно касаться жены Цезаря» (*Шульгин В.* Годы. М., 1979. С. 304).

При советских вождах не создали, правда, «олигархов» и чемпионского количества банков, зато создали самую сильную сухопутную армию тогдашнего мира, творили науку и будущих нобелевских лауреатов; в индустриальных количествах производили чугун, сталь и сплавы, машины, турбины и электроэнергию, которая крутит турбины и моторы машин, разведывали и добывали газ и нефть. Все, чем мы сегодня пользуемся, не умея создать ничего собственного. Ну, почти ничего. Зато власть сумела наделить себя собственностью, по дешевке присвоить, продать или раздать все ранее созданное случайным людям, согласно сотворенному разрешительному законодательству. Упомянутый Кант не зря предупреждал: законы запрещающие выражают необходимость, законы дозволяющие выражают случайность.

Власть в России погрузилась в стихию случая, то же и отпущенное на «свободу» хозяйство. Как поганки на гнилом пне, возникают и разоряются банки, внезапно возникают и внезапно исчезают премьер-министры, а с ними и просто министры, что происходит в тайной администрации, неизвестно, но, надо полагать, как уже не раз случалось в России, воруют. Раньше партийцев упрекали в том, что они своей некомпетентностью, непрофессионализмом мешают нормальному функционированию хозяйства и государства. Ныне настало время профессионалов и можно пере-

текать из партийцев-думцев в главные милиционеры и обратно в Думу, из олигархов в тюрьму, из прокуратуры в баню, из воров в губернаторы, из губернаторов в могилу, из Чукотки в «Челси», из творца ваучеров в главные энергетики.

Только народ опять оказался в собственности, и пока такое положение дел сохраняется, он не застрахован ни от авторитаризма, ни от диктатуры, ни от тирании, какими бы маловероятными они ни казались сегодня. Теперь дело каждого из подданных решать, какой из собственников более радел о народе, кто его более рачительный хозяин. Нас постоянно призывают сравнивать, указывая или на процедуру выборов, или на прилавки магазинов, или на пустые карманы. А по мне, ответ не имеет особого значения.

Прежняя власть по-своему радела о своей собственности, но зато когда совершала глупость или даже преступление, спросить с нее было некому. Мы до сих пор обитаем в пригородах Арзамаса-16, Красноярска-26, Челябинска-40 и других, живем рядом с радиоактивными озерами, у реки Теча и прочих; у нас по этому поводу проблемы с генетическим кодированием жизни. Особый разговор – Чернобыль. На космодромах Байконур и Плесецк терпели аварии некогда «абсолютно надежные» ракетносители. В 1999 г. загорелись и рухнули два «Протона». Говорят, что от грязи, набившейся за время хранения. Выполнить программу, пожелание Игоря Курчатова: «Сделать работу за дьявола и остаться человеком» – оказалось сложнее, чем он предполагал.

Есть, несомненно, нужда в государственной тайне и в производственных секретах, но какая государственная тайна заключена в радиоактивных болотах, керосиновых подземных озерах, в чумных курганах, в кародирующих емкостях с бактериологической дрянью, которыми забили моря Баренцево, Охотское, Японское? Скорее, это личные и частные секреты верховных государственных управителей.

Власть и без Федора Михайловича Достоевского, Ивана Карамазова и без Великого Инквизитора знала, что надо делать, чтобы люди «принесли им свободу свою и покорно положили к ногам», знала, как могут они «побороть свободу и сделать так для того, чтобы сделать людей счастливыми». Оттуда же родом и сегодняшние властители: «Свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе немислимы, ибо никогда, никогда не сумеют они разделить-

ся между собой», зато народ без руководителей способен «ниспровергнуть храмы и залить кровью землю». А в «чудо, тайну и авторитет» как в неотъемлемые слагаемые власти, о чем учил Христа «Великий Дух пустыни», равно веровали и прежние советские руководители и веруют нынешние «свободно избранные» их наследники. Правда, по-иному истолкованные чудо, тайну, авторитет.

При былом политическом режиме власть в честолюбивой борьбе за специфически истолкованную мировую гегемонию бездумно разбрасывала народные деньги по континентам. Следы денег можно отыскать в Европе, в Азии, в Малой Азии, в Южной Америке, в Африке. Деньги «перевели» без всякой надежды на возврат. Мнение «народа», как обычно, никто не запрашивал.

Мои старые владельцы дарили финансовую и иную поддержку своим зарубежным друзьям-соратникам, мои новые хозяева брали в долг у своих новых партнеров. И те, и другие дарили и берут от моего, налогоплательщика, имени. Не вижу между двумя акциями непроходимой пропасти, неразрешимого противоречия. И в том и в другом случае деньги из России утекают бесследно. При этом мы еще недавно тратили на образование один млрд долларов в год, а поставляли за рубеж двадцать. Сколько поставляем сегодня, мне не известно. Или вот «мелкий», характерный (не единственный) пример: 4,8 млрд долларов, одолженных в МВФ в конце миллениума, бесследно исчезли из российской финансовой системы, надо думать, растворившись в зарубежных банках, на неких зарубежных счетах отечественных специалистов по финансам. На чьих счетах – это тайна. Тайна, но не чудо.

Чудо в том, что сама операция по «освоению» 4,8 млрд и имена владельцев счетов остались тайной для наблюдателей, для авторитетов из ФСБ, МВД, Совета Безопасности, Счетной палаты, думских комитетов, Администрации Президента, Правительства. Чудо, что при таких прожекторах, при таком рентгеновском просвечивании, при таком количестве микроскопов судьба займа осталась тайной и для самого большого авторитета – для тогдашнего президента РФ.

Мысль не хочет мириться с такой несправедливостью, и очень хочется поискать оправдание президенту. Вот оно: «Каждый народ имеет то правительство, какого достоин», так утверждал граф Жозеф де Местр. Так же учил Солон: «Если по собственной слабости...» Вернемся к Солону. К культуре и к власти.

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи,
Старца великого тень чую смущенной душой.

Так отнесся Пушкин к элегической поэзии, написав элегическое двустишие.

Солон творил культуру и власть за шесть сотен лет до Рождества Христова, а в момент Рождества покровитель бедных и строитель (способствующий созданию) знаменитого Храма в Иерусалиме приказал вырезать всех младенцев в Назарете, Вифлееме и окрестностях. Вырезал из-за проблем с властью. Речь идет о христианском предании и об Ироде Великом. Через два с половиной века после Солона его поклонник Аристотель воспитал Александра Великого. Александр сравнивал с землей крупнейший центр эллинской культуры со всеми его философами и культурными достижениями – Фивы. Восемь тысяч убил, остальных жителей продал в рабство. Все из-за того, что не поделил с фиванцами власть. Он же по сходному поводу спалил величайшее архитектурное произведение древности – царский город-дворец Персиполь. Надо думать, что, если бы в Египте его встретили менее радушно, Александр Великий велел бы растащить по камням пирамиды.

В нашей русской варяжско-славянской истории не один только Святополк Окаянный превyšшал в борьбе за власть предписания тогдашней кровнородственной культуры. Не македонский, а русский Александр, победитель шведов и немцев в 1252 г., навел, согласно изысканиям современного историка А.А.Горского, войско Бату на не пожелавшего служить Александру и монголам брата Андрея Ярославовича. То, что заповедовал Ярослав Мудрый, отбросили дети Ярослава Второго. За попытку Андрея создать антиордынскую коалицию войска Непрюя разорили «только» окрестности Переяславля и Владимира. Правда, согласись Александр с Андреем, монголы учинили бы погром еще больший.

Убийство отцами царевичей, царей женой, сыном (или при попустительстве жены и сына), а также «массаами» или их представителями – отдельная строка российской истории. Известно, что лояльный к императорам Василий Андреевич Жуковский предсказывал в дневниках, что «бесчувствие дворянства приведет к гибели императоров и Россию».

Это власть, а что же культура?

Шопенгауэр утверждал, что «если бы древнему греку показали величайшие соборы Европы, он счел бы их проявлением законченного варварства». Не уверен, что это правильная догадка. То, что мы сгоряча называем древностью, являет большую широту кругозора. Вспомним и сообразим: импульсам античности (и обновленному взгляду на ценности) обязаны Возрождение, Просвещение, барокко, романтизм. Античность смотрит с художественных полотен с тех, по крайней мере, времен, когда так называемый «мандилион» или «образ на плате» (царь Авгарь заказал будто бы прижизненный портрет Христа художнику, а получил послание от самого Иисуса, который приложил плат к лику и уже это «нерукотворное» произведение отправил Авгарю) уступил место художникам. С тех пор, когда Леонардо да Винчи в «Трактате о живописи» заявил, что в «художественном образе» как живая содержится идея и с таким образом не способны сравниться «все взятые вместе Писания». Не удивительно, что универсал Леонардо, когда поступал на службу к миланскому герцогу, отдельным пунктом указал на свои живописные способности, кроме того что рекомендовал себя механиком, фортификатором, лекарем...

Леонардо подводил итог власти былого образа и власти былой теологии, вовсе не умаляя былого – не мог же он выступать против иконописи св. Луки – он провозгласил наступление новой идеологии, новой реальности в культуре. Леонардо провозгласил появление новой власти: в человеческой истории воссияло Искусство. Вернее, воссияло в европейской истории и воссияло, возвращаясь к былому античному свету, после ряда веков, которые посчитали «темными». Опять приходится отсылать читателя к фундаментальной книге: Бельдинг Х. Образ и культ. История образа до эпохи искусства (М., 2002).

Политическая власть, как и любая другая, вообще никогда не отказывалась от услуг искусства, заказывая и проникая не только в сознание живописцев. Ей всегда служили ритмы и гаммы, гимны и псалмы, хоры и хоралы, а также «музыка в камне» – архитектура. Еще во власти и рядом всегда присутствовало художественное слово. В стихах или в прозе. Не герцог поступал на службу к Леонардо да Винчи, а Леонардо описывал свои достоинства герцогу.

По большому счету, в глубине существования единение власти и культуры понятно, полезно, необходимо. Обе уходят корнями в биологическую историю, обе «от Бога», обе творят порядок в человеческих сообществах. С древнейших времен, с Шумера и Вавилона, власть создавала социальные иерархии, собирала налоги, создавала города и, как следствие, – храмы. Но в разных сообществах, в разные времена власть и культура творили разные порядки. Как сказано: «Ты едешь, а не стоишь».

В старину в Риме создали систему права, которая легла в основу правовых кодексов Нового времени, а значит, она присутствует в правовых понятиях и правовых порядках новейшего времени. Правда, в древнем Риме не только творили кодексы, но и бросали христиан на растерзание львам. «Камо грядеши...» Прошли века... В Риме последовал заказ на новый кодекс.

На протяжении XIV и XV вв. почти каждый папа («духовная власть») издавал буллы, направленные против чародейства и определенных лиц, и определенных групп, но их буллы еще отделяли простое колдовство от еретического и не упоминали инкубов, шабаши, перемещения и прочие достижения католической мысли. Наконец, вспомнили Священное Писание, где сказано: «Ворожеи не оставляй в живых» (Исх. 22, 18) и окончательно приравнивали чародейство и черную магию к ереси. Джованни Батиста Цаго, папа Иннокентий VIII издал буллу, послужившую предисловием к «Молоту ведьм», каковой «молот» он и заказал сочинителям. Благодаря изобретению Гуттенберга булла разошлась по странам, городам и весям, вошла в «Корпус канонического права» и утвердилась в качестве единого Закона для инквизиторов. Сэр Вальтер Скотт назвал ее «набатом против страшного преступления».

Написанный деканом Кельнского университета Яковом Шпренгером и приором Генрихом Крамером (Инститорис) «Молот» был издан в 1486 г. и многократно переиздавался не только в своем родном, но и XVI в. **Считается, что существует, по крайней мере, 16 немецких, 11 французских, 2 итальянских и несколько английских изданий.** Произведение настаивало на необходимости осознания должностными лицами гнусности колдовства, а неверие в колдовство провозгласило неверие в Библию. Через четыре стиха после цитированного в Исходе сказано: «Пришельца не притесняй и не угнетай его...», через пять: «Ни вдовы, ни сироты

не притесняйте...». «Молот» стал источником вдохновения для последующего творчества и для костров, где горели и пришельцы, и вдовы, и сироты.

Справедливости ради стоит отметить, что практику сожжения духовные и светские суды основывали не только на творении Шпренгера и Инститора. Сам светоч католического христианства блаженный Августин из Тагаста, чье потрясенное воображение рисовало видение «Града Божьего», одновременно учил, будто «каждый язычник, еврей, еретик и раскольник отправится в вечный огонь, который приготовлен Дьяволом и его ангелами». Эта установка широко цитировалась во времена разгула массовых «спасений огнем». Учение Августина пополнял еще более знаменитый Фома Аквинский – один из пяти великих теологов церкви – большой поклонник преследований за неправильные убеждения, точнее, как мы понимаем, за неверие в его убеждения. Свирепый трактат «Демонomanия» (Париж, 1580) написал гуманист Возрождения Жан Боден.

Когда на Западе догорели костры и Рене Декарт учил сомнению, дуализму души и тела, «первотолчку» (что очень не нравилось великому механику, тайному алхимику и монотеисту Ньютону), рационализму и методу, создавал «теорию вихрей», закладывал основы аналитической геометрии, у нас в России яростно спорили – креститься ли двумя или тремя перстами и в связи с этим сначала законопатили на пятнадцать лет в земляную яму в Пустозерске, а затем в 1682 г. и вовсе сожгли сочинителя и нравоучителя, кроткого и неистового протопопа Аввакума Петровича. «За великие на царский дом хулы» царь Федор Алексеевич повелел протопопа спалить. Так завершил жизнь «ревнитель благочестия», противник церковных реформ, инакомыслящий Аввакум. Перешел дорогу власти Алексею Михайловичу Тишайшему, его наследнику царю Федору и патриарху Никону. Впрочем, и сам Никон за идею «симфонии государства и Церкви» был подвергнут поношениям и гонениям. «Симфония» ограничивала власть Царя. Поиски Симфонии продолжаются и ныне.

А между прочим, на русской земле всегда с особым почтением относились, с особым тщанием читали и переписывали Иоана Златоуста.

Как уверяет в «Предисловии» к его творениям С.-Петербургская Духовная Академия (в 1898 г.), его книги и чтение их было любимым занятием наших предков, собиравших творения в «Златоструи» и «Измарагды» и почерпавших из них невыразимую «книжную сладость».

Златоуст, в частности, проводил: «Сравнение власти, богатства и преимуществ царских с истинным и христианским любованием монашеской жизни». Монахи «Измарагдами» иногда, возможно, и любовались, а цари – вряд ли. Богатство и власть он учил «презирать, как ничего не стоящие», а монашеские добродетели ценить «как постоянные привязанности и спасительные» (*Иоанн Златоуст*. СПб., 1898. Т. I. Ч. I. С. 125).

Дело в том, что кроме архиепископа Константинопольского предки наши читали еще иных писателей. Здесь не ставится под сомнение выдающаяся роль религии в становлении нравственного сознания, однако, случалось, что и брели они по историческому бездорожью, и скакала телега прогресса едва не на каждой колдобине. Православие, скажем, миновала инквизиция, но через короткое время после казни Аввакума местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский подарил верующим «Камень веры» и мысль, согласно которой «еретик не заслуживает иного наказания, паче смерти». С такими отклонениями завершалось становление православного человека: идеи превосходства Души над телом, культуры Души, свободы воли или «самовластия». У старообрядцев, предшественников по вере православные языки выдирали и к другим родственным во Христе конфессиям относились не лучше, чем шииты к сунитам. Словом, как откровенно писал Омар Хайям: «Из жемчуга молений я четок не связал». Может быть, головоруб Петр Великий неспроста отменил патриаршую власть? Отменил вековые споры «священства» и «царства», так сказать, упразднил разделение властей в пользу одной вертикали власти.

Иначе навряд ли ему удалось бы пересадить Голландию в Россию. Или все же ему это не удалось? Или его реформы буксовали, как наши усилия власти пересадить в Россию Америку. Сначала, мол, к заданному году надо догнать Португалию, а потом, глядишь, и Старшего Брата по экономике и демократии на-

стигнем. А может быть, будущий историк, как Василий Осипович Ключевский, будет удивляться, с какой скоростью соратники и наследники провалят дело Реформатора.

Когда сегодня приходится слышать о кризисе литературы, кризисе нравственности, падении морали, не думаю, что к этим констатациям надо относиться излишне трагически. Некоторые кризисные явления налицо, но по сравнению с каким временем мы скорбим о потере нравственности в народе? По сравнению с моралью жен декабристов – да, кое-что утратили, кое в чем проигрываем. А как быть с недавними временами, когда можно было без суда до смерти забить геройского маршала, а по суду, по указу ЦИК расстрелять четырнадцатилетнего «врага народа»? Раньше расстреляли царских детей, как известно.

Согласен с доктором Рошалем, когда он настаивает, что «хороших людей больше». Возможно, так было во все времена. Хочется в это верить. В особенности много хороших людей можно встретить среди врачей-педиатров, но вопрос не в этом. Вопрос об удельном весе «плохих» и «хороших» в социальном устройстве, об этом надо вести речь.

В сталинские времена хорошее большинство строило города и индустрию, осваивало тундру, льды и мировой океан, воевало за Родину, писало и пело замечательную музыку, творило науку, сочиняло стихи, а малое количество плохих карательных органов могло с ними поступать по своему усмотрению. Немногочисленная тайная власть могла по желанию арестовать или убить любого выдающегося деятеля культуры. Даже сторонника власти. Зачем? Затем, что так хочется, затем, чтобы провести радикальную коллективизацию культуры, объединив всех в союзы, подчинить народ единой культурно-политической задаче, затем, чтобы сплотить народ страхом для исполнения задачи. Сплотить и поддержать энтузиазм, выплотить «головокружение от успехов».

Меньшинство плохих стреляет, сажает в лагерь и тюрьмы, а хорошее большинство становится «машиной, творящей богов», если воспользоваться выражением современного французского автора Сержа Московичи. Он много приложил усилий, чтобы изучить ушедший «век толп» и объяснить «победу» толпы над героями. Как у нас в 1937 г., когда место «я» прочно заняли партия и государство, а над ними – Вождь.

Наследственность все же имеет место быть. Форум немецких и российских исследователей под названием «Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века» (М., 2002) на 90 % был посвящен 1920–1930-м гг. столетия. Время сталинизма неоднократно всплывает в моем уме и в статье, потому что все мы, сознаем это или не сознаем, его наследники. Его героических деяний и его чудовищных уродливых злодеяний. Мы являем историческую память сотворений и «творений» наших отцов, дедов и прадедов и не должны в этом качестве кончаться. То, что наши политические партии исключительно «лидерские», даже «вождистские», тоже из того времени.

Существуют люди, которые видят в принадлежности к партии необходимое условие для самореализации – в политике или на другой стезе жизни. Другие полагают, что любая партия, даже самая хорошая – это инструмент, неизбежно сковывающий личную инициативу. Понять можно и тех, и других. Принадлежность к любой партии – это «хождение во власть». Во власть партии. Власть же партии – отнюдь не только внешний диктат, она проникает в сознание, образуя внутреннюю потребность, обозначая угол видения проблем, рекомендуя способ мысли, т.е. логические посылки мысли и способ рассуждения (например, Аллаха и пророков, прагматизм и логику, материализм и диалектику). Власть становится внутренним миром человека, составляющей его культуры и ценностей, его представлений о добре и справедливости, и ему комфортно в этом его «лучшем из миров». А если ему случится напороться на какую-нибудь всеохватывающую Идею, то освободиться от нее практически нереально. Можно считать дело почти безнадежным. Требуются большие усилия по перестройке содержания сознания.

Иные же предпочитают ограничить свое отношение с властью, не связывая себя партийной дисциплиной мысли. Напротив, эмансипация собственной мысли является для них способом почувствовать себя личностью. Среди способов эмансипации можно назвать иронию, сомнение, рефлексию. «Свобода начинается с иронии», – утверждал Виктор Гюго. Ему можно верить. Ирония, надо полагать, должна распространяться и на собственные усилия понять мир и другого, а поэтому заменить или смягчить безоглядную веру в собственную непогрешимость.

Сомнение – первая предпосылка рациональной мысли, способ освобождения от диктатуры внешнего. Однако эта эмансипация небезгранична. «Я» никогда не мыслю один, но всегда вместе с незримо присутствующим во мне человечеством, со всем тем, что «я» успел ухватить из человеческих времен и пространств. Поэтому рефлексия, самонаблюдение является самым надежным средством отличить себя от другого, не раствориться в другом и поискать возможность выразить себя другому, выразить и обозначить свою манифестацию в мире. Думаю, на этом пути можно отыскать место и для изменения и для развития. Не «замыкаясь в тупое равенство самому себе» (Михаил Булгаков), признать неизбежность чужих влияний.

Среди многих видов властей существует еще самая, возможно, авторитетная власть – это власть авторитета в культуре. Скажем, вдруг бы мне пришла в голову мысль рассказать миру сон, где мне приснилось, что «я не стою, а еду». И еще бы присовокупил, что «в этом – все». Думаю, что нормальный читатель такого «откровения» был бы вправе покрутить пальцем у виска. Знаете, почему? Потому что я, подобно большинству современников, не знаю, в каком направлении, куда именно я еду. Я не знаю, а Толстой знал.

Лев Николаевич «ехал» по пути культуры, более достойному, чем путь политической власти – власти государя, которую он пытался исправить, власти кесаря и власти церкви, власти ложно истолкованного догмата, за что и был изгнан церковью из числа христиан и нравоучителей. Толстой говорил *о пути* к Богу, *о пути* к Совершенству; его крайне необходимо понять, начитавшись Ницше: «Очень многие упорны в достижении однажды избранного пути и очень немногие в достижении цели» и «Бог умер».

«Путь» Толстого – это и есть цель. Истинная жизнь по христианству Толстого есть движение к Божескому совершенству. В этом движении всякое состояние «само по себе не составляет большей или меньшей степени жизни», поскольку само совершенство недостижимо. При этом не важно, с какого пункта начато движение – с большей или меньшей степени нравственности, но человек, стоящий на более низкой ступени нравственности, но продвигающийся к совершенству, живет более полной жизнью, более исполняет учение, чем более нравственный, но к совершенству не стремящийся. «В этом-то смысле заблудшая овца дороже

отцу незаблудившихся». «Исполнение учения – в движении от себя к Богу» (ПСС. Т. 28. С. 79). Блудный сын дорожке того, кто всю жизнь в доме отца.

Не все признают правильными силлогизмы классика русской литературы, тем более не все примут их как руководство к действию. Зато все должны признать, что Путь, на который он нас зовет, гораздо лучше, правильней и моральней, чем тот, которым сегодня Россия следует в неизвестность, теряя по дороге, уменьшаясь на один миллион жителей ежегодно. «Я есмь путь», – за два тысячелетия пути последователей разделились на столбовые дороги и множество троп, иногда вполне тупиковых. Хотя, если существует «Божий промысл», то истинность любого человеческого пути относительна, а его «абсолютная самооценность» – условна. Скажем, грозный царь Иоанн Васильевич полагал, что люди должны направляться не ответственностью «друг перед другом», каковая ведет к зависти, разъединению, алчности, а общей ответственностью всех перед Господом. Самого Грозного «ответственность перед Господом» привела к опричнине, беззаконию, грабёжам, деспотии и народному обнищанию. В итоге, к Смутному времени.

Теперь о работе в теоретических журналах. Чем авторы статей, я и мои коллеги-редакторы, там занимаются? Теоретизируют, понятное дело, но еще занимаются тем, что участвуют, в частности, в создании легенд и мифов. Формируют вкусы читателей и учатся у читателя, сообразовываясь со вкусом читателя и власти, конечно. Власть, как и все в этом мире, меняется и обучается. Не вижу в мифотворчестве ничего вздорного и не достойного уважения. Человеческое сознание значительно более мифологизировано, чем принято думать под влиянием успехов естественных наук и строгой математики с логикой. Мореход и воздухоплаватель пролагают дорогу кораблям, пользуясь не новейшими показаниями телескопа «Хаббл», а помещая себя и Землю в центр Вселенной, как им советует Птолемей. И математику иногда сотрясают кризисы математической культуры, а кое-что приходится принимать на веру, что отмечал еще Кант. Так что в вере и в мифе содержится много полезного. Тем более в истории во многое приходится верить, в ней нет абсолютно достоверных фактов, как нет и абсолютно беспристрастных наблюдений. Исторический трактат, событие и сочинение о событии всегда одним боком прислоняются к мифу.

Наше ограниченное сознание всегда, в любую эпоху, в любой культуре стремится дополнить мир до космической полноты, до мифа об этой полноте, используя воображения, а не только наблюдение, факт и эксперимент.

Мы, наряду с теориями, производим идеологии и утопии, и довольны, если в них светится реальность. Мы пытаемся понять нынешнее общественное устройство (идеология) с точки зрения идеального общественного устройства, которое всегда помещаем в будущее (утопия). Раньше идеальным считалось, когда «богатства общества пользуются полным потоком» и оно на своем знамени напишет: «От каждого по способностям, каждому – по потребностям». Ныне творим легенды о чистой, незамутненной власти народа и для народа.

Наряду с иными моторами культура и власть вместе наматывали на «веретено времен» единую «пряжу» жизни. Если верить великому Гёте, природе все равно, как тянется нить. Природе все равно, а Фаусту не все равно и нам небезразлично. Фаустовская культура породила много достижений и не меньше проблем критического свойства. В том числе проблем, вырастающих из достижений.

Человек, как однажды определил его Макс Вебер, «это животное, висящее на сотканной им самим паутине смыслов». Охотно соглашаюсь с Вебером, тем более что так полагают многие. Человек-личность живет и дышит, сотворяя смыслы и значения. Процесс творчества, ко всему прочему, являет непрерывный ток «инноваций». Надо думать, что последнее слово можно, даже следует, писать без кавычек, ибо технологические нововведения в производство есть частный случай всех тех смысловых и значащих инноваций, на которых держится, стоит и движется культура-цивилизация (различение их в данном контексте несущественно).

Путь к новому продукту, технологии, услуге всегда начинается с идеи. Со смысла, который их инициирует и который не исчезает в продукте, но остается с продуктом и пользователем продукта. Когда мы выращиваем и обрабатываем хлебный злак или виноградную лозу, когда совершенствуем эти занятия, то наделяем их некими смыслами, не всегда себе во благо. Когда изобретаем такие чудеса «материальной культуры», как завоевавший мировое признание автомат Калашникова, строим раке-

тоносец или «внедряем» межконтинентальный баллистический снаряд с разделяющимися боеголовками, мы также наделяем их определенными инновационными смыслами. Представляя далее свое отношение к инновациям, отметим: тот, кто немного знаком с российской историей, скажет, что коррупция не является инновацией. Еще исторический кулак Петра Великого за воровство и взятки дробил зубы светлейшему Александру Даниловичу Меншикову. А еще раньше руки отсекали, чтобы вор не попал в Царствие Небесное, куда по верованиям тех лет таких рубленых и на порог не пускали. Все напрасно. Новшество наших дней только в масштабах воровства и коррупции, по которым наш современник превзошел и переплюнул нашу историю. Более того, мы умудрились найти в воровстве «народной», государственной собственности определенный исторический, благой, рыночный смысл.

Между тем значения и смыслы, «паутина смыслов», инновация смыслов является тем, что мы называем культурой. Смыслы составляют аспект культуры, возможно, ее главное, определяющее содержание. Так я думаю. Опасаясь, однако, что большинство культурологов потребуют исключить из культуры плохие смыслы, вроде смысла существования средств массового поражения. Это мол, не культура, а вопиющее бескультурье, а различить, где культура, а где не культура, поможет мораль, в частности, ее «золотое правило»: поступай с другим так, как хочешь, чтобы он поступал с тобой. Но вот, после двух мировых войн на одно столетие, после людорубной гражданской войны хочется как-то оградить «золотое правило» некоторыми необходимыми оговорками.

На войнах изо всех сил трудились самые высокие разделы духовной культуры – музыка и поэзия, не призывая «поступать с другим так...» и т.д. Поэтому культуру и некультуру в этих случаях различить трудно с помощью всех моральных заповедей. Общечеловеческая абсолютная мораль, бесспорно, крайне благая рекомендация, очень достойный мотив поведения, но годится не на все случаи жизни. Хотя в вере, в религиях, в мечтах абсолютную мораль следует хранить постоянно.

Пока же наша реальные, земные задачи гораздо скромнее. Сегодня научно-технические инновации готовы преподнести народонаселению планеты нанотехнологии, которые смогут значи-

тельно облегчить «технику» жизни. Это благое, в том числе, культурное начинание. Но есть оговорка. Власть совместно с научной культурой для начала намерена изобрести нанобомбу. Речь идет о моей власти и о властях «наших партнеров» за рубежом. Может быть уже изобрели, мне не докладывали. Повторяются времена, бывшие прежде нас – сначала оружие, потом приложение. Сначала атомная бомба, потом атомная электростанция. Мы настолько склоняем голову перед высотами духовной культуры, заслуженными высотами, что не замечаем ее влияний на огрехи и пороки материальные. Ее гимнов и маршей.

Я не считаю, что «патриотизм – это прибежище негодяев», я просто исповедую веру в факты, здравый смысл и рациональность.

Прошлое, история прирастает новизной, в том числе новизной обстоятельств. Когда я пишу эти заметки, у меня со двора в окно стучится «мировой финансовый кризис». Я понимаю, что это кризис одновременно фундаментальных идей, основ цивилизации, культуры и сознания. В том числе моего сознания. Если мы сообразим это в личном и планетарном масштабе и соответственно перестроим умы, то род наш, может быть, уцелеет. Выживет и преобразится. Перестанет, например, род наш воровать нефть и газ, т.е., невозполнимые запасы, у собственных детей и внуков (на правнуков может и не хватить). Перестанет воровать в том случае, если вырученные от продажи нефти и газа финансы, перестанет проедать в развитых и переразвитых странах, а употребит на новые инновации, на поиски новых энергосберегающих, энергопроизводящих технологий. Если прекратят, наконец, объедаться и вооружаться ведущие силы рода человеческого. Тогда деньги перестанут быть отдельной субстанцией, где как в Божестве сущность совпадает с существованием. Где деньги – не самостоятельная реальность, являются не целью, а средством достижения одобренной моралью цели. Заработает закон соответствия цены и стоимости, чего мы никогда еще не наблюдали, но это отдельный разговор и мечта неэкономиста.

Такую идейную перековку сознания «с мечей на орала», старых мечей на новые орала, если она произойдет, можно будет смело называть самой замечательной инновацией за все время исторического бытия человека. Бытия и смысла его культуры и цивилизаций. Тогда еще одной новостью станет иное, чем прежде, объединение

культуры и власти, т.е., способности приводить к гармонии многообразные интересы, свободу человека и право другого, общественную необходимость и творчество.

Но, похоже, автор вторгся уже в область компетенции далеких грядущих поколений. Надеюсь и желаю им быть морально ответственными перед собой, современниками, перед детьми. Но пока еще мы сегодня живем во вчера, а значит, можно ждать новых мировых кризисов. А может быть, все же освоим новое сознание...

Университет и лаборатория как основа инновационного развития российской науки во второй половине XIX века

До середины XIX столетия о российской науке, несмотря на наличие отдельных талантливых исследователей, можно было говорить с большой осторожностью. Однако целая плеяда талантливых русских ученых, определивших лицо русской науки во второй половине столетия, была подготовлена именно в последнее десятилетие царствования императора Николая I¹, правление которого, занявшее вторую четверть столетия, хотя во многом не достигло своих целей, но подготовило почву для их достижения².

Вторая половина XIX в. была для России временем испытаний, когда страну бросало из кризиса в кризис, и воздействие политических и общественных настроений и движений, условия обучения – все это отражалось на уровне науки, а многие благие идеи, попадая в колеса бюрократической машины, навсегда застревали там. Сложность бюрократического механизма «лишала руководителей его возможности следить за деятельностью всех частей этого механизма, который без устали работал и постепенно слабел по направлению сверху книзу³», – именно в это время произошел прорыв в развитии отечественной науки.

Инновации в науке были бы невозможны без изменения системы среднего и высшего образования. Ведь одной Академии наук для полноценного развития как естественнонаучных, так и гуманитарных исследований, было недостаточно. Во второй половине XIX в. резко ускорился процесс формирования высшей школы России как системы разнопрофильных учебных заведений.

Острый дефицит инженеров, агрономов и экономистов побуждал в кратчайшие сроки на базе всеобщности формировать системы инженерно-промышленного и сельскохозяйственного высшего образования. Существенные изменения претерпевало и университетское образование, география которого расширялась (возникли Новороссийский, Варшавский и Томский университеты). В 1899 г. в России действовало 56 государственных высших учебных заведений, готовящих не только дипломированных чиновников для правительственных служб всех уровней, но и основную массу деятелей городского и земского самоуправления, а также дипломированных специалистов для негосударственного сектора экономики. Все они были подведомственными учреждениями министерств, финансировались государственным казначейством, штатные преподаватели и обслуживающий персонал являлись чиновниками от XII до IV класса⁴. Профессура принадлежала к обеспеченным классам. Оклад экстраординарного профессора, согласно штатам 1884 г., был равен 2000 руб., а ординарного – 3000 руб. Декану добавлялось еще 1500 руб. Государственная служба вознаграждала ученых чинами, орденами, пенсиями. Занятие наукой и преподавание в вузах стали престижными. Наука была в центре разнообразных культурно-исторических, социально-экономических и общественно-политических процессов, оказывая на них все усиливающееся влияние. Проблемы университетской реформы в конце 1850 – начале 1860-х гг. оказались в центре общественных дискуссий, которые шли, прежде всего, на страницах столичной и провинциальной прессы. В то же время высшая школа все сильнее становилась одним из центров общественного недовольства существующим строем.

Крестьянская, судебная, военная, городская и прочие реформы 1860-х гг. повысили спрос государственных учреждений на юристов, врачей, математиков, инженеров, экономистов, статистиков, специалистов в области горного и лесного дела, металлургии, строительства, сельского хозяйства и других отраслей народного хозяйства.

Если во многих странах Европы самостоятельное научное творчество развивалось независимо от государства, то в России развитие науки было полностью спровоцировано властью, и это во многом определило специфику университетской жизни в России. Н.П.Загоскин отмечал: «Первые университеты основывались в

России не в силу назревшей потребности в них общества, не в силу культурного роста общественной мысли и общественного самосознания, но в интересах государства и по его прямой инициативе, почему наши университеты сразу же стали в административно-служебное отношение к государству, всецело подчиняясь как в своей организации, так и в своем внутреннем жизненном режиме, всем тем течениям и веяниям, которые сказывались на внутренней политике русского государства»⁵.

Университеты в России XVIII в. были созданы в невиданные для Европы сроки, и их главная функция (согласно университетскому уставу 1804 г.) заключалась в подготовке «юношества» «для вступления в различные звания государственной службы». Ученые продолжали и после окончания университета оставаться прежде всего государственными служащими, о чем свидетельствует «Циркулярное предложение относительно диссертаций на ученые степени» от 13 декабря 1850 г.: «По случаю Высочайших замечаний на некоторые из печатных диссертаций, написанных для приобретения ученых степеней, прошу покорнейше сделать распоряжение: 1) чтобы не только самая диссертация была благонамеренного содержания, но и чтобы извлеченные из них тезисы или предложения, которые испытуемый защищать должен, при таком же направлении, надлежащую полноту, определительность и ясность, не допускающие возможности понимать разным образом одно и то же предложение. 2) При рассмотрении диссертаций и при наблюдениями за защищением их не допускать в смысле одобрительном обсуждения начал, противных нашему государственному устройству»⁶. При таком положении дел кажется вполне естественным, что в российских университетах академическая автономия почти отсутствовала.

Педагогическая и научно-исследовательская работа регламентировалась различными государственными структурами. Каждое десятилетие XIX в. сопровождалось изменениями в жизни русских университетов. В 1835 г. появление нового университетского устава, ликвидировавшего университетскую автономию, во многом было спровоцировано событиями в Европе⁷. В 1834 г. публикуется составленное министром просвещения гр. С.С.Уваровым «Циркулярное предложение начальникам учебных округов», где помимо прочего говорится, что «общая наша обязанность состоит

в том, чтобы народное образование, согласно высочайшим намерениям августейшего монарха совершилось в соединенном духе православия, самодержавия и народности»⁸. 26 июня 1835 г. высочайше утвержден «Общий устав Императорских российских университетов», который действовал в Санкт-Петербургском, Харьковском, Московском и Казанском университетах. Устав ограничил свободу университетского совета, отнял у университетов судебные функции, сделал обязательным ношение формы и сделал обязательными богословские предметы (богословие, церковная история, церковное право). Следующее десятилетие также не способствовало расцвету научной деятельности в университетах. В 1848 г. началась новая волна репрессивных мер в системе среднего и высшего российского образования. В дневнике проф. А.И.Никитенко за этот год мы читаем: «Теперь в моде патриотизм, отвергающий все европейское, не исключая науки и искусства, и уверяющий, что Россия столь благословенна Богом, что проживет без наук и искусства»⁹. С 1848 г. воспрещаются заграничные командировки всех лиц, имеющих какое-либо отношение к Министерству народного просвещения. 19 марта 1848 г. министр С.С.Уваров обращается к попечителям учебных округов с циркуляром по поводу событий в Западной Европе, где говорилось о необходимости охраны учащейся молодежи от влияния революционной Европы. В октябре 1848 г. в директиве попечителям он пишет: «Преподавание некоторых частей политических и юридических наук требует особого наблюдения со стороны начальства... Объем сих частей может, по моему мнению, быть постепенно сокращаем без нарушения целости и без ущерба для науки... удаляя все лишнее, все роскошное, все неуместное к настоящим событиям, все могущее служить, хотя косвенным и неумышленным поводом к заблуждению умов неопытных»¹⁰. 7 ноября 1849 г. приостанавливается преподавание государственного права, император ставит на докладе резолюцию: «Дельно, и не возобновлять, совершенно лишнее»¹¹. «Германская» философия признается вредной для «юношества», а курс истории философии должен быть запрещен, поскольку Кант, Фихте, Шеллинг и Гегель вместе со своими последователями «не замечают даже, существует ли вера христианская»¹². Лишь «безвредная» логика сохраняет право на существование, поскольку помогает правильно мыслить, что необходимо для изучения других пред-

метов, и кроме того предполагается сохранение опытной психологии с переосмыслением ее в духе «благодати Божией». По предложению Николая I преподавание психологии было возложено на профессоров богословия. Проф. Никитенко записывает в дневнике под 1850 г.: «Опять гонения на философию. Предположено преподавание ее в университетах ограничить логикой и опытной психологией, поручив и то и другое духовным лицам... У меня был Фишер, теперешний профессор философии, и передавал разговор с министром (кн. С.А.Ширинский-Шихматов. – *Т.Ч.*) Последний главным образом опирался на то, что “польза философии не доказана, а вред от нее возможен”»¹³. В 1850 г. Высочайшим повелением курс философии был ограничен логикой и опытной психологией с присоединением этих курсов к кафедре богословия, программы по этим наукам составлять совместно с духовным ведомством, кафедра философии упразднена. Все это вместе с ограничением числа студентов и увеличением платы привело к значительному снижению количества студентов в российских университетах¹⁴. Но потребности развития науки привели к тому, что уже в 1855 г. университетам начинают возвращать утраченные привилегии. Разрешается вновь ввозить книги из-за границы, увеличивается значительно число студентов. Объяснялось это отчасти тем, что кризис конца царствования Николая, вызванный во многом поражением в Крымской войне, требовал разрешения. Кризисную ситуацию в обществе государство попыталось решить совершенно новым путем. Оно сознательно решило спровоцировать рост естественнонаучных исследований, который не столько бы улучшил экономическое состояние страны, но отвлек бы молодежь от участия в беспорядках.

Для этого университетам были возвращены привилегии и улучшено их финансирование. Хотя надо отметить, что по сравнению с другими европейскими державами, в России финансирование науки и образования было скудным. Современник в 1884 г. писал: «Как известно, на народное образование, в широком смысле, Россия вообще затрачивает менее всех остальных государств Европы. Собственно государство тратит у нас пропорционально населению в два с четвертью раза менее нежели Франция, в три раза – чем Пруссия, почти в четыре раза – нежели Великобритания и в десять раз меньше, нежели Цюрихский кантон в Швейцарии»¹⁵.

В конце столетия Россия оставалась в Европе наименее образованной страной, обладающей наименьшим уровнем доходов на душу населения (включая Болгарию и Сербию)¹⁶. Скучная материальная база университетов не создавала условий для исследовательской работы и подготовки профессоров и ученых. До середины столетия правительство предпочитало получать уже готовые научные кадры из Западной Европы (чаще всего это была Германия или Франция) либо отправлять «профессорских стипендиатов» на стажировки в Западную Европу. Число иностранцев в российских университетах было столь велико, что, по воспоминаниям современников, «многие из ученых Германии были даже убеждены, что и лекции в наших университетах читаются на немецком языке»¹⁷. Что же касается отправленных для учебы за границу «профессорских стипендиатов» (примерно 10 % от общего числа подготовляемых для преподавания), а также оставленных в университетах, то надо отметить, что стипендию получали меньше трети из оставленных при университетах для подготовки к педагогической деятельности. Это приводило к тому, что университетские кафедры и в 1850-е и в 1870-е и в более поздние годы оказывались некомплектованными. В 1872 г. в Казанском университете не хватало по штату 22 профессоров, 24 доцентов, 2 лекторов¹⁸. Положение не изменилось и к началу XX века. Как отмечалось в «Трудах комиссии по преобразованию высших учебных заведений», «Научный труд для многих талантливых молодых ученых ...превратился в научный аскетизм. Посему и университетские кабинеты и лаборатории значительно опустели, а научная работа в них увяла. Многие способные научные работники покидают ныне университет, находя себе на других практических поприщах лучшее обеспечение и жизнь. Посему и научные силы России и поныне все еще малочисленны по сравнению со странами Запада»¹⁹.

Именно из-за плохого состояния материальной базы, в середине 1850-х гг. о науке в университетах можно было говорить скорее условно, из всех наук значительные успехи университетскими исследователями были достигнуты лишь в области математики. Гуманитарные науки в это время находились несколько в лучшем положении, чем естественные, поскольку естествоиспытатель нуждается не только в библиотеках и общении, но и в инструментальном и лабораторном обеспечении. Впрочем, и ученое со-

общество в России было плохо организовано, важнейшие факторы общения научного сообщества на Западе – ученые общества, научные съезды – в России практически отсутствовали (функционировали лишь Вольное экономическое общество, географическое, Московское общество испытателей природы), научная печать на русском языке почти не существовала. Несмотря на то, что государство постоянно делало заявления о поддержке науки, реально делалось немного. В.И.Вернадский писал об отношении государства и науки во второй половине XIX в.: «Русские ученые совершали свою научную работу вопреки государственной организации»²⁰.

И в то же время на науку возлагались большие надежды. В её развитии либералы 1860-х видели предпосылку успешного реформирования страны и путь «нравственного и экономического сближения всех классов общества между собою в интересах общей пользы»²¹. Современники писали: «Другое явление Запада, сильно подействовавшее на нашу словесность, особенно в последнее время, была наука. Явления духовной жизни человека, хотя и совершались бы в различных сферах, но непременно соприкасаются друг с другом по родству всех сил духа. Стремление искусства сблизить красоту с истиною отвечало стремлению современной науки. Есть родство между современниками Бэконом и Шекспиром в XVI в.; есть такое же родство между современными учеными и современными повествователями. Анализ природы – доходящий до малейших инфузорий в капле воды и открывший в них целый мир жизни, соответствует и анализу души»²². Общественное настроение, поэтизация труда ученого, столь характерная для последней трети столетия, не могли не сказаться на формировании того идеала русского ученого, который во многом определил облик русской науки конца XIX – начала XX в. «Понимаешь, что условия, позволяющие научную деятельность, могут быть уничтожены и что все то, что делается в государстве и обществе, так или иначе на тебя ложится. И приходишь к необходимости быть деятелем в этом государстве или обществе, стараться, чтобы оно шло к твоему идеалу»²³, – читаем мы в дневнике В.И.Вернадского за 1884 г. А десятью годами позже Н.А.Умов запишет: «Пролетариату мысли и воли, несущему знамя научного творчества, а не пролетариату физического труда принадлежит, с нынешнего века, всемирно-историческая миссия. Не в подрываемом человеческим творчеством лозунге “продукт

труда должен принадлежать обрабатывающему” кроется разрешение бедствий человеческой жизни, а в увеличении человеческим творчеством богатств второй природы, измененного вне-человека, и в приобщении возможно большей части рода человеческого к царству мысли и воли»²⁴. И.М.Сеченов в 1883 г. писал, что «деятельность русских университетов по естествознанию за 30-летний период, до 1860-х гг. настоящего столетия нельзя не назвать в общем бледною – университетских работников в науке с русскими именами было мало, и стоят они как-то изолированно, мало влияя на среду»²⁵.

Причин такого положения было немало. Но все они коренились в самом взгляде на университеты в России XIX в. Отношения государства, общества и университетов хорошо прослеживаются на университетских уставах. В XIX в. в России было принято четыре университетских устава: 1804 г., 1835 г., 1863 г. и 1884 г. Если первый устав даровал университетам относительную автономию, то устав 1835 г. усилил власть попечителей, ограничив тем самым автономию и запретил заграничные командировки, третий устав 1863 г. восстановил права университетов, даровал им широкую автономию, разрешил командировки «профессорских стипендиатов» за границу, устав 1884 г. отменил их вовсе. В середине XIX в. университеты имелись лишь в семи городах Российской империи: Москве, Дерпте, Вильне, Казани, Харькове, Варшаве, Санкт-Петербурге, во второй половине столетия открылись университеты в Одессе (с 1865 г.) и Томске (с 1885 г.). К началу XX в. университеты стали крупными учебными и научными центрами: из 124,6 тыс. студентов российских вузов в 1914 г. в университетах обучались 32,2 тыс. человек, т.е. 27 % общего количества студентов. Но в XIX в. картина была иной, А.Н.Бекетов писал в 1868 г.: «Университетские города разбросаны в России, как оазисы в пустыне, а в самих городах этих университеты являются какими-то монастырями, в стенах которых каждая наука имеет по одному, много по два служителя»²⁶. Современники видели источник беды университетов в том, что они стали в первую очередь «правительственными, церковными, учебно-общественными и национальными учреждениями»²⁷, «утилитарные стремления» стали превалировать над интересами фундаментальной науки. Наука при этом отделялась от учебного процесса. Счастливым ис-

ключением из этого правила были естественники Петербургского университета, который с момента своего создания был тесно связан с Академией наук²⁸.

Многое изменилось с вступлением на престол Александра II в 1855 г. Наступило время «оттепели»²⁹. Современники вспоминали об этом времени: «...бывают моменты, к которым целые поколения приурочивают повороты в своих судьбах. Такою гранью было 18 февраля 1855 г. В этот момент умственному взору каждого мыслящего русского человека представлялось, что он стоит на перевале, на водоразделе двух исторических течений. Позади, в даль прошлого уходила длинная и благодаря своему гнетущему однообразию, казалось, бесконечная вереница лет <...> Впереди – впереди были только розовые мечты, опиравшиеся на вполне реальный, неотразимый аргумент – что так далее идти нельзя, что надо отправляться от чего-то иного. В числе этого иного оказалась и наука <...> С того момента наука, очевидно, могла развиваться уже не вопреки предрержащим властям или, в лучшем случае, не замеченная ими, а будто бы при их благосклонном содействии. Это движение... всего заметнее отразилось на развитии естествознания»³⁰. Метафорические образы двух царствований как времени тьмы и царства света становятся в последней трети XIX в. общим местом: «Казалось, что из томительной мрачной темницы мы как будто выходили если не на свет Божий, то по крайней мере, в преддверие к нему, где уже чувствуется освежающий воздух»³¹. В 1856 г. в Киевском, Московском и Харьковском учебных округах были удалены от университетских дел военные (генерал Кокошкин, Назимов, Васильчиков). В Санкт-Петербурге попечителем стал князь Г.А.Щербатов, в Москве – сенатор Е.П.Ковалевский, в Одессе – Н.И.Пирогов, в Казани – князь П.П.Вяземский. В это время появляется множество публикаций в периодической печати, посвященных университетскому вопросу и спорам о месте и роли науки в университетах. Реформа университетского образования должна была привести к повышению уровня образования, к улучшению положения естественных наук и к увеличению научной производительности в стране. Сокращенные почти полностью заграничные командировки возобновляются. С 1862 г. министр народного просвещения А.В.Головнин возобновляет заграничные командировки

профессорских стипендиатов. Их отчеты с осени 1862 г. начинает публиковать «Журнал Министерства Народного Просвещения». Среди стипендиатов «первой волны» можно упомянуть имена физика М.П.Авенариуса, химиков П.П.Алексеева и А.А.Вериго.

В 1863 г. появляется новый университетский устав. Он возвращает университетам автономию. Н.И.Пирогов в написанной им по поводу нового университетского устава статье «Университетский вопрос» отмечал важность автономии, считая, что для поднятия научного духа в стране необходима «свобода исследований, свобода обучения и учения»³², подразумевая под этим не только большую открытость университетов, но и отказ от обязательного посещения лекций и экзаменов. Устав 1863 г. также увеличивает количество кафедр, и, кроме того, улучшает финансирование университетов, столь необходимое для естественнонаучных исследований. Наука, а не государственная служба впервые становится для университета главной. М.Н.Катков писал: «Улучшение учреждений, подобных университету, зависит не от Уставов только, а от духа в нем живущего; университетский дух есть дух науки»³³. Согласно новому уставу в университетах должно быть четыре факультета: историко-филологический, физико-математический, юридический, медицинский (кроме Санкт-Петербурга, где существовал факультет восточных языков, но не было медицинского³⁴). На 12 кафедрах физико-математического факультета (кафедры чистой математики, механики, астрономии и геодезии, физики, химии, минералогии, физико-географии, геогнозии и палеонтологии, ботаники, зоологии, технической химии и агрономической химии) преподавало 16 профессоров и 3 доцента³⁵. Физико-математический факультет должен был иметь лаборатории и учебные кабинеты. Огромную роль в развитии науки сыграло то, что в результате реформ 1860-х гг. при естественных и медицинских факультетах университетов были созданы лаборатории и стали проводиться практические занятия, на которых студенты знакомились с методами исследования и получали навык работы с приборами и к постановке опытов. В открывшейся в 1865 г. для студентов физической лаборатории Петербургского университета поначалу работало всего десять студентов, к 1875 г. их число возросло почти в восемь раз, а в 1878 г. там занималось уже 115 студентов. В начале 1880-х в лаборатории аналитической химии занималось уже 220 человек, в ботанической – 180, в зооло-

гической – 150. Геологи Петербургского университета совершали экскурсии не только по окрестностям города, но и по территории соседних губерний.

С 1880-го г. в правительственных кругах России делаются заявления о необходимости «восстановить утраченное учебным ведомством доверие всех сословий и всех слоев общества»³⁶, и в мае 1881 г. с целью «привести наши университеты в нормальное положение и обратить их из рассадников политической агитации в рассадники науки»³⁷ была организована комиссия под председательством И.Д.Делянова. Контрреформа высшего образования 1884 г. позволила окончательно «закрепостить» университеты. Суть этих полицейских «охранительных» идей хорошо отражает заявление министра народного просвещения И.Д.Делянова, сделанное им в 1887 г. «Лучше иметь на кафедре преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитого человека, который, однако, несмотря на свою ученость, действует на умы молодежи растлевающим образом»³⁸.

Причины расцвета естествознания в России в конце 1850-х гг., конечно же, не объясняются лишь переменами в государственной политике, ведь это было время расцвета естествознания в Европе, где появляется множество блестящих исследователей, которые не только совершают открытия в области органической химии, спектрального анализа, физиологии, цитологии и т.д., но и, что не менее важно, проводят полную реорганизацию преподавания естественных наук, отказываясь от привычного схоластического метода преподавания, они начинают учить студентов не только с кафедры, но и в научно-исследовательской лаборатории. Впервые новые способы преподавания были применены в лаборатории Ю.Либиха (1803–1873), у которого учился Н.Н.Зинин и многие другие русские химики. Либих создал в Германии первую научную школу, куда со всего мира съезжались ученые. Система научного воспитания, созданная Либихом и затем внедренная его учениками в России, была основана на том, что «преподаватель должен сообщать ученику не один только запас знания, но, что не менее важно, и запас умения, т.е. должен выпускать готового, нового работника, нового двигателя новой науки»³⁹. Эти идеи и легли в основу научной школы, созданной Н.Н.Зининым в Казанском университете.

Казанский университет во второй половине столетия стал центром химической науки. Достижениями в области химии он был обязан Н.Н.Зинину. Преемником переехавшего в Петербург Зинина стал в Казани А.М.Бутлеров, а после его ухода из Казанского университета – В.В.Марковников и А.М.Зайцев. Вслед за Казанским университетом химическая школа возникла в Петербургском университете, куда переходит Бутлеров и где на кафедре органической химии в 1857–1859 гг. появляются Д.И.Менделеев и Н.Н.Соколов.

В большей степени гуманитарным университетом в начале 1850-х гг. оставался Московский университет, преподавателям и студентам которого «Лавры Грановского и Лурье не давали покоя, и выработался тип профессора в узком смысле слова, т.е. оратора на кафедре, но не исследователя в лаборатории»⁴⁰. Только с появлением в Москве В.В.Марковникова Московский университет стал вторым после Петербурга центром науки. В отличие от Петербурга, в нем, к тому же, благодаря А.Г.Столетову развивалась физическая наука. Стараниями этих ученых возникают настоящие научные лаборатории, в которых начинает кипеть такая же научная жизнь, как и в любом другом европейском университете. По университетскому уставу 1863 г. впервые были предусмотрены расходы на содержание лаборатории при университетах⁴¹:

Обязательными для студентов лабораторные занятия стали лишь с 1884 г., но уже с конца 1850-х гг. русские профессора изучали опыт организации подобных занятий в европейских университетах⁴², а в 1870-х за границу начали отправлять преподавателей специально для изучения опыта проведения практических занятий со студентами. Так, в 1873 г. кафедра физики Петербургского университета отправила в Гейдельберг лаборанта И.И.Боргмана⁴³. В 1865 г. кафедру физики Петербургского университета возглавил Ф.Ф.Петрушевский (1828–1904), сменивший на ней своего учителя Э.Х.Ленца (1804–1865). Он полностью изменил систему преподавания на кафедре тем, что допустил в лабораторию студентов. В отличие от Ленца, Петрушевский считал недостаточной для получения хорошего естественнонаучного образования лекционную форму обучения. Он полагал, что «реальные умения приобретаются лишь обращением с реальными объектами изучения науки»⁴⁴. Новые методы работы обеспечили и успехи биологической науки в российских университетах. Происшедший переворот в биологии

проявился особенно ясно в двух направлениях: изучении простейших организмов и в эволюционной теории. Клеточная теория и публикация труда Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» (кстати, труд был включен в университетский курс зоологии, который читал в Петербурге С.С.Куторга уже через год после первой публикации) дали мощный толчок к наступлению периода специализации биологических наук и к развитию в стенах университетов зоологии, и в первую очередь, зоологии простейших (И.И.Мечников, А.О.Ковалевский), эмбриологии, гистологии и ботаники. В ботанике выделяются анатомия, физиология, история развития и география растений. В Петербургском университете заслуга в развитии новой ботаники принадлежала Л.С.Ценковскому (1822–1887) и его преемникам А.Н.Бекетову (1825–1902) и А.С.Фаминцыну (1835–1918). К этому же времени относится и установившееся в российских университетах деление кафедры ботаники на две основные специальности: морфологию и физиологию растений. Успехи биологических наук были столь велики, что в 1870-х гг. в немецких учебниках по гистологии и физиологии отдельные главы пишутся русскими учеными⁴⁵.

Об успехе в российских университетах науки говорит и тот факт, что число студентов-естественников с 1860-х гг. постоянно росло, что хорошо видно на примере числа студентов естественного отделения Санкт-Петербургского университета⁴⁶, число студентов которого с 1876-го по 1883-й выросло более чем в два раза. В.И.Вернадский, окончивший Петербургский университет в 1885 г., вспоминал о своей учебе: «Университет имел для нас огромное значение. Он впервые дал свободный выход той огромной внутренней жизни, какая кипела среди нас и не могла проявляться в затхлых рамках гимназии... Менделеев, Меншуткин, Бекетов, Докучаев, Фаминцин, Богагов, Вагнер, Сеченов, Овсянников, Костычев, Иностранцев, Воейков, Петрушевский, Бутлеров, Коновалов оставили глубокий след в истории естествознания в России. На лекциях ... открылся перед нами новый мир, и мы все бросились страстно и энергично в научную работу, к которой мы были так несистематично и неполно подготовлены прошлой жизнью»⁴⁷.

Важнейшим фактором развития науки во второй половине столетия стали съезды. Первый всероссийский съезд естествоиспытателей и медиков состоялся в 1867 г. в Санкт-Петербурге.

Второй съезд состоялся в 1869 г. в Москве, третий в 1871 г. в Киеве. И если в первом принимало участие лишь 465 человек, то на съезде 1890 г. только Петербург представил 1200 специалистов. Важно и то, что русские ученые начали участвовать в международных съездах⁴⁸. На первом Всероссийском съезде естествоиспытателей и врачей (декабрь 1867 – январь 1868) было принято решение о создании обществ естествоиспытателей⁴⁹. Значение этих обществ должно было состоять в распространении естественнонаучных знаний в России, а также в геологических, зоологических и ботанических исследованиях российских территорий. После официального разрешения общества естествоиспытателей стали открываться в январе – мае при Петербургском университете, университете Св. Владимира в Киеве, а также в Харьковском и Новороссийском университетах. В конце 1880-х подобные общества были созданы в Варшаве и Дерпте. Благодаря деятельности обществ и при финансовой поддержке государства организовывались экспедиции, пополнявшие коллекции университетских музеев и кабинетов. С помощью этих обществ были изучены Крым, Урал, берега Волги и Камы, Туркестан, Хива, Арло-Каспийская область, Белое море, Алтай и др. В экспедициях принимали активное участие студенты. Так, В.И.Вернадский студентом участвовал в экспедиции В.В.Докучаева в Нижегородской губернии. По итогам своих исследований он написал свои первые студенческие работы, в них описывались обнажения в окрестностях Нижнего Новгорода (вошедшие в работу А.Р.Ферхмина «Материалы по оценке земель Нижегородской губернии») и жилища степных сурков⁵⁰. Кроме того стали создаваться научно-исследовательские станции. Так, Петербургское общество естествоиспытателей открыло первую Северную биологическую станцию (1882) на территории Соловецкого монастыря, а в 1895 г. пресноводную биостанцию на Бологовском озере (Новгородская губерния, Валдайский уезд).

Общества также стали играть ведущую роль в связях российских ученых с иностранными коллегами. Поскольку университеты имели право на беспощинный ввоз научной литературы без внешней цензуры, они могли обмениваться трудами и поддерживать связь с другими обществами. Так, общество естествоиспытателей

при Московском университете в 1887 г. обменивалось трудами и поддерживало связь с 97 обществами в России и 512 научными учреждениями 17 европейских стран⁵¹.

Однако к концу столетия эффективность обществ падает. Специализация науки требовала значительных затрат на институты и лаборатории. Появилась необходимость освобождения ученых от преподавательской работы.

Рост специализации в науке потребовал создания специализированных высших учебных заведений. Министр народного просвещения А.В.Головнин сказал в 1865 г.: «Для удовлетворения современным потребностям высшего технического и реального образования... желательно учредить в разных местах Империи несколько училищ сего рода, подобно тому, как в царствование Государя Александра Павловича было учреждено почти одновременно несколько университетов. ...У нас же, при предстоящей необходимости в ученых механиках для железных дорог; для внутреннего и морского пароходства, заведения эти совершенно необходимы»⁵². Особенно заметен этот процесс стал в начале XX в. Если в 1898 г. 46 % (1130 человек) профессорско-преподавательского корпуса высших учебных заведений России преподавало в университетах, то в 1913 г. этот процент значительно сократился и составил 33,7 % (1510 человек)⁵³.

С конца XIX в. начинается также процесс институализации естественных наук в университетах⁵⁴, что приводит к созданию физических институтов при университетах в Санкт-Петербурге (1901) и Москве (1903). Их строительство было продиктовано стремлением не только улучшить подготовку студентов, число которых постоянно росло (лекции физики в Московском университете посещали до 900 человек⁵⁵), но и поднять отечественную науку на новый уровень. Н.А.Умов в 1898 г. писал о необходимости создания подобных институтов: «...дело воспитания, заканчивающееся не одною школою, но продолжающееся и в общественной жизни, должно быть обставлено по возможности всеми средствами, способствующими упражнению и развитию творческих способностей личности, её энергии и инициативы <...> Музей, кабинет – вот термины, характеризующие прежний взгляд: учись; институт – вот новый взгляд: учись и твори, созидай!»⁵⁶.

Позитивную роль в развитии науки сыграло и то, что к началу XX в. общественное мнение также повернулось к науке, сделав ученого почти культовой фигурой. Раздумывая о развитии науки во второй половине XIX в., Тимирязев писал об этом «умственном движении, едва ли имевшего себе равное в истории»: «Если спросят: какая была самая выдающаяся черта этого движения? Можно не задумываясь ответить одним словом – энтузиазм <...> Этот энтузиазм был отмечен чертою полного бескорыстия, доходившего порою до почти полного забвения личных потребностей ... А в чем заключалась причина необычайного успеха этого умственного движения? Причина могла быть только одна. Задачи времени вполне соответствовали природному характеру расы <...> как только образованные слои русского народа почувяли освобождение от того гнета, который безразлично давил всякую мысль, – эта мысль проявила свою творческую силу»⁵⁷.

Примечания

- ¹ *Тимирязев К.А.* Пробуждение естествознания в третьей четверти века // История России в XIX веке. Т. 7. СПб., 1806. С. 4; *Брылевская Л.И.* Реформа математического образования в николаевское время // *Философский век: Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение.* СПб., 1998. Вып. 6. С. 117–124.
- ² *Брылевская Л.И.* Реформа математического образования в николаевское время. С. 117–124.
- ³ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Пг., 1921. Ч. V. С. 224.
- ⁴ *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 20.
- ⁵ *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1906: В 4 т. Казань, 1902. Т. 1. С. XV.
- ⁶ Цит. по изд.: *Соловьёв И.М.* Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Вып. 1. СПб., 1914. С. 58.
- ⁷ См. напр.: *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.–Л., 1930. С. 372–373.
- ⁸ Журнал министерства народного просвещения. Ч. 1. 1834. С. XIIХ.
- ⁹ *Никитенко А.В.* Записки и дневник (1826–1877). Т. 1. СПб., 1893. С. 500.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 88. 1848 г. Ед. хр. 27. Л. 7–7 об.
- ¹¹ *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного Просвещения. 1802–1902. Гл. II: Князь А.Н.Голицын. Министерство Духовных Дел и Народного Просвещения (1817–1824). СПб., 1902. С. 265.
- ¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 88. 1848 г. Ед. хр. 27. Л. 8.
- ¹³ *Никитенко А.В.* Записки и дневник (1826–1877). Т. 1. С. 517.

- 14 Россия: Энцикл. словарь. Л., 1991. С. 387.
- 15 Янжул И.И. О городских общественных библиотеках // Очерки и исследования: В 2 т. Т. 1. М., 1884. С. 310.
- 16 Янжул И.И. Значение образования для успехов промышленности и торговли // Экономическая оценка народного образования. СПб., 1899. С. 1–26.
- 17 Модестов В.И. Русская наука в последние двадцать пять лет // Русская мысль. Кн. V. М., 1890. С. 76.
- 18 Казанский университет 1804–1979. Казань, 1979.
- 19 Труды высочайше учрежденной Комиссии по преобразованию высших учебных заведений. СПб., 1903. Вып. IV. С. 132–133.
- 20 Вернадский В.И. 1911 год в истории русской умственной культуры. СПб., 1912. С. 8.
- 21 Наше время. 1860. 22 мая. № 19. С. 298.
- 22 Шевырёв С.П. Детские годы Багрова внука, служащие продолжением Семейной хроники С.Аксакова // Русская беседа. 1858. Кн. 10. С. 65.
- 23 Вернадский В.И. Из дневников 1884 г. // Природа. 1967. № 10. С. 101.
- 24 Умов Н.А. Эволюция живого и задачи пролетариата мысли о воли // Умов Н.А. Собр. соч. Т. 3. М., 1916. С. 325–326.
- 25 Сеченов И. Научная деятельность русских университетов по естествознанию за последнее двадцатипятилетие // Вестн. Европы. Кн. 11. Ноябрь. 1883. С. 331.
- 26 Отечественные записки. 1868. № 2. С. 195.
- 27 Пирогов Н.И. Университетский вопрос // Дополнение к замечаниям на проект общего устава императорских российских университетов. СПб., 1863. С. 1.
- 28 Сеченов И.М. Научная деятельность русских университетов по естествознанию за последнее двадцатипятилетие. С. 330–343.
- 29 Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855–1881). Ист. очерки. М., 1909.
- 30 Тимирязев К.А. Пробуждение естествознания в третьей четверти века. С. 2.
- 31 Записки Александра Ивановича Кушелева. Берлин, 1884. С. 82.
- 32 Пирогов Н.И. Университетский вопрос.
- 33 Цит. по: Джанишиев Гр. Из эпохи великих реформ. М., 1893. С. 278.
- 34 Отсутствие медицинского факультета в Петербургском университете объяснялось тем, что в городе существовала Военно-Медицинская академия. Впрочем, в 1914 г. Государственная дума приняла законопроект о его учреждении, но он был отвергнут Советом министров как дорогостоящий.
- 35 Университетский устав 1863 года. СПб., 1863. С. 6.
- 36 Всеподданнейший доклад председателя Верховной Распорядительной комиссии гр. Лорис-Меликова // Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 483.
- 37 Цит. по: Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения. 1802–1902. С. 613.
- 38 Цит. по: Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. С. 230.
- 39 Тимирязев К.А. Пробуждение естествознания в третьей четверти века. С. 8.
- 40 Там же. С. 12.
- 41 Университетский устав 1863 г. СПб., 1863. С. 49.

- 42 Профессор кафедры физики Московского университета И.А.Любимов в 1857–1859 гг. изучал организацию преподавания физики в французских университетах.
- 43 Корзухина А.М. Институционализация преподавания физики в Петербургском и Московском университетах (1863–1917) // *Вопр. истории естествознания и техники*. 1995. № 3. С. 123.
- 44 Цит. по: *Лермантов В.В.* Исторический очерк развития физической лаборатории при Санкт-Петербургском университете под руководством Ф.Ф.Петрушевского // Сб. ст., посвящ. памяти дорогого учителя Ф.Ф.Петрушевского. СПб., 1904. С. VII.
- 45 *Сеченов И.М.* Научная деятельность русских университетов по естествознанию за последнее двадцатипятилетие. С. 341.
- 46 Таблица из статьи И.М.Сеченова. См.: *Сеченов И.* Научная деятельность русских университетов по естествознанию за последнее двадцатипятилетие. С. 336.
- 47 *Вернадский В.И.* Из прошлого. Февраль 1916 // *Вернадский В.И.* Очерки и речи. Ч. 2. Пг., 1922. С. 104.
- 48 См.: *Модестов В.И.* Русская наука в последние двадцать пять лет // *Русская мысль*. С. 73–91.
- 49 См.: Общества естествоиспытателей при университетах дореволюционной России: К 125-летию начала деятельности: Сб. ст. / Отв. ред. Е.В.Соболева. Л., 1990.
- 50 См.: *Тр. Вольного эконом. о-ва*. № 3. 1889. С. 22–29.
- 51 Отчет о состоянии императорского Московского университета за 1887 год. М., 1888. С. 145.
- 52 Всеподданейший доклад А.В.Головнина 7.09.1865 // *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения. 1802–1902. С. 430.
- 53 *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – нач. XX века. С. 208.
- 54 Корзухина А.М. Институционализация преподавания физики в Петербургском и Московском университетах (1863–1917) // *Вопр. истории естествознания и техники*. 1995. № 3. С. 122–127.
- 55 *Умов Н.А.* Доклад о сооружении физического института при Императорском Московском университете // *Умов Н.А.* Собр. соч. Т. 3. М., 1916. С. 579.
- 56 *Умов Н.А.* Физический институт Московского университета // *Умов Н.А.* Собр. соч. Т. 3. М., 1916. С. 146.
- 57 *Тимирязев К.А.* Пробуждение естествознания в третьей четверти века // *История России в XIX веке*. Т. 7. СПб., 1906. С. 30.

Монашеская община как сообщество друзей и как школа внимания: «Правило» Августина и «Правило» Бенедикта

В Средневековье блаж. Августину приписывалось три монастырских правила. Это *Consensoria monachorum*, или *Regula prima* («Согласованное правило», «Первое правило»); *Ordo monasterii* («Уложение»), определяющее порядок богослужений и распорядок жизни в монастыре; и *Praeceptum*, или *Regula ad servos Dei* («Предписание, или Правило для рабов Божьих») – руководство для мужской монашеской общины. Существовала также *Regularis Informatio* – версия «Предписания», адресованная женской монашеской общине. В XVI–XVII вв., когда появляются критические издания трудов Августина, аутентичным признается лишь третье из этих правил. Эразм Роттердамский и Беллармин считали, что *Praeceptum* было написано для женской общины, а «мужскую» версию рассматривали как более позднюю. В основном они исходили из того, что «женская версия» «Предписания» присоединена к письму 211, обращенному к монахиням по поводу споров об избрании новой настоятельницы. В XIX в. письмо 211 расценивалось как подлинное, однако присоединенное к нему правило трактовалось как компиляция из проповедей Августина. В XX в. фундаментальные исследования, основанные на изучении рукописей, сопоставлении с другими ранними западными монастырскими уставами и анализе творчества Августина, доказали подлинность *Regula ad servos Dei* и установили, что это наставление было первоначально составлено для мужской общины¹.

Путь Августина к монашеству был долгим². Он начался в Карфагене, когда девятнадцатилетний Августин, изучая риторику, прочел утраченный ныне диалог Цицерона «Гортензий». Судя по замечаниям самого Августина, в этом тексте Цицерон доказывает, что ни чувственные удовольствия, ни богатства, ни почести не приносят истинного счастья, которое заключается лишь в любви к мудрости. «Мне вдруг опротивели все пустые надежды; бессмертной мудрости желал я в своем невероятном сердечном смятении и начал уже вставать, чтобы вернуться к Тебе», – вспоминает Августин в «Исповеди» (Confess. III, 4)³. Чтение Цицерона отвратило Августина от стремления к богатству; карьера ратора и супружество оказались более серьезными препятствиями для созерцательной жизни. Но главный вопрос заключался в том, где следует искать истину. Как известно, Августин поначалу обратился к манихейству, а впоследствии сильное влияние на формирование его философского мышления оказал неоплатонизм.

Когда Августин занимал должность ратора в Милане, он вместе с друзьями – Алипием, Небридием, Романианом и другими – составлял планы «свободной жизни вдали от толпы» (Confess. VI, 14) «Эту свободную жизнь мы собирались организовать таким образом: каждый отдавал свое имущество в общее пользование; мы решили составить из отдельных состояний единый сплав и уничтожить в неподдельной дружбе понятие “моего” и “твоего”; единое имущество, образовавшееся из всех наших средств, должно было целиком принадлежать каждому из нас и всем вместе. В это сообщество нас собиралось вступить человек десять, и среди нас были люди очень богатые, особенно один земляк мой, Романиан... Он особенно настаивал на этом обществе, и его уговоры имели большой вес, потому что его огромное состояние значительно превосходило средства остальных. Мы постановили, чтобы два человека, облеченные как бы магистратурой, в течение одного года заботились обо всем необходимом, оставляя прочих в покое» (Confess. VI, 14). Однако этот проект не осуществился, поскольку некоторые из друзей были женаты, а сам Августин собирался вступить в брак.

О существовании монашества Августин впервые услышал от своего земляка Понтициана, который рассказал ему о египетском аскете св. Антонии и о монастыре под Миланом (Confess. VIII, 6). Этот рассказ сыграл значительную роль в обращении Августина – в

решении посвятить свою жизнь только Богу. Августин отказался от брака, а вскоре и от преподавания риторики. В 386–387 гг., готовясь к принятию крещения, Августин живет с друзьями в Кассициаке, в имении своего друга Верекунда. В этот период Августин написал «Против академиков» (*Contra Academicos*), «О блаженной жизни» (*De beata vita*), «О порядке» (*De ordine*) и «Монологи» (*Soliloquia*). «Его жизнь проходит в молитвах, посте, физическом труде, философских размышлениях и созерцании. Философия была неотъемлемой частью этого «монашеского» опыта... Очевидно, такая затворническая жизнь способствовала философскому творчеству, а Августин считал, что философия ведет к созерцательной жизни», – комментирует М.Суини⁴. Жизнь этого сообщества друзей ярко изображена Августином в диалоге «О порядке» – блестящем литературном образце философской прозы.

После крещения Августин оставил Милан и решил вернуться в Африку. В Остии умерла Моника. Простившись с ней, Августин провел год в Риме (в «Исповеди» об этом периоде не упоминается). Там он познакомился с монашеской практикой, посетил мужские и женские монастыри, которых в городе было несколько. Августин обнаруживает, что в них господствует не суровая аскеза, к которой призывали манихеи, а любовь (*charitas*) и забота братьев друг о друге. Главный принцип – единство в любви (*De mor. Eccl. cath.* 1, 33, 70–73). После возвращения в Африку, в родной Тагаст, Августин продает свое имущество и раздает вырученные деньги бедным. Вместе с друзьями и близкими, среди которых и его сын Адеодат, Августин поселяется за городом, в уединении. Здесь он пишет «Об истинной религии» (*De vera religione*), где созерцание Бога характеризуется как «покой» мысли (*otium cogitationis*), и диалог «Об учителе» (*De magistro*). Однако уединение Августина постоянно нарушали соотечественники, обращавшиеся к нему с различными просьбами. Августин решает покинуть Тагаст и отправляется в Гиппону, чтобы поискать место для монастыря.

Как рассказывает Поссидий (*Vita S. Augustini*, 3–4), Августин избегал городов со свободной епископской кафедрой, опасаясь, что ему ее предложат. Но в Гиппоне Августин зашел в церковь в тот момент, когда местный епископ предложил прихожанам избрать священника, который бы помогал ему в чтении проповедей.

Выбор, естественно, пал на Августина. Августин принял возложенное на него служение, но по-прежнему стремился вести монашескую жизнь. Епископ отдал в его распоряжение сад при церкви, и там Августин устроил свой монастырь. Образцом для Августина и его единомышленников служит община первых христиан, какой она предстает в Писании: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее... Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, кто в чем имел нужду (Деян. 4, 32–35)». Община состояла из мирян, но в ней с самого начала был по крайней мере один священник – сам Августин.

В 395 г. Августин был возведен в сан епископа. Теперь он уже не мог жить в своем монастыре: епископ, по представлениям Августина, был бы недостойн своего звания, если бы не предоставлял всем желающим гостеприимства, однако многочисленные посетители нарушили бы порядок монашеской жизни (Serm. 355, 2). Поэтому Августин основал при епископате монастырь клириков. Там было меньше возможностей для уединения и созерцания, чем в общине мирян, поскольку на епископе лежало множество обязанностей: ежедневные богослужения, проповедь, катехизация, забота о бедных и притесненных, церковный суд. Несколько клириков из гиппонской общины стали впоследствии епископами африканской церкви; одним из них был Поссидий, составитель первой биографии Августина⁵. Кроме того, Августин основал в Гиппоне женский монастырь, который возглавляла его сестра и куда вступили его племянницы. Именно этой общине адресованы Письма 210 и 211: после смерти настоятельницы монахини восстали против новой аббатиссы, и Августин обратился к ним с увещанием.

Для какой из этих общин было предназначено «Правило»? Для женской, поскольку оно присоединено к письмам 210 и 211, и в таком случае первична «женская версия»? Исследования показали, что первичен текст *Regula ad servos Dei*. Сложнее обстоит дело с его датировкой и, соответственно, адресатом. 391 г. и община мирян в Гиппоне? 400 г., когда был написан трактат «О трудах монашеских» (*De opere monachorum*), и община в Карфагене? Мнения специалистов расходятся⁶.

«Правило» начинается призывом: «*Haec sunt quae ut observetis, praecipimus in monasterio constituti. Primum, propter quod in unum estis congregati, ut unanimes habitetis in domo et sit vobis anima una et cor unum in Deum*» (Regula 1.1–2). «Мы призываем вас, составляющих религиозную общину, выполнять следующие предписания. Прежде всего, живите в мире (Пс. 68), будучи единым умом и единым сердцем (Деян. 4, 32) на пути к Богу, для чего вы и собраны воедино»⁷.

Монашеская жизнь предстает как путь к Богу в контексте всей философии Августина. Эту взаимосвязь М.Суини характеризует следующим образом: «Путь к Богу есть внутреннее путешествие: движение к Богу начинается с поворота от внешнего мира к душе, а затем продолжается в самой душе до тех пор, пока не будет открыто присутствие Бога в уме. ...С точки зрения языка, это переход от внешней речи к внутреннему рациональному диалогу и, наконец, к нетварному Слову. Это внутреннее путешествие сопровождается постепенным умолканием всего, что не есть Бог, в том числе и самой души. Цель этого молчания – услышать Бога, позволить Ему заговорить; т.е. дать зазвучать Его Слову. Все тварное замолкает и все тварные роды деятельности прекращаются, включая и философию. Внутренний философский диалог заканчивается молчанием – слушанием и ожиданием Бога, так что человеческая активность уступает место божественной. Следовательно, философия должна развиваться в одиночестве и молчании, вдали от суеты внешнего мира. Всякий род внешнего диалога, размышления и опыта, в которых нуждается философия, нацелены на то, чтобы достичь молчаливого созерцания и слушания Бога. В таком случае неудивительно, что Августин всегда стремился вести жизнь монаха»⁸.

Однако для Августина этот путь возможен лишь в единстве с другими проходящими его. Августин не мыслит жизни без дружбы. «*In quibuslibet rebus humanis nihil est homini amicum sine homine amico*» (Ep. 130, 2, 4): все враждебно тому, у кого нет друга. Августину было близко определение, данное в трактате любимого им Цицерона: «Дружба не что иное, как согласие во всех делах божеских и человеческих в сочетании с благожелательностью и привязанностью» (О дружбе, VI, 20)⁹. Согласие друзей для Августина основывается на истине: «Не может быть другом ни одному человеку тот, кто не друг истине» (Ep. 155, 1). Поиск истины и стремление к ней для Августина составляет смысл дружбы, что иллюстри-

руют многочисленные места из «Исповеди», например, рассказ о Небридии: «Небридий оставил родину, находившуюся по соседству с Карфагеном, и самый Карфаген, где он постоянно бывал, оставил прекрасную отцовскую деревню, оставил родной дом и мать, которая не собиралась следовать за ним, и прибыл в Медиолан только для того, чтобы не расставаться со мной в пылом искании истины и мудрости» (Confess. VI, 17). Приняв истину Писания, Августин придает античному культу дружбы новый смысл: ее основанием становится любовь к Богу. «Истинной дружба бывает только в том случае, если Ты скрепляешь ее между людьми, привязавшимися друг к другу «любовью, излившейся в сердца наши Духом Святым, Который дан нам» (Рим 5:5)» (Confess. IV, 4). Дружба, коренясь в свободе, требуя верности и возрастая благодаря любви, приводит к единству друзей в Боге: «В первую очередь – согласие в делах божественных, затем в делах человеческих; если соблюдем их со всей верностью, дружба наша будет искренней и вечной и соединит нас не только друг с другом, но и с Господом» (Ер. 258, 4).

Дружба остается для Августина идеалом монашеской жизни, любовь – ее основой. Любовь (*amor*) облегчает бремя забот: благодаря ей трудное становится легким, привычное новым (*De bono viduit. 21, 26; De catech. rud. 12, 17*). Христианская любовь (*charitas*) – та, которую превозносит апостол Павел: «Любовь долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине» (1 Кор. 13, 4–6). В «Правиле» говорится о проявлении любви в повседневной жизни общины – о распределении имущества, посте и молитве, отношении к больным, прощении и примирении. Богатые и высокопоставленные люди, лишаясь привилегий, не должны быть унижены, и нужно проявлять к ним снисхождение, если им трудно привыкнуть к аскезе. Бедные не должны гордиться своим новым положением (*Regula I, III*). Больным следует давать пищу, которая им нужна и полезна (*V*). В случае ссоры необходимо сразу просить прощения и давать его (*VI*). Настоятель должен быть примером для братьев, ободрять малодушных, проявлять терпение, заботиться обо всех и стремиться к тому, чтобы его любили больше, нежели боялись (*VII*). «*Donet Dominus, ut observetis haec omnia cum dilectione, tamquam spiritualis pulchritudinis amatores et bono Christi*

odore de bona conversatione flagrantes, non sicut servi sub lege, sed sicut liberi sub gratia constituti» (VIII, 1). «Пусть дарует Господь, чтобы Вы соблюли все эти наставления, возлюбив духовную красоту и источая благой жизнью своей благоухание Христово: не как рабы, находящиеся под законом, но как свободные под покровом благодати», – пишет Августин в заключении, возвращаясь к своим постоянным темам: свободе, благодати, духовной красоте как предмету стремления.

Свой *Устав*, или *Правило для монахов* (*Sancti Benedicti Regula, Regula monachorum*), св. Бенедикт составлял в монастыре Монте Кассино, основанном им около 529 г. Обычно «Устав» датируется 530 г., хотя возможно, что св. Бенедикт работал над ним вплоть до своей смерти (547–560, точная дата неизвестна). *Regula monachorum* – вероятно, единственное дошедшее до нас произведение Бенедикта (существует гипотеза, что «Правило Учителя» (*Regula magistri*), широко использованное в «Правиле для монахов», тоже было написано Бенедиктом, но в более ранний период). Великолепное критическое издание «Правил» с обширными текстологическими, историческими, филологическими и богословскими комментариями было опубликовано в серии *Sources Chrétiennes*¹⁰.

Источником сведений о св. Бенедикте служат «Диалоги» папы Григория Великого, датируемые 593–594 гг.: во второй книге «Диалогов» содержится житие Бенедикта. Бенедикт начинал свой иноческий путь как отшельник, но стал одним из основателей западного общежительного монашества. Уроженец Нурсии, Бенедикт учился в Риме, но вскоре покинул город. Он поселился в пещере в Субиако, в ущелье над искусственным озером, созданным императором Нероном, и провел три года в полном одиночестве. Затем отшельника обнаружили, слава о нем распространилась, и к нему стали стекаться ученики. Образовалась большая община, которую Бенедикт расселил, построив двенадцать монастырей на правом берегу Анио. В каждом монастыре двенадцать монахов объединялись вокруг «отца» (аббата). Однако через некоторое время Бенедикт и его община подверглись преследованиям со стороны местного священника. Покинув Субиако, святой отправился на юго-восток от Рима, в горы, где основал новый монастырь – Монте Кассино, в котором провел всю оставшуюся жизнь. Монастырь был уничтожен

ломбардами и покинут монахами четверть века спустя, около 580 г. Оставался «Устав», и именно это маленькое произведение, вместе с «Диалогами» Григория Великого, будет широко распространяться по всей Европе¹¹.

Для Бенедикта монастырь – это школа евангельской жизни. Школа собирается вокруг учителя, отца своих духовных чад. Цель учения – возвращение к Богу, от которого первый человек (Адам) отпал из-за непослушания. «Obsculta, o fili, praecepta magistri, et inclina aurem cordis tui, et admonitionem pii patris libenter excipe et efficaciter comple, ut ad eum per oboedientiae laborem redeas, a quo per inoboedientiae desidiam recesseras (Prologus, 1–2). «Выслушай, сын мой, наставления учителя, и приклони к ним ухо сердца. Это советы любящего отца – прими их охотно и прилежно исполни. Так трудом послушания ты возвратишься к Тому, от Кого отделился, впад по праздности в непослушание»¹². «Constituenda est ergo nobis dominici schola servitii» (Prologus, 45): «Итак, устроим школу, чтобы научиться служить Господу».

Во главе монастыря стоит аббат. Он должен быть достоин своего имени: ведь отцом («аббат» от арамейского «авва») он называется потому, что это имя Господа. Бенедикт ссылается на апостола Павла: «Вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым зываем: «Авва, Отче!»» (Рим. 8, 15). Аббат представляет Учителя – Христа, и не должен устанавливать ничего, что выходило бы за пределы заповедей Господних. Аббат должен всегда помнить, что за свой труд он даст отчет Богу (II, 1–6). Пастырь отвечает за своих овец, овцы же должны слушаться его. В Судный день настоятель, проявивший должную заботу о своих учениках, скажет: «Правды Твой не скрывал я в сердце моем, возвещал верность Твою и спасение Твое» (Пс. 39, 11). Жизнь аббата не должна расходиться с его наставлениями: он учит не только словом, но и личным примером (II, 11–15). **Глава общины с равной любовью** относится ко всем братьям, не делая различия между рабом и свободным, ибо перед Господом все люди равны (II, 16–22). Аббат одновременно строгий наставник и любящий отец (II, 24). Он увещевает словом, но при необходимости прибегает и к наказаниям (II, 27–29). **Он действует по-разному, сообразуясь с поведением и складом каждого брата.** Однако, искореняя грехи бра-

тьев и ведя своих духовных детей к Богу, аббат должен прежде всего постоянно требовать отчета от себя самого и исправлять собственные недостатки (II, 39–40).

Когда нужно принять важное решение, касающееся всего монастыря, аббат собирает братьев на совет. Каждый может высказаться, однако право решения принадлежит только настоятелю, и монахи должны беспрекословно исполнять его слово. При этом все в монастыре – как ученики, так и аббат – подчиняются Уставу (III).

Для учеников, вступивших в школу служения Богу, Бенедикт предлагает в четвертой главе Устава следующие правила. Прежде всего необходимо исполнить библейские заповеди: возлюбить Господа Бога всем сердцем, всей душой, всей крепостью своей, и ближнего, как самого себя (Мк. 12, 30–31); соблюсти запреты Декалога (IV, 3–7); почитать всех людей; не делать другому того, чего себе не желаешь (8–9). Затем нужно отвергнуться себя и следовать за Христом (10): поститься с радостью, кормить бедных, одевать нагих, посещать больных, хоронить мертвых, помогать в беде, утешать страдающих (11–19); чуждаться дел «века сего» и ничего не предпочитать любви Христовой (20–21); не совершать поступков во гневе и не стремиться к мести (22–23); не замышлять обмана (24); не отступать от любви (26); не клясться, чтобы не нарушить клятвы (27); истина пусть исходит из сердца, не только из уст (28); не воздавать злом за зло (29); не совершать несправедливости, а если она совершится, переносить ее с терпением (30); любить врагов (31); благословлять проклинающих (32); переносить гонения за правду (33); не быть гордецом, сонливцем, ленивцем (34–38); не роптать (39); не говорить о других дурно (40). Всю надежду возлагать на Бога (41); доброе, что увидишь в себе, не приписывать себе, но признавать, что оно исходит от Бога (42), о зле же знать, что ты сам его творишь – оно исходит от тебя (43). Бояться Судного дня и геенны (44–45), стремиться к вечной жизни (46), всегда помнить о смерти (47). Хранить постоянное внимание и помнить, что Бог видит нас повсюду (48–49). Противостоять дурным помыслам и открывать их более опытным монахам (50). Хранить уста от дурного слова, избегать многословия (51–53). С радостью слушать Священное Писание, часто простираться в молитве (55–56). Каждый день открывать Богу в молитве свои грехи, оплакивая их, и стараться впредь их не повторять (57–58). Не

уступать похотям плотским и ненавидеть свою волю (59–60). Во всем подчиняться наставлениям аббата (61). Исполнять каждый день заповеди Божии (63). Стремиться к целомудрию (64). Никого не ненавидеть, никому не завидовать, избегать споров (65–68). Почитать старших, любить младших (70–71). Молиться за врагов в духе Христовом (72). Если с кем поссорился, примиряться до захода солнца (73). И никогда не отчаиваться в милосердии Божиим (74). Возвращение к Богу начинается с послушания. Монах повинуется старшим немедленно и с радостью, подражая Христу, Который сказал, что не Свою волю пришел исполнить, но волю Отца (Ин. 6, 38) (V). **Чтобы слушать, нужно научиться хранить молчание.** Теме молчания посвящена шестая глава Устава. Дело не только в том, чтобы избегать дурного или пустого слова. Молчание предпочтительнее даже слов, сказанных с добрыми намерениями: учителю подобает говорить и наставлять, ученику – молчать и слушать (VI, 2–6).

Возвышает только смирение. Лестница, которую видел во сне Иаков, – лестница смирения. Тот, кто возрастает в смирении, поднимается по ней, тот, кто поддается гордыне, – падает (VII, 6–8). В этой лестнице Бенедикт насчитывает двенадцать ступеней.

Первая из них – хранить внимание. Нужно избегать забвения (VII, 10), помнить, что Бог всегда рядом и всегда нас видит (VII, 13). **Богу открыты не только поступки, но и мысли, напоминает Бенедикт, ссылаясь на Писание:** «Ты испытываешь сердца и утробы, праведный Боже!» (Пс. 7, 10); «Господь знает мысли человеческие» (Пс. 93, 11); «Иду ли я, отдыхаю ли, Ты окружаешь меня, и все пути мои известны Тебе» (Пс. 138, 3) (VII, 14–17). Но кроме мыслей, следует наблюдать и за волей – стремиться исполнить не свою волю, но волю Божию, как говорит о том прошение в молитве Господней (Мф. 6, 10). Собственная воля нередко оказывается пагубна: «Есть пути, которые кажутся человеку прямыми, но конец их – путь к смерти» (Прит. 16, 25). Своей воле следовали те, о которых говорит псалом 13: «Сказал безумец в сердце своем: «Нет Бога». Они развратились, совершили гнусные дела; нет делающего добро» (Пс. 13, 1) (VII, 19–22).

Следующие ступени смирения, о которых говорится в седьмой главе: 2) возненавидеть свою волю (31–33); 3) повиноваться старшим из любви к Богу (34); 4) проявлять терпение и стой-

кость в скорбях (35–43); 5) открывать аббату дурные помыслы (44–48); 6) довольствоваться самым низким положением (49–50); 7) искренне себя принижать (51–54); 8) исполнять Устав монастыря и не делать ничего иного (55); 9) хранить молчание (56–58); 10) избегать смеха (59); 11) говорить кротко, разумно, немногословно (60–61); 12) постоянно ощущать себя перед судом Божиим (64).

Таким образом, седьмая глава, начинаясь с темы внимания, завершается темами, тесно с ней связанными: молчание, немногословие, постоянное памятование о Боге и Его суде. Однако это не движение по кругу, а восхождение. Тот, кто поднялся по лестнице смирения, обретает совершенную любовь к Богу, которая изгоняет страх (1 Ин. 4, 18). Отныне он стремится к праведности не из страха Божия, а из любви; исполнение воли Божией, которое прежде могло быть тягостно, теперь доставляет только радость (67–69).

Перечислим кратко остальные правила, составленные Бенедиктом для его «школь».

Службы состоят из псалмов, гимнов, литаний и чтения Священного Писания. Особое место в монастырском богослужении занимает Псалтирь – за неделю обязательно должны быть прочитаны все 150 псалмов (VIII – XIX). В молитве мы будем слышаны не по обилию слов, но по чистоте сердца, напоминает Бенедикт. Каким бы ни был личный опыт каждого молящегося, общая молитва должна быть краткой (XX).

Монахи спят в общем помещении – dormitorio, в одежде, чтобы, встав, сразу идти молиться (XX).

Для монахов, проявляющих непослушание и упорствующих в нем, предусмотрены эпитимии: они могут быть отлучены от совместной трапезы, лишены права читать на богослужении псалмы и тексты Писания (XXIII–XXV). **Братья не должны с ними общаться (XXVI)**, тогда как аббат должен их увещевать и ободрять, как мудрый врач и добрый пастырь (XXVII). Те, кто несмотря на многочисленные эпитимии не исправляется, могут быть изгнаны из монастыря (XXVIII).

Келарь должен быть зрелым и мудрым человеком и заботиться о монахах, как любящий отец. Каждому в нужное время будет дано то, в чем он нуждается: никто не должен тревожиться или печалиться в доме Божиим (XXX).

Ни один монах не может иметь личной собственности, даже его тело и его воля ему не принадлежит. В монастыре все имущество общее. Если монахи в чем-либо нуждаются, они получают просимое от аббата (XXXIII). Аббат учитывает потребности каждого монаха. Тот, кому больше нужно, осознает свою слабость. Тот, кто нуждается в меньшем количестве вещей, свободнее. Так все сохраняют в душе мир (XXXIV).

Еду монахи готовят по очереди. Они начинают свой труд с молитвы, и вся община молится за них (XXXV).

За больными следует ухаживать с особой заботой и любовью. Больным можно есть мясо, и к ним не применяются общие правила о трапезах (XXXVI). Аббат должен также заботиться о пожилых монахах и детях (XXXVII).

За трапезой читается Священное Писание, монахи слушают, храня полное молчание (XXXVIII).

В промежутках между службами монахи занимаются различными работами и духовным чтением (XLVIII).

Новых братьев принимают в монастырь лишь по прошествии года. За это время они должны изучить устав, освоиться с монастырской жизнью и обдумать свое решение (LVIII). **Все вступающие в монастырь отказываются от своего имущества.** Если священник вступает в монастырь, он не получает никаких привилегий (LX). **Старшинство определяется временем, проведенным в монастыре,** и не зависит ни от происхождения, ни от сана, ни от возраста монаха. Важен лишь опыт духовной жизни. Младшие должны почитать старших, старшие любить младших (XLIII).

Аббат избирается монахами (LXIV).

В заключение Бенедикт отсылает к творениям Отцов и Писанию, где найдут руководство стремящиеся к совершенству: свой Устав он рассматривает как правило для начинающих (LXXIII).

Сопоставляя два Устава – «Правило» Августина и «Правило» Бенедикта, нужно учитывать, что жанр этих памятников не вполне идентичен. Августин – автор необозримого множества трудов, философских, богословских, пасторских. Он вовсе не стремится в своем «Правиле» охватить все стороны монашеской жизни. Для Августина ничуть не меньше, чем для Бенедикта, «монах» – тот, кто обретает единство и цельность, стремясь к единению с Богом.

Но о стремлении к Богу и о созерцательной жизни у Августина столько написано, что ему нет необходимости излагать эту тему в «Правиле». Акцент ставится иначе: «монах» становится единым, обретая единство с другими людьми. Большинство рекомендаций в *Regula ad servos Dei* нацелены на создание и сохранение этого единства. Мотив «учителя» и «школы», проходящий сквозь все «Правило» Бенедикта, в «Правиле» Августина отсутствует. Упоминания о послушании есть, но они связываются скорее с излечением от болезней телесных или духовных: тот, кого следует слушать, предстает здесь не как учитель, а как врач.

В контексте творчества Августина идеалом монашеской общины оказывается дружба. Становясь друзьями Божьими, члены общины должны стать друзьями и между собой. И наоборот: друзья в общем поиске истины, живя «единым умом и единым сердцем», становятся друзьями Бога – таков был путь самого Августина.

Для Бенедикта, как и для Августина, образцом служит община первых христиан. Однако в «Правиле» Бенедикта акцент ставится на послушании учеников учителю, который представляет Учителя – Христа. Послушание – это умение слышать, оно требует внимания. Хранению внимания Бенедикт посвящает немало наставлений. Единство учеников создается прежде всего за счет их послушания слову учителя, Писанию, Слову Самого Бога.

Примечания

- ¹ См. критическое издание «Правила»: *Verheijen L.* La Règle de saint Augustin. Paris, 1967. Etudes Augustiniennes.
- ² В своем изложении я придерживаюсь двух исследований: *Trapè A.* S. Agostino: L'uomo, il pastore, il mistico. Roma, 2001; *Trapè A.* Introduzione a S. Agostino: La Regola. Roma, 1996.
- ³ «Исповедь» цитируется по изданию: Аврелий Августин. Исповедь / Пер. с лат. М.Е.Сергеенко. Вступит. ст. А.А.Столярова. М., 1991.
- ⁴ *Суини М.* Лекции по средневековой философии. Вып. 1: Средневековая христианская философия Запада / Пер. А.К.Лявданского. М., 2001 // <http://www.krotov.info/history/13/suini/page06.htm>
- ⁵ *Марру А.-И.* Св. Августин и августинианство / Пер. О.Головой. Долгопрудный, 1999. С. 41–45.
- ⁶ См.: *Trapè A.* Introduzione a S. Agostino: La Regola. Roma, 1996 // http://www.augustinus.it/pensiero/commento_regola/index2.htm

- ⁷ Перевод этой цитаты по тексту: *Суини М.* Указ. соч.
- ⁸ *Суини М.* Указ. соч.
- ⁹ *Цицерон.* О старости; О дружбе; Об обязанностях. М., 1993. С. 36.
- ¹⁰ Текст с критическим аппаратом: *La Règle de saint Benoît I–II.* Introd., trad. et notes par Adalbert de Vogüé. Texte établi et présenté par Jean Neufville. P., 1972. (Sources Chrésiennes, 181–182). Исследование рукописной традиции: *La Règle de saint Benoît III.* Instruments pour l'étude de la tradition manuscrite par Jean Neufville. P., 1972. (Sources Chrésiennes, 183). Исторический, филологический и богословский комментарий: *La Règle de saint Benoît IV–VI.* Commentaire historique et critique par Adalbert de Vogüé. P., 1971. (Sources Chrésiennes, 184–186).
- ¹¹ О жизни св. Бенедикта см. замечательный труд: *Вогюэ А. де.* Св. Бенедикт: Человек Божий / Пер. с фр. В.Бетаки и А.Стерпен; Под ред. А.Мосина. P., 1995.
- ¹² Цитаты из «Правил» Бенедикта в переводе автора статьи.

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ ИННОВАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

<i>Галина Белкина, Сергей Корсаков</i> «Хай-тек» как высокое соприкосновение.....	6
<i>Татьяна Артемьева, Михаил Микешин</i> Гуманитарный мир инноваций.....	19
<i>Игорь Ашмарин</i> Гуманитаризация инновационного процесса: неизбежность или невозможность.....	39
<i>Галина Степанова</i> Разработка инновации как совместная деятельность.....	56
<i>Елена Ярославцева</i> Инновационная роль образа в технологиях коммуникации человека.....	70
<i>Игорь Ашмарин, Галина Степанова</i> Студенческая молодежь на пороге инновационной деятельности.....	89
<i>Игорь Андреев, Ирина Шабанова</i> Микробиологические аспекты восстановительной медицины.....	110

ТРАДИЦИОННОСТЬ И НОВАТОРСТВО В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ: МНОГООБРАЗИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

<i>Владислав Келле</i> Историческое многообразие как проблема методологии.....	123
<i>Юрий Гранин</i> Национальные государства в эпоху неолиберальной глобализации.....	140
<i>Юрий Резник</i> Человек на границе системности и творчества: проблема трансперсональности.....	159
<i>Александр Разумов</i> Культура и власть в исторических обстоятельствах.....	174
<i>Татьяна Чумакова</i> Университет и лаборатория как основа инновационного развития русской науки во второй половине XIX века.....	194
<i>Ольга Шульман</i> Монашеская община как сообщество друзей и как школа внимания: «Правило» Августина и «Правило» Бенедикта.....	212

Научное издание

Человек вчера и сегодня

Междисциплинарные исследования. Выпуск 3

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор: *А.А. Гусева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 21.07.09.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 11,64. Тираж 500 экз. Заказ № 033.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор *Е.Н. Платковская*

Компьютерная верстка *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14/1 стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии: iph.ras.ru

ИЗДАНИЯ, ГОТОВЯЩИЕСЯ К ПЕЧАТИ

1. **Бурмистров, К.Ю.** «Ибо Он как огонь плавильщика»: каббала и алхимия [Текст] / К.Ю. Бурмистров; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2009. – 295 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 276–290. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0139-6.

В монографии впервые в отечественной науке проводится сопоставление учений двух эзотерических традиций – каббалы и алхимии. При анализе особенностей интерпретации алхимических проблем в каббале используется широкий круг еврейских каббалистических и натурфилософских источников, а также тексты европейской алхимии XII–XVIII вв. Основным объектом исследования служит алхимико-каббалистический трактат «Эш мецареф» (XVI–XVII вв.), оригинальный текст и перевод которого публикуется в приложении. Монография предназначена для тех, кого интересует история еврейской философии и мистики, а также европейская натурфилософия Средних веков и Нового времени.

2. **Гуревич, Павел.** Расколотость человеческого бытия [Текст] / П.С. Гуревич ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2009. – 199 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч.: с. 193–198. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0144-0.

Данная монография представляет собой развитие ряда идей, которые содержатся в работе автора «Проблема целостности человека» (М., 2004). Раскрывая смысл современного толкования человеческого бытия, автор предлагает свое прочтение данной проблемы. Расколотость человеческого бытия показана через бинарные оппозиции бытия и небытия, целостного и раздробленного, телесного и духовного, имманентного и трансцендентного, индивидуального и социального, идентичного и безликого, творческого и разрушительного. Особое внимание в монографии уделено анализу современных философско-антропологических концепций. В книге развивается ряд полемических сюжетов, обращенных к проблеме «смерти человека», «целостности человека», «распаду идентичности» и т.д.

3. **Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход** [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: И.Т. Касавин, В.Н. Порус. – М. : ИФРАН, 2009. – 215 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0145-7.

«Коммуникативная рациональность» – одно из наиболее дискуссионных понятий в современной философии. Его содержание определяется различными методологическими и эпистемологическими

«парадигмами», спор между которыми имеет принципиальный характер и привлекает внимание исследователей во всем мире. В статьях, вошедших в этот сборник, освещены важные аспекты этого понятия, от логико-семантических до социокультурных. Обсуждаются возможности коммуникативной интерпретации эпистемологических проблем и эпистемологической интерпретации проблем

4. ***Кричевский А.В. Образ абсолюта в философии Гегеля и позднего Шеллинга [Текст] / А.В. Кричевский ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2009. – 199 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0142-6.***

Книга представляет собой первую – общеметафизическую – часть монографического исследования, где предпринимается попытка на основе детальной проработки первоисточников и воспроизведения основных ходов мысли и интуиций Гегеля и позднего Шеллинга провести сравнительный анализ их учений об абсолюте. В центре рассмотрения – проблема бесконечности, свободы и триединства абсолюта как абсолютного духа, а также размышления о возможностях и пределах его умозрительного познания.

Предназначается философам, теологам и всем, кого интересуют фундаментальные проблемы метафизики и кто стремится выстраивать свободное и осмысленное отношение к религии.

5. ***Наука: от методологии к онтологии [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: А.П. Огурцов, В.М. Розин. – М. : ИФ РАН, 2009. – 287 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0138-9.***

Сборник подготовлен на основе докладов на семинаре Центра методологии и этики науки ИФ РАН и продолжает ранее вышедшие сборники по методологии науки. Основная идея данной книги заключается в том, чтобы показать осознание границ методологии и те процессы, которые привели к поискам новых онтологических единиц в различных науках и к выдвижению в философии новых вариантов онтологии. Вопрос о том, как анализировать предмет исследования, сменился поисками новых онтологических структур. Центральное место в сборнике (статьи А.П.Огурцова, Ф.Н.Блюхера и др.) занимают проблемы методологии истории и конструирование в исторических науках новых онтологических структур (событие, действие, ментальность и др.). Исследуется развитие классической логики и методологии науки, уясняются ее трудности и противоречия, привед-

шие к осмыслению новых предметных областей (статьи В.М.Розина, К.А.Павлова и др.). Сборник представляет интерес для философов, историков науки и гуманитариев различных специальностей.

- 6. Ориентиры... Вып. 5 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Т.Б. Любимова. – М. : ИФ РАН, 2009. – 215 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0132-7.**

Пятый выпуск сборника «Ориентиры...» продолжает избранную авторами общую для всей серии тему метафизики как важной части философии. Конкретизацией главной темы для данного выпуска нами принята следующая сюжетная линия: миф, утопия, проект, прогноз. В границах этого смыслового поля каждый автор решает проблему, которая представляется ему значимой: здесь исследуются доминирующие в общественном сознании парадигмы, соотношение метафизики и науки, эзотерические построения антропософии, Розы Мира, а также метафизические аспекты социальных утопий и революций.

- 7. Политико-философский ежегодник. Вып. 2 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.К. Пантин. – М. : ИФРАН, 2009. – 207 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0146-4.**

Второй выпуск «Политико-философского ежегодника», издаваемого Отделом социальной и политической философии ИФ РАН, открывается рубрикой «Россия сегодня». Статьи этой рубрики знакомят читателя с проблемами и трудностями демократического строительства в России. В рубрике «Интерпретации» выделяется статья А.Г.Мысливченко, где автор анализирует опыт и противоречия т.н. шведской модели социализма. В этом выпуске Ежегодника мы начинаем рубрику «Визитная карточка», где будем знакомить читателей с творчеством современных ученых – политологов и обществоведов.

- 8. Телесность как эпистемологический феномен [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.А. Бескова. – М. : ИФРАН, 2009. – 231 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0140-2. – Цена 00 р. 00 к.**

В коллективной монографии затрагиваются вопросы, связанные с выявлением телесных детерминант познания, жизни и духовной деятельности человека. Показано, что он как существо мира средних размерностей (мезокосма) организует свою картину мира в соответ-

ствии с параметрами собственной телесности, что определяет основные направляющие его мыслительной и преобразующей активности. Те же, в свою очередь, оказывают обратное влияние на функционирование телесности, на новом витке задавая специфику познавательной деятельности.

На основе теоретических разработок формулируются практически значимые рекомендации, позволяющие улучшить качество жизни современного человека.

9. Уайтхед, Альфред Норт. Приключения идей [Текст] / Альфред Норт Уайтхед; перевод с англ. Л.Б. Тумановой ; [примеч. С. С. Неретиной] / Науч. ред. С.С.Неретина. Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2009. – 383 с. ; 20 см. (Философская классика: новый перевод) – Указ.: с. 367–383. – Перевод изд.: *Adventures of Ideas / Alfred North Whitehead. Cambridge Univ. Press, 1964. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0141-9.*

Попытка создания всеохватывающей системы вещей, обеспеченная поворотом к метафизике, к ее высшей и лучшей части – онтологии, которая захватывает весь универсум: его социологию и космологию, философию и цивилизацию, – и которая связана с критикой науки, делает книгу А.Н.Уайтхеда актуальной по сей день. Приключения идей – важный фактор существования мира, понятого как смысло- и формообразующее качество цивилизации. В предисловии рассмотрена драматическая история перевода книги на русский язык, связанная с судьбой философа Л.Б.Тумановой.

10. Феномен человека в его эволюции и динамике: Тр. Открытого научн. семинара [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: С.С. Хоружий, О.И. Генисаретский. – М.: ИФРАН, 2009. – 287 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0135-8.

В сборнике представлены материалы заседаний научного семинара, ведущего работу в ИФ РАН с мая 2005 г. Обсуждаемая тематика имеет своим ядром синергичную антропологию – новое направление, выдвинутое и развиваемое руководителями семинара, но им не ограничивается, охватывая спектр актуальной антропологической проблематики: кризис классической европейской антропологии; наследие русской философии в синергично-антропологической перспективе; неклассические подходы к проблеме Человека; антрополо-

гические аспекты эстетики и искусства; психологии и психотерапии и различных гуманитарных практик. Особое внимание уделяется переосмыслению статуса антропологии, ее структурных и методологических оснований.

Наряду с докладами приводятся сопровождавшие их дискуссии. Актуальность содержания, разнообразие тематики и живое обсуждение делают сборник интересным для широкого круга гуманитариев.